

Даниил Андреев

Железная мистерия

Железная мистерия

Даниил Андреев

Даниил Андреев

Даниил Андреев

Железная мистерия

ПОЭМА

Москва
«Молодая гвардия»
1990

ББК 84Р7
А 65

Автор предисловия и примечаний
Владимир ГРУШЕЦКИЙ

Текст воспроизводится по рукописи,
предоставленной редакции А. А. Андреевой

А $\frac{4702010202-270}{078(02)-90}$ КБ—006—016—90

ISBN 5-235-01514-2

«МЕЧТЫ ВЫСОКОЙ ВОЛЬНЫЙ ПЛЕННИК...»

Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря.

Книга Екклесиаста, 12, 11.

Когда несколько месяцев назад мы с Аллой Александровной Андреевой, тридцать лет хранившей от превратностей судьбы рукописи мужа, сдавали в редакцию одну из них — метаисторический труд Даниила Андреева «Роза Мира», нас не оставляло чувство нереальности происходящего. Сейчас, когда я пишу это предисловие, верстка «Розы Мира» лежит на моем столе, а по книжным магазинам с длительностью фотовспышки пронеслась и исчезла другая книга Андреева «Русские боги». И все же мне трудно поверить, что «Железная мистерия» увидит свет, ведь подобных книг в русской поэзии нет. Видимо, так же трудно было поверить в это и автору, покрывавшему в общей камере Владимирского политизолятора случайные клочки бумаги бисерным, четким почерком. Но книга «идет в работу», и значит, есть надежда на успешное этой работы завершение.

Никто не ждал появления в России в начале пятидесятых годов нашего века поэта такой силы и такой высокой одухотворенности, каким предстает сейчас перед читателем Даниил Андреев. Это непреложно. Однако последние годы существенно изменили в нашем представлении литературный ландшафт того времени и в некоторой степени подготовили встречу с поэтом огромного дарования, мыслителем в исконном смысле этого слова, визионером и духовидцем, работавшим в духовном подполье пятидесятых.

Конечно, появление из небытия книг Андреева доказывает, что творческий огонь в человеке неугасим: ни изощренная борьба с духовностью, которую вели всесокрушающие силы тирании на протяжении многих десятилетий в России, ни тюрьма, ни выкорчевывание русской культуры над этим огнем не властны. Но, помимо этого, именно в наше время, чреватое судьбоносными поворотами, творчество Андреева представляется мне предельно необходимым, ибо содержит в себе многие недостающие ключи как от нашего прошлого, так и от нашего будущего.

Все странно и вместе с тем просто в судьбе этого человека.

Вспоминает Вера Николаевна Муромцева-Бунина: «Кто-то спросил Андреева, почему он сегодня не в духе?

— Я только что от Добровых. Видел сына, который все чему-то радуется...

— Но это прекрасно, значит, мальчик здоров, — сказала я.

— Ничего прекрасного в этом нет. Он не имеет права радоваться. Неотчего ему быть жизнерадостным. Вот Вадим у меня другой, он уже понимает трагедию жизни» *.

Разговор этот происходил, очевидно, не позднее 1907 года, и в

---

* Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., СП. 1989. С. 412.

нем талантливый русский писатель Леонид Андреев, автор ужасного пророческого «Красного смеха», ошибся самым явным образом. Его старший сын от первого брака Вадим прожил жизнь за границей, где ему, конечно, пришлось хлебнуть лиха, как и тысячам других русских эмигрантов, но с настоящей «трагедией жизни» он столкнулся, видимо, лишь в 1957 году, когда в качестве сотрудника экономического отдела ООН приехал в Москву и встретился с братом после сорокалетней разлуки. Даниил Андреев несколько недель назад был освобожден из Владимирской тюрьмы, отбыв десятилетний срок заключения «от звонка до звонка».

А тогда, во времена, о которых вспоминает Муромцева-Бунина, Даниил Андреев действительно радовался жизни в доме сестры своей матери и ее мужа — Ф. А. Доброва, не подозревая о том, что стал невольным виновником смерти матери, А. М. Велигорской, умершей от родовой горячки в 1906 году в Берлине.

Дом Добровых заменил ему родной, и, зная тяжелый характер Леонида Андреева и его скорую вторую женитьбу, а также удивительную по теплоте и добросердечию атмосферу добровского дома, оставшуюся в памяти многих современников, об этом, право, не стоит жалеть. «Нет, младенчество было счастливым...» — напишет в одном из стихотворений Даниил Андреев.

Но счастливая заря жизни скоро замглилась грозовыми тучами. В 1917 году прежней жизни пришел конец. Даниилу 11 лет.

Перед его глазами пройдет революция, гражданская война, глухо прозвучит из Финляндии в 1919 году весть о кончине отца.

Возможно, драматические коллизии времени, возможно — другие причины, соединившись с воспитанием в московской православной интеллигентной семье, выковали удивительный тип душевной структуры молодого поэта. Изначально религиозный, но совершенно лишенный экзальтации, органично воспринявший великую русскую культуру в ее лучших, высочайших образцах, влюбленный до беспамятства в Россию, Андреев слышит в душе могучий, необоримый призыв к творчеству. Он — поэт, что называется, милостью Божией. Его поэтический язык волен и чист. Высшие литературные курсы, оконченные в 20-х годах, только огранили талант, а редчайший дар духовидения раз и навсегда определил направление его творчества.

В веках оставили неизгладимые следы визионеры прошлого: Сократ, Данте, Бёме, Сведенборг, Вл. Соловьев... Дар Андреева, врученный ему своим даймоном, превзошел все известные в истории человеческой культуры. Способность прозревать в миры инобытия, яснослышание, открытая глубинная память, созерцание панорам иных миров — знатоки эзотерических наук прошлого не верили, что эти качества могут быть вмещены одним человеком, но «Дух вольно дышит, где хочет...». Из-под пера Андреева хлынули стихи, и было это в начале тридцатых годов. Время запрягать пегасов в сельхозинвентарь и воспевать павликов морозовых. На пути поэтической реки, несущей отсветы духовного планетарного космоса, незыблемо встала плотина соцреализма, увенчанная барельефом крестного отца Даниила Андреева — Максима Горького. Стихи не только не могли прокормить, но становились смертельно опасными; надежно защищенный духовной одаренностью от грома и дребезжания неумолчной пропаганды, Андреев в глубинных прозрениях рано постигает зловещую суть «от-

ца народов» и трагедию «грустной, тихо плачущей» великой страны.

Средства на жизнь давала скромная профессия художника-оформителя, а все свободное время было безраздельно отдано творчеству. В 1937 году, пытаясь найти адекватную форму рождавшейся небывалой картине мира, Андреев начинает работу над романом «Странники ночи». Тяготевший к крупным формам в поэзии, автор задумал его «эпопеей духа» и одновременно — портретом эпохи. Ясное осознание долга вестника ведет его самой прямой дорогой. «Сохранив лишь медный крест молчанья, — честь и долг поэта наших дней», зная наперед о грядущей катастрофе, Андреев торопится, пока «тьма войны непоправимым мраком мечущийся ум не залила», но события опережают его.

В 1942 году он уходит на фронт. Шлиссельбург, Синявино, ледовая трасса Ладоги, блокадный Ленинград — эти страшные названия много скажут фронтовикам. Но высшие силы бдят над судьбой поэта. В 1945 году, без единого ранения, Андреев демобилизован и, откопав из земли незаконченную рукопись, продолжает работу. В 47-м роман, наконец, закончен. Его прочитали... следователи МГБ и оценили по достоинству. Особое совещание выписывает автору путевку на 25 лет в «дом творчества» со странным названием: Владимирский политизолятор, а все, созданное к этому времени — роман, поэмы, поэтические симфонии, стихи, — озаряется светом... нет, не всемирной славы, а печи в подвалах Лубянки. Заодно в огне гибнут и письма Леонида Андреева семье Добровых, и фронтовая переписка поэта с женой...

Тюрьма... Место ее в русской культуре еще недостаточно изучено, но весьма заметно. В камере Даниил Андреев находит вполне достойное общество: В. В. Шульгин, член Государственной думы, академик В. В. Парин, историк Л. Л. Раков и целый интернационал из итальянцев, немцев и даже японцев. И тюрьма действительно становится для Андреева домом творчества. Сосредоточив все силы души, сконцентрировав предельно талант и волю, он приступает к главным работам своей жизни — трактату «Роза Мира» и поэме «Железная мистерия».

Еще дважды черновики гибнут во время шмонов, один из непрестанных ударов той силы, что вечно покушается на жизнь Поэта, едва не достигает цели: в 1954 году Андреев перенес в тюрьме тяжелый инфаркт, но ничто не может остановить «труда, завещанного от Бога».

В 1956 году хрущевская комиссия, пересмотрев дело смертельно больного поэта, находит, что 25 лет, пожалуй, много, а вот 10 — в самый раз. В это же время начальник тюрьмы, Давид Иванович Крот, разом искупив немало грехов многих начальников тюрем, выдает при свидании только что освободившейся из лагеря (те же 25 лет ОСО) жене поэта целый мешок рукописей, а несколько месяцев спустя из тех же дверей Лубянки, в которые вошел 10 лет назад, под апрельское солнце вышел и сам автор. Оставшиеся 23 месяца жизни, каждый день из которых мог стать последним, отданы предельно напряженной работе над черновиками. 12 октября 1958 года закончена «Роза Мира», примерно в это же время — «Железная мистерия». Книга «Русские боги» * так и осталась незаконченной. 30 марта 1959 года поэта не

* Вышедший в 1989 году в издательстве «Современник» том избранного с этим названием существенно отличается от авторской структуры книги.

стало. Этот траурный день не отмечен ни в каком календаре, потому что должно было пройти еще 30 лет, прежде чем титанический духовный подвиг русского духовидца и великого визионера смог стать доступным соотечественникам.

Я ничего не могу сказать о самих произведениях Андреева. Я не чувствую себя вправе говорить о таких произведениях, какие рождаются раз в несколько столетий. Но, навсегда пораженный знакомством с ними, хочу помочь читателю своим знанием всего наследия Андреева.

«Железная мистерия» — часть грандиозного триптиха, включающего, помимо поэмы, книги «Роза Мира» и «Русские боги». Каждое из этих произведений вполне самостоятельно и самоценно, но только в форме триптиха они вместили небывалый труд по созданию принципиально новой картины мира, в основу которой лег опыт, приобретенный трансцендентным путем.

«Железная мистерия» сосредоточена на одной из концепций этой философемы — на метаистории России — в прошлом, настоящем и будущем.

Восприятие поэмы будет тем полнее, чем ближе знакомство читателя с книгами «Русские боги» и «Роза Мира», не только дополняющими поэму, но и раскрывающими гигантский замысел автора, чьи черты в поэме оставили след в образах Прозревающего и Экклезиаста.

Отдадим же должное силе и высоте духа человека, выстоявшего в духовном противоборстве с невиданной тиранией, не отрекшегося от «долга первого гонца», откроем книгу, готовые к встрече с «миром бездонным, странным, новым...» *.

Владимир Грушецкий

---

* Все цитаты в предисловии, равно как и название статьи, — строки из стихов Даниила Андреева. — *В. Г.*

ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ

ОТ АВТОРА

«Железная мистерия» предполагает читателя, уже знакомого с книгой «Русские боги». Мистерия связана с ней общностью темы, центральные образы первой книги — демиург Яросвет, Навна, демон великодержавной государственности уицра́ор Жругр — остаются главенствующими и во второй. Для читателя, незнакомого с первой книгой, некоторые подробности Мистерии могут показаться непонятными, особенно в начале чтения.

Действие «Железной мистерии» разворачивается в многослойном пространстве. Из этих слоев, расположенных горизонтально, особенное значение имеют три слоя.

СРЕДНИЙ СЛОЙ — арена событий условно-исторического плана. Это — картина большого города на морском берегу. Центром его служит Цитадель; справа от нее — пятиглавый собор, слева — дворец Августейшего. Вокруг этих архитектурных ансамблей размещаются кварталы богатых домов с колоннами, обширные районы многоэтажных громад и лачуг, фабричные предместья. В отдельных случаях становятся видны как бы крупным планом площади, гавани, монументы, залы общественных зданий, рынки, подземелья, заводские цеха. Открытый морю, город оцеплен со стороны материка полукружьем стен с несколькими воротами. Далее простирается равнина, в свою очередь, со всех сторон окаймленная скалистым хребтом. Один из концов этой горной дуги обрывается крутым мысом в море невдалеке от города. По мере хода действия пейзаж этот претерпевает значительные изменения.

Под этим слоем на больших глубинах расположен НИЖНИЙ СЛОЙ. Это — подобие некоторых миров инфрафизики, связанных со СРЕДНИМ историческим слоем общностью протекающих там процессов. НИЖНИЙ слой становится видимым лишь минутами, когда перебегающие световые вспышки пронизывают его насквозь, а Средний слой охватывается полутьмой. В остальное время оттуда доносятся только шумы и голоса. Человеческого обличья существа Нижнего слоя не имеют; однако у некоторых из них, мельчайших, можно заметить отдаленное сходство с человеческой формой.

Третий слой, ВЫШНИЙ, остается невидимым, за исключением редких случаев. Но голоса оттуда доносятся также: вначале — очень редко, потом — чаще.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не знаю,
какой воскуривать Тебе ладан
И какие
Тебе присваивать имена.
Только сердцем благоговеющим Ты угадан,
Только встреча с Твоим сиянием
предрешена.
Твои тихие, расколдовывающие
силы
Отмыкают с неукоснительностью
часов
Слух мой, замкнутый от колыбели и
до могилы,
Зренье, запертое от рождения на засов.
Совлекаемая
невидимыми
перстами,
Все прозрачнее
истончающаяся
ткань,
И мерцает за ней — не солнце еще,
не пламя,
Но восходу его предшествующая рань.
Поднимаешься
предварениями
до храмов
На вершинах
многонародных
метакультур,
Ловишь эхо перводыхания Парабрамы
В столкновении
мирозданий
и брамфатур.

И я чувствую
потрясающие мгновенья,
Что за гранью
и галактической
и земной,
Ты нас примешь, как сопричастников вдохновенья,
Для сотворчества
и сорадования
с Тобой.
И, разгадывая
вечнодвижущиеся знаки
На скрижалях
метаистории
и судьбы,
Различаю и в мимолетном, как в Зодиаке,
Те же ходы миропронизывающей борьбы.
Дух замедливает у пламенного порога:
Он прислушивается, он вглядывается в грозу,
В обнаруживаемый замысел Противобога,
В цитадели
его владычества —
там, внизу;
Он возносит свою надежду и激 упованья
К ослепительнейшим
Соборам
Святой Руси,
Что в годину непредставимого ликованья
Отразятся
на земле,
как на небеси.
Катастрофам
и планетарным
Преображеньям —
Первообразам, приоткрывшимся вдалеке —
Я зеркальности
обрету ли
без искаженья
В этих строфах на человеческом языке?
Опрокинутся
общепризнанные
каноны,
Громоздившиеся веками, как пантеон;
В стих низринутся —
полнозвучны
и многозвонны —

Первенствующие
спондей
и гиперпеон.
И, не зная ни успокоенья, ни постоянства,
Странной лексики обращающаяся праща
Разбросает
доброзвучья
и диссонансы,
Непреклонною
диалектикой
скрежеща.
Не отринь же меня за бред и косноязычье,
Небывалое это Действо благослови,
Ты,
Чьему
благосозиданию
и величью
Мы сыновствуем
во творчестве
и любви.

ВТОРЖЕНИЕ

Осенние сумерки.

Смутный шум улиц. Порывы ветра доносят из-за городских стен, с равнины, то падающий, то поднимающийся гул народного множества. Очень издалека видим редкие, вздрагивающие пятна: то ли свет в окнах разбросанных по равнине деревень, то ли костры боевого стана.

Во дворце Августейшего — танцевальная музыка.

— Mesdames — à droit!
Messieurs — à gauche! *

— Вы чуете легкую гарь?
— Ах! Как обаятелен,
как пригож
Сегодня
наш государь!
Во дворцовых подвалах — радение.
И-эх, наваждение...
— Ох,
ни зги...
— Подь, женишок-саваоф,
лей!
жги!
Хлынь
в зло,
в грех...
— Ты накати-налети,
друг —
дух!
— Ты заверти-подхвати,
слей
двух!
— Трех?
— Сто!
— Всех!

* — Дамы — направо!
Господа — налево! *(фр.)* — бальные команды *(прим. ред.)*.

На окраине — старинный монастырек. Келья Прозревающего. Он средних лет. Сидит в кресле, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

Голос невидимого Да́ймона
Видишь ли суть
сквозь пятна
Мечущихся личин?
Слышишь ли голос невнятный
Со дна пучин? —

Прозревающий
Улавливаю, но размывчато... смутно...
взор еще застит мгла...
Мнится — в геенне вручают кому-то
родившемуся —
дар Зла.

Тонкий, как нить, вздрагивающий голос из пучины
Развенчивай
царство
пред концом!
Оскверняй
церковь
бубенцом!
Прилепись
к клиру
алтаря!
Подрывай
веру
в трон царя!

Во дворцовой зале появляется Августейший в сопровождении хлыстовского «саваофа». Оркестр рассыпается стаей взвизгов. Дамы упархивают за колонны.

Голоса.
— Mon Dieu! Qui est ça? *
— Mesdames, спокойно...
Хитер, как лиса —
И в этом вся тайна.
— Но очи-то! Очи!..
— Ах, не скажите...
— О чем он пророчит,
живой небожитель?

«Саваоф», *поднимая перст, густым окающим говором*

* — Мой Бог! Кто это? *(фр.)* — *Ред.*

Нынче всякий походя
Лжет, в бесовской похоти,
Будто лишь в Европе ум,
Русь же — мрак да опиум.
По таким ударить —
Значит государить.

Августейший

Да, нелегко нам судно вести
Между сирен докучных...
С голосом царской совести
Вы лишь один созвучны.

«Саваоф» обводит колдующим взором зал. Дамы показываются из-за колонн.

Первая дама, *приближаясь*

Простите неверный шаг...
Наш обморок... Наш смешок...
Теперь мы, осилив шок,
В вас поняли истый шик.

Вторая дама, *пошатываясь*

Какой неимоверный вздор!
Он — бел, фиолетов, бур...
Не все ли равно — пожар
Подхватит нас? Смерть? Позор?..

Третья дама, *коленопреклоненно*

О, возложи свою руку,
Как на священную раку,
На грудь мою: слышишь трепет?
То кровь наша нас торопит! —

«Саваоф», *благословляя дам и мужчин*

Государь возлюбленный!
Мир, чертями вздыбленный,
Немогущ, пока я —
Страж твоего покоя.

Августейший

Вижу колонны я... обелиски...
Не вижу людей в империи!
Мне грустно: народ российский
Утратил мое доверие.
Один только вы мне близки,
Утес среди волн безверия!

«Саваоф», *возлагая руки: правую на грудь дамы в белом, левую — на грудь дамы в розовом*

Государь наш батюшка!
Ослабела церквушка;

Коль не хочешь падать —
Патриарха надоть!

Женский голос *подле Августейшего*

Светится он несказанною тайной,
Мудрость его — как Русь глубока...
Чье же в России чело достойней
Белого клобука?

Вокруг «саваофа» вспыхивают синие огни. Порхая, они осеняют Августейшего, принцев крови, старцев ареопага. Свет в люстрах убывает.

Августейший

Молись за Россию, отче,
Угодный Господу Богу;
А я — лишь смиренный зодчий,
Зовущий ее ко благу.
Черчу военные планы,
Чтоб было где реять флагу...
Умрем — и зарей желанной
Пойдем по райскому лугу.

Августейший удаляется.

В зал врываются радевшие в подвалах

— Ох, чудеса! Эх, кудеса!
Правь, Саваоф,
Бог!
— Каждый — Христос...
— Мы — в небеса,
Меж облаков...
— И-охх!

Неистово кружащийся «саваоф» становится центром хоровода. Люстры едва тлеют. Синие огни выпархивают наружу, карабкаясь по стенам дворца. Дворец маячит над городом, весь трепеща в их танцующем вихре.

Заглушенный говор
На антресолях

— Ах, государь совсем обольщен:
Он кроток, доверчив, прям...

В казармах

— Глупейший из всех, занимавших трон!
Нелепейшая из драм!

В церковных притворах

— Никто не расшатывал с древних времен

Так вероломно храм...

В квартирах

— Позор! Царица семи корон

Хлыстовствует по вечерам!...

На улицах

— Смотри: возмущенье со всех сторон!

Фарс! Балаган! Срам!

Прозревающий *в своем монастырьке*

Демон грозный

и мелкий бес нам

Ложь нашептывают все лукавее...

Боже, скрой омофором небесным

От врага глубину православия!

Если братства наши бессильны

Перед царством его встающим —

Укажи, где хранить светильню

И кому передать в грядущем!

Зигзагообразный луч внезапно пронизывает на миг глубину Нижнего слоя. Там, вблизи опрокинутого острием к центру земли капища античеловечества, тяжко пульсирует дряхлое тело Жругра, демона великодержавной государственности. Щупальца его жадно всасывают пищу из почв, подобную красной росе. Голова на длинной шее то припадает к земле, то взмывает в вышину. Он претерпевает муку размножения: от его туловища отпочковывается уменьшенное его подобие. Бледное, тощее, с огромной пастью, оно юлит вокруг старика, стараясь откусить одно из его щупалец. Вспышка гаснет.

Дробный, настойчивый стук в Западные ворота.

Монотонно-высокий голос из-за ворот

Довольно с нас лампадок и просфор.

Хотим — Босфор!

А чтоб народ впотьмах не костенел —

И Дарданелл.

Мы подновим облупленный фронтон, —

Ведь я — бон-тон,

Я — доктор прав, на мне всегда сюртук.

Тук-тук. Тук-тук.

Голоса в ареопаге

— Государь, не впустить ли?

— Смажем маслицем петли —

И не скрипнут, пожалуй...
— Чугун-то тяжелый!..

Августейший

Непрошеных сватов
Прошу без советов.

Голос за воротами

Я к вам — посол от тех, кто трезв и бодр.
Ваш хлипкий одр
Мы укрепим: поймите странный ход!
Не Дон-Кихот
Наш идеал, а уж скорей Гладстон.
Зачем же стон?
Зачем же вновь я слышу, как всегда,
Ни «нет», ни «да»!

Говор в домах

— Умнее не сумел тоста...
— Этот из того ж теста.
— Разве это вождь? Паста!
— Было бы им всем пусто!

Ворчание в подворотнях

— Врали про народ? — Врали!
— Прели меж перин? — Прели!
— Жрали мандарин? — Жрали!
— Грели свой живот? — Грели!

Вспышка света еще раз проносится по нижним слоям. Видно, как от Жругра отпочковывается второе детище — Бурое, с черными глазами без блеска. За городской стеной — пальба. Выстрелы уже и на улицах.
Резкий, как барабанная дробь, стук в Восточные ворота.

Экзальтированный голос из-за ворот

Коль не откроешь мне, тиран, дверцы —
Жди катапульту! Жди таран
в сердце!
За мной — здоровье, дух и речь
русских,
За мною — толпы! Обеспечь впуск
их!

Глухой говор в народе

— Уж не наши ли грядут мстители?
— Уж не наша ли кровь и плоть?...

Начальник полиции

Гончие! Гончие! Внюхивайтесь!
Ищите!
По следам! Взад — вперед — вкривь — вкось!

Гончие

Лаем, рыскаем по рвам
вбок,
вглубь,
В коридоры, в каждый спуск,
ход,
копь,
Но везде по подворотням
скрыт
вор,
Колобродни! Плутни! Бредни!
Гвалт
свор!

Говор в народе

— Гордыню кормим всемирную...
— Ношу несем безмерную...
— Землю грызем черную...
— Плачемся в ночь бурную!

Голос Велги *из глубинных пещер под Цитаделью*

Чьи мольбы
в мой
сон
вкрадываются?
Чей призыв
в мой
мрак
врезывается?

Крики

— Что нам все Дарданеллы,
Коль царь — свирепей гориллы?
— Коль негде поесть, согреться?..
— Коль спит с мужиком царица?..

Голос Велги

Слышу вновь
гул
толп
взмаливающихся,
Ропот волн,
вдоль стен
взлизывающихся:
Узнаю
их
крик
бешеный;

Иль мой срок
бьет
в склик
башенный?

Голос Жругра, *задыхающегося в борьбе*

То на башне бьет
лишь
Склик на брань новую...
Спи, сестра, как века
спишь
Под земной лавою!
Я тогда завалил сам
Срыв к тебе — глыбою,
Запер сам
твой глухой гром,
Твою мощь грубую!..

Крики на улицах

— Эх, понагнать жуть бы!
— Со свету их сжить бы!
— В ковах тугих сжать бы!
— В домнах живьем сжечь бы!

Восклицания в залах дворца

— Что это?.. Кто это?..
— Что там за трели?
— Было так радостно —
не вчера ли?..
— Боже мой: если...
— Мы ж говорили! —
— Люстры погасли!..
— Карлики... тролли...

Электричество действительно гаснет совсем. Залы дворца озарены только стаями перебегающих синих огней.

Августейший

Спокойно! То — смерч мимолетных пятен.
На юг эскадроны я бросил уже.
Одно лишь досадно: враг непонятен,
Как если б туман
встал в мятеже...

«Саваоф»

Утрой, батюшка, стражу:
кончится ночка —
На царство помажу
твоего сыночка.

Первый отряд защитников, *мчась на равнину*

Пуля — измене,
                    ворам — топор, —
Царским веленьем
                    во весь
                         опор,
Грянем трубою! Праведна цель!
Ратники! В бой —
                    за Цитадель!

От Жругра отпочковывается третье детище — Багровое. С непостижимой быстротой набрасываясь на родителя, оно откусывает у него одно щупальце за другим.

Вопль Жругра

Игвы! Раругги! На помощь!
Где ж поезда цистерн?
Корма не вижу...
Множится немощь...
Корм! Корм! Корм!

Голоса игв *в великом подземном городе античеловечества*

— Смешна твоя тупость.
— Слышна твоя косность.
— Тошна твоя пресность.
— Тесна твоя праздность!

Голос Багрового Жругрита

Кто не со мной —
Завтра сгною
На мировом
     Дне.
В пасть старика
Пищу мою
Больше не сметь:
     МНЕ!

Суета среди игв

— Укрепляем штанги...
— Удлиняем шланги...
— Грузим на платформы
— Пей, хозяин корма!

Голос Багрового

Всласть
Всасываю...
Ой,
Прелесть...
В пасть
Вбрасываю —
Жуй,
челюсть...

Голос Жругра

Титаны! Колоссы... Во имя долга!
Забудем раздор!.. Растет
Опасность для всех:
вырвется Велга —
Кто ж заградит вход?

Голоса человекоузников *в Цитадели подземного мира*

Мы держим — мы держим —
Здесь, в мрачном Друккарге,
Твой оплот,
Но утратился стержень,
Игвы плещут в восторге,
Расползаются связи плит...

Жругр

Яросвет! Помоги же пламенем!
Враг-сын
норовит в храм...
Я ль не венчал твоим знаменем
Купол имперских хором?
Я ль не зажег над временем
Радугу — Третий Рим?

Крики игв

Он с нашим врагом
Вступил
в торг!
Чтоб отдать на разгром
Друккарг!..

Голос Великого Игвы

Пахнуло черное дыханье господа
В разум мне.
Я слышу мысль мирового деспота
Там, на Дне;
Я понял волю его державную:
Пищу впредь

Вливать Багровому, ныне славному,
В рот и в грудь.

Голос Багрового

Я без труда
В пасть старику
Наглухо вбил
Кляп.
Игвы! Сюда!
Вскачь! На скаку!
Шибче — со всех
Лап!
Сотню цистерн
Красной росы
Лейте мне, псы,
В рот!
Ум мой от скверн
Чист, как алмаз,
Сила растет,
Жжет...

В ту же секунду на чугун Северных ворот города обрушиваются громоподобные удары.

Голос человекоорудия Багрового Жругрита *за стеной*

Равенство — цель.
Метод — подкоп,
Взрыв, а потом —
Штурм.
Кличьте метель,
Бурю, потоп,
Бунт и разгром
Тюрьм!

Разноголосые крики *вблизи городской стены*

— Он — у ворот...
— Прячьте ребят!
— Ой, зарябят
Годы невзгод...
— Да-с, кавардак...
— Не клеветать:
Друг, а не враг!
Брат, а не тать!
— Башни — в дыму
Вон — уже брешь...
— Все, кто в дому —
В бой! На рубеж!

— Бедный наш край...
                    — Бар — в топоры!!!
— Хоть до поры,
Спас, не карай...

Голос человекоорудия *за стеной*

Им своих банд
Не подружить:
Гонит их врозь
        Спесь.
Лестниц! Канат!
Лямки вяжи,
Метче забрось —
        Лезь!
Рвенье утрой,
В бодрой груди
Не остужай
        Жар:
Дел впереди —
Хоть отбавляй:
Целый земной
        Шар!

В темноте улиц возникают шеренги

— Вот кто умеет звать и хотеть!
— Вот кто не расположен простить!
— Ох уж! и неумолим, как тать...
— Ох уж... и неуловим, как ртуть!

Гончие, *сбившись с ног*

— Эй, вожак — вот тут!
                    — Там!..
— Брешешь: вон он, под мостом...
— Вон, с бродягою простым
Треплется...
— Речью дерзок, как мужик,
        Черен обликом, как жук,
            Над народом, как божок
                дыблется!

Голоса в ареопаге

Подлая нахань вздымает голк...
Гвардия! На-конь.
                    Верши свой долг!

Второй отряд защитников, *проносясь*

В бранную пляску
                    сабель и шпаг
Шлет нас верховный ареопаг.

Прочь, кто боится!
Плачь,
холоп!
Гвардия мчится
вскачь,
в галоп.

Набат. На равнипе — гул сражения.

Взвизги радеющих
Ах, накатил! — Ух, закружил
Светлый дружок — Спас...
Ох, подмывает,
— Й-их! — несет
Старую Русь в пляс!
Шепот в ареопаге
— Мерзавца — убрать!
Профанировал царство,
С помазанника сорвал ореол...
— Однако, не поздно ли будет лекарство?
— Не слишком ли одряхлел
наш орел?

В темноте — выстрел. Поспешно: второй, третий, четвертый... Падение грузной массы. Синие огни получают дар звука: с визгом сливаясь в клуб, они погружаются в дворцовый подвал.

Впотьмах придворные натыкаются друг на друга
— Наконец-то! Спасенье! Счастье!
— Собаке — собачья смерть...
— Не смоем ли этим бесчестье?..
— Завалим ли водоверть?
Крики на площади
— Что же, стыдобушка-царь?
Гнуть
выи?
— Громоздить, как и встарь,
вал?!
— Эй, братва! Подрубай
сваи!
Эй, орда! Подрывай
ствол!

Голос Велги *в пустотах под Цитаделью города*

Дай мне, ад,
мой
плащ
пламенный,
Озаряй подъем
в град —
в мир
временный!
Пламеней, мета,
в ночь
вклиниваемая!
Откачнись, плита,
прочь
скидываемая!

Глухие подземные удары.

Голос старого Жругра

Брат! Яросвет! Из растерзанных складок
Видишь, смотрю, ни мертв, ни жив...
Я ж опроверг, зачеркнул напоследок
Все...

Голос Карны

Тщетно лукавишь, утлый рассудок!
Кто превозможет
рок
держав?
Хмель вековой тирании был сладок —
Вот, ты расслаблен.
Ты наг.
Ты ржав.

Старый Жругр *в великом ужасе*

Но за что?! Я же строил...
Руки виснут, как плеть...
Порожденья, все трое,
Жаждут вгрызться мне в плоть,
Они ждут моей смерти,
Чтоб похитить мой ум!
Жадно жрать мое сердце!
Сбросить душу в Уппум!!

Голос Карны, *удаляясь*

...Как и сам в старину пожрал ты
Сердце собственного отца.

Голоса игв

— Громаду твою развинчиваем...
— Царство твое развенчиваем...
— Мощь твою замораживаем...
— Нищь твою обнаруживаем!

Голос Даймона *в монастыре, на окраине*

Видишь, трое исчадий, как винт,
Вклиниваются в него?

Прозревающий

Да, он влачится сквозь лабиринт,
Будто ища дупло.

Даймон

Это он хочет телом совпасть
С капищем игв в одно;
Это цепляется он за власть,
Чтобы не пасть на дно.

Прозревающий

Вижу — еще оторвался один,
Черный, как уголь с золой...

Даймон

То — недоносок. Последний сын.
Может быть, самый злой.

Велга

Наконец-то
загремел
срок
в медь
башенную!
Выхожу
госпожой
в град,
тьмой
прошенная!
Рвись за мной,
вой зверьем,
рой
зол
будущих.
Из глубин,
скважин,
недр,
нор,
вверх
прядающий!

Из провала поднимается туманная фигура: развевающиеся покрывала, лиловые и черные, полыхают над крышами домов; лицо закрыто сплошной маской.

Трудовой —
по дворам —
люд!
Встань
в лютости,
Расчищай
вожакам
банд
путь
к крепости;
Раскрывай
в ураган
медь
створ
древнюю,
Пропускай
в стольный град —
внутрь —
рать
славную!

Доносится гомон толпы, заливающей улицы, устремляющейся ко всем воротам городских стен.

Крики

— Брусья громады
Рушь, громадá!
— Братьям народа
Настежь врата!

Все ворота распахиваются. Толпы восставших вливаются внутрь, смешиваясь с горожанами. Раскаты «ура», братание, обрывки песен.

Рабочий-поэт, *перебегая от толпы к толпе*

Мы, дети народа,
Вперед, народ,
Добились свободы!
Народ, вперед!..
В бою все народы
Добьются свободы —
Свободы народной,

Власти свободной!
Нар-род!
Впер-ред!

Возгласы в народе

— Братья! В объятья!
— Сольемся в одно мы!
— Жилищами нищих
Станут хоромы...
— И это — не сон?
— Три века — рабами...
— Пой в унисон:
«Алое знамя»!
— Вставай,
богатством обойденный,
Весь ми-ир...

Господин в сюртуке, *первый поднявший стук в ворота, теперь усаживается, завладев залом ближайшего особняка, за длинный, сукном покрытый стол. Вокруг стола рассаживаются кто где попало*

Привет, друзья! Народом почтены
Мы — ум страны.
Давно не мог уж свергнутый злодей
Рождать идей!
Но наша роль — Русь вывесть на простор.
Пароль — Босфор!

Человек во френче, *перебегая через зал и выскакивая на балкон*

Ура, Россия! Твой тиран —
в узах.
Поток восстанья мирно стих
в шлюзах;
Все, кто мечтал про общий рай —
с нами.
Свободный ветер, развевай
знамя!

Возгласы внизу

Ты про землицу не забудь, барин!
А то, пожалуй, будет день бурен...

Человекоорудие Багрового Жругрита *прямо посреди площади*

Крепость — на слом.
Извергов — в плен.
Кровью промыть
Край.
Масса! Вперед!

В кровь — до колен!
Штурм, но потом —
Рай.

Несколько человек *во френчах и визитках выскакивают из особняка на мостовую*

Не вами, а нами
Поднято знамя,
Брошено семя,
Тянуто бремя...

Голос в толпе

Таких чего-то не помним:
Сидели, верно, в палатах...

Выскочившие

— Смотри, коль не помнишь:
Жилетка — в заплатах!
В холод ли, в жар ли
По каторгам мерли,
Этапами перли
Без йода, без марли...
— С рыданьями в горле...
— Обыски, тюрьмы,
Сифилис, корь мы —
Все исчерпали
В страшной купели...

Крики

— Ну, уж, запели...
— Сказки да бредни
Старой обедни...
— Вам бы старушек...
— Вам бы лишь грошик
На аналой...
Долой!

Человекоорудие Багрового Жругрита

Правильно, народ!
Сбрасывай багром,
Прямо к фонарю
При!
Пусть-ка на весу
Мелют языком...
Вон еще второй...
Три!

Восклицания с балкона

Народ, осторожно!
Обнимемтесь дружно:

Сейчас — не до розни!
А этот лишь казни
Сулит — он тираном
Быть хочет! Он грозным...

Человекоорудие Багрового

Хватит! Молчать,
Мерзкий наймит,
Платный холоп,
Гнус!
Ставлю печать
Прямо на лоб:
Кто обелит?
Ну-с?
Знаем: кляня
Люд трудовой,
Наш предают
Строй...
Кто не со мной —
Против меня —
Пролетарьят!
В бой!

Площадь гудит. На улицах, ведущих к городской площади, стычки.

Велга

Тех троих —
обойду
мглой
дня
бурного.
Силы влив,
обойму
лишь
дух
Черного.
Смерк закат;
над душой
длят
власть
сумерки...
Погуляй,
брат меньшой!
Множь
жертв
судороги!

Одно маленькое щупальце Черного Жругрита появляется на площади. Оно кажется человеком, влезшим на фонарь.

Щупальце

Эй, голь бродящая!
Бабье гулящее!
Подонки вольные,
Борцы подпольные,
Рванье безрентное —
Интеллигентное!
Кто спит без наволок!
Господ навыволок
Да ближних проволок!

Чернь

— Эх, просят усадьбы:
В гостиных накласть бы.
— По зеркалу грохнуть.
— Фарфор гардарахнуть.
— По бревнышку всё растаскать бы!
— Хозяев на вилы...
— Настежь подвалы...
— Дождалась, Рассеюшка, свадьбы.

Паника в ареопаге

Кончено: гневный гром
Грянул в чело страны!
Уж у руин дворцов
Только вороний грай...
Отягощены грехом,
Кривдой заклеймены,
Как мы обороним
Край!

Голос Карны

Волю народов не спрашивающая,
Грянула буря немыслимая,
Правых с неправыми смешивающая,
Вины столетий исчисливающая.

Человекоорудие Багрового, *завладев пьедесталом сброшенного памятника одного из царей*

Нынче одна
Четкая цель:
Взять Цитадель
В лоб.
Вздуйся, страна,
Яростью масс!
Всем, кто на нас —
Гроб.

Над силуэтом говорящего вспыхивает тускло-пунцовый язык. Им озаряется множество нитей: то ли они струятся из рук говорящего в темноту улиц, то ли, напротив, поднимаются оттуда к его рукам.

Смешанные возгласы *восторга, ярости, смятения*

— Братцы! Он гласит
истину!..
— Врет — все на одной
ноте...
— Вон, к нему ползут
по снегу
Судеб, воль и чувств
нити...

Человекоорудие Багрового

Пусть агитаторы лезут в нутро
всех
душ,
В берлоги, где спутано зло и добро,
в грязь,
в глушь.

Агитаторы

— Раскорчевываем любой
мозг.
— Подготавливаем круговой
сыск.
— Души взманиваем в мировой
блеск.
— Репетируем громовой
взвизг!

В улицах громоздятся баррикады. Отряды Бурого и Бледного — с одной стороны, Багрового и Черного — с другой, вступают в рукопашную за овладение городской Цитаделью.

Прозревающий

Господи, кровь моя заледенела
От бесовского зрелища:
Жругр совмещает рваное тело
С формой подземного капища;
В главной из башен агонизирует
Тусклое сердце чудовища...

Даймон

Видишь — все трое орудий распарывают,
Вторгшись, отчее туловище?

Прозревающий

Вижу, о, вижу... Бледный отброшен,
Бурый с Багровым борются,
Алчно друг друга от мерзких брашен
Отталкивают и щерятся...

Даймон

К сердцу,
что в высочайшей из башен
Бьется,
ползут и щурятся.

Грохот взрыва.

Человекоорудие Багрового

Рати! Цитадель
Сдавлена вокруг.
Шире проскребай
Брешь,
В эту колыбель
Роскоши и мук
Влейся! Разрушай!
Режь!

Человек во френче

Захватчик! Демагог! Тиран! Деспот!
Он обманул! Проник на трон испод...

Господин в сюртуке

Вступила Русь в кровавое ненастье.
На трон династий
Влез проходимец. Что ему Босфор?
Хам, неуч, вор...

Вопли *в откатывающихся отрядах Бледного и Бурого*

Лжецы! Им воля народа —
сор,
хлам!
К нам, люди светлой породы!
К нам!

Отступающие делают отчаянную попытку запеть гимн

Не наше ли пламя гудит надо всеми...
Мы подняли знамя, мы бросили семя...

Отряды Багрового и Черного, *оттесняя соперников в предместье*

Штык — этим трутням жирным
В грудь,
В пуп,
В глаз!
Да здравствует бой всемирный:
Класс
На класс!

Прозревающий

Багровый
сердце растерзанного
К груди прижимает вкривь:
Вижу качанье размеренное
Присосок, сосущих кровь...

Голос Великого Игвы

Пахнуло черное дыханье господа
В разум мне.
Я слышу мысль мирового деспота
Там, на Дне:
Я слышу волю его державную —
Исторгнуть прочь
Труп побежденного и обезглавленного
В Уппум,
в ночь.

Человекоорудие Багрового, *подхватывая*

В Цитадели скрыт
Тот, кто был виной:
Шарьте между плит
Стен!
Маски или грим
С узников долой:
Казнью завершим
Плен.

Шепот ужаса вокруг Цитадели

— Но... с ним же малюточки!
— Сынок и девчаточки...
— Помедлить бы чуточки...
— Дошли мы до черточки.

Говор солдат в подвале

— Ищи-ка убежище!
— Тащи-ка убожище!
— Куда заползли,
Тли...

Голос Августейшего

Зачем же мальчика?.. Боже!

Громовой голос

Пли!

Выстрел заглушается боем часов на крепостной башне. Будто двенадцать железных штанг с дребезжанием рушатся одна за другой на великий город. Будто неимоверные скрежещущие удары — рженгл! рженгл! — раскатываются где-то в подземном мире: то ли под Уралом, то ли под Карпатами, то ли под безмолвными хребтами Азии.

Голос Великого Игвы *из-под купола центрального капища игв*

Багровый избран
                самим
                        Гагтунгром.
Нам мудрость волит: принять ярем.
Рожденный в слое, нагом, как тундра,
    Он стал царем.
Ему поклонятся все державы,
Все уицраоры, все вожди.
Но он — предтеча! Владыку славы
    Другого жди.
Пряма, как стержень, его дорога
И тверд, как конус, грядущий строй:
Власть ЧЕЛОВЕКА-ПРОТИВОБОГА
    Над всей землей.
Жругр уготовит ему твердыню
Там, в человечестве, в злом краю —
Трон всемогущества, блеск, гордыню.
    Триумф в бою.

Тишина.
Замерев в напряженном внимании, игвы шелестят своими мышиными крыльями.

Рожденный в видимости человечьей,
Пройдя геенну по пламенам,
Антихрист будет душою вечной
    Подобен нам.
Как мы — разумный, но совершенный,
Ось бытия
        и небытия,

Согласователь всех воль вселенной
В едином Я.
Цикл возрастающих инкарнаций
Он довершает в земном краю;
Ему — блеск наших иллюминаций,
Молитвы лью.
Он всем нам выход, путь долгожданный
Откроет кверху — в трехмерный слой.
Встречай предтечу его осанной,
Величь хвалой!

В капище игв начинается великое радение.

А к т в т о р о й. **ВОСШЕСТВИЕ**

Ночь.

В предместьях — пожары. Цитадель в их отсветах кажется колеблющейся. В улицах — волнующееся народное море. За городом — неумолчный гул бурлящей страны. Площадь вокруг Цитадели пуста. Три магистральных трассы, сходящиеся к ней, черны от народных толп.

В устье одной из трасс — Господин в сюртуке. За ним — группа мужчин в котелках и крахмальном белье, но в валенках. Дальше виднеются шляпы мужские и даже дамские, со страусовыми перьями.

Г о с п о д и н в с ю р т у к е, *грозя Цитадели кулаком*

Предатели... Как близок был Босфор —
Наш семафор!
Он вопиял пред Богом и людьми:
О, Русь, возьми!
И что ж теперь? Наг даже отчий дом...
Перед судом
Эпох грядущих — этих парвеню
Я обвиню!

Г о в о р п о з а д и

— Энергичней! Смелей! За страну
Едините же нас!
— Ну же, ну!
— Дар, профессор, вам дан:
Жечь сердца...
Пепелите же их до конца!

В устье другой трассы — человек с горящим взором во френче. За ним — вооруженный отряд, дальше — толпа.

Ч е л о в е к в о ф р е н ч е, *размахивая шпагой*

Где ж обещанье — мужикам —
землю?
Поганят все: святой ли храм,
дом ли.

Бесчестят всех: мужик, купец
поп ли, —
Дворец, прекраснейший дворец —
в пепле!

Крики позади
— А сулил разломать крепость!
— Глыбы рабства раскидать в пропасть!
— Не простим мы себе глупость...
— Не хотим из Руси выпасть!

В устье третьей трассы — человек, обвешанный гранатами, зацепился за фонарь. Позади — галдеж, ругань, дробь чечетки, взрывы хохота.

Человек на фонаре, *грозя Цитадели наганом*
Всяких диктаторов хрястни, народ, оземь!
Воля в сердцах колосится, как, брат, озимь!
Вправе любой на шелка из дворцов, жемчуг,
Каждому — все кюрасо! Огурцов! Женщин!
Кто-то позади, *подхватывая*
Бей фонтаном, кюрасо!
Ум, ходи, как колесо!
Хоросо, брат, хоросо,
Весело!
Город, гудом загуди!
Город, сбродом загалди!
Сброд, плакатом разряди
Весь его!

Внезапно лямка, похожая на лассо, взвивается из Цитадели и, ухватив группу в устье первой трассы, мигом втаскивает ее внутрь.
Короткий взвизг, общее остолбенение.

Гомон
— Как?.. — Что?.. — Кто?.. — Вы видели?..
— Уж не грезится ль в тифу... в бреде ли?..
— Вон, несчастных в подвал сгрудили...
— А за что? Разве мы шкодили?

С молниеносной быстротой лямка выхватывает группу из второй трассы. Доносится нечеловеческий вопль, над Цитаделью поднимается страшный дымок.

Толпа *приходит в бешенство*
— Как! На русского брата ж вы!
— Малюты Скуратовы!
— Аракчеев — ребенок...
Случайных бабенок,

Врачей заслуженных...
— Солдат обожженных,
Едва из окопов...
— Келадзе, Акопов...
— Двух стареньких прачек...
— Известный поручик...

Лямка выхватывает пачку людей из третьей трассы.

Рев

— Гад... — Рвут... — В гроб... — В мать...
— Спрут... — Скот... — Срыть... — Смять...
— В глаз... — В пах... — Рвань... — Псы...
— А... — О... — У... — Ы...

Голос Багрового Человекоорудия, теперь — Вождя — *из центра Цитадели*

Правильно, друзья,
Всех пересидим,
Хоть наш рацион
Тощ.
Хитростью — житья
Гадам не дадим!
Это-то и есть
МОЩЬ.

Командиры, появляясь в устьях всех трех трасс — Бледный, Бурый и Черный.

Первый

За «Неделимую»,
Жарко-любимую
Отчую Родину — воины, в бой!

Второй

За всенародный
Праздник свободный —
Доктор, учитель, рабочий — в бой!

Третий

Иродов новых
Вымучить в ковах
Трупы толочь их! Вольница! в бой!

Вооруженные части со всех трасс устремляются на Цитадель. Небольшие отряды защитников опрокидываются. Волны наступления взлизываются на стены; крылья здания вздрагивают от разрывов гранат и бомб.

Голос Великого Игвы *в капище Друккарга*

В наземном мире
враг лютый крепнет,
Вкруг Цитадели замкнув дугу.
Наследник царства! Ослабить скрепы —
Чуму духовную
шли врагу!

Нечто не вполне ясное происходит в воздухе вдоль первой из трасс; точно сгустки тумана возникают и несутся, уплотняясь: то ли обретая человеческий облик, то ли — совмещаясь с обликами живых.

Шелестящие голоса

— Спешим, перекручиваемся
— На бегу отпочковываемся
— На скаку отпузыриваемся
— На лету отклочковываемся!

В отрядах Бледного — слабеет боевой пыл, выявляются другие заботы

— Вновь на России — всех усилий груз.
А где француз?
— Опять — в лаптях по ледяной воде;
А янки где?
— Борись за Русь — себя не забывай!
— Вчера в трамвай
Я — шмыг с кульком:
Ищите днем с огнем!..
— Уж спекульнем...
— Уж подорвем марксистский их обман,
Таща в карман.

Пересуды в домах

— Вот те на!.. А крест на Айя-Софии?
— А тирады с кафедр философии?
— А треножник всероссийской пифии?..
— Что им Русь —
раз сливок нету в кофии.

Из Цитадели вырывается голый человек. Опрометью миновав площадь, он падает, задыхаясь, к ногам командира Бурых.

Голый

По телу... пляшут... в ботинках!!
Замучили... сотню... в застенках!
На лбах... выжигают... кокарды...
На нервах... играют... аккорды!

Туманные сгустки возникают уже над второй трассой.

Смутные голоса

— Полновесной плати монетой:
Никаких «бы»!
— Ярко-красной укрась метой
Скотам лбы!
— Мщенье — сладостно, мщенье — жгуче,
Дрожит дух,
— Пей страданье врагов, мучь их,
Коль рот сух!

Отряды Бурого, *зверея*

— Откликаться на месть — местью!
— На ощеренную пасть — пастью!
— Переплевывать злость — злостью!
— Пересиливать власть — властью!

Голос Велги

Горяча-сладка
кровь
плах
вздрагивающих!
Весела-тепла
дрожь
душ
вскрикивающих!
Словно струи в рот —
боль
стай
вспугнутых,
Леденящий пот
лиц,
рук
выгнутых...

Туманные сгустки появляются вдоль третьей трассы.

Шелестящие голоса

— В шкуры... в шубы... в щели... в мех —
Мы, кто так дрожал...
— В дуплах теплых тел — тех,
Кто в дома бежал...
— Эй, готовь сугрев — жир,
Сало, сгустки, фарш...
— В глубь домов, квартир, грез
Всех живущих — марш!

Голос Велги

Тарнаба!
Грянь
брыкающая!
Голытьба!
Хлынь,
цокающая!
Разрушая
столп
вызолоченный,
Разбросай сор
выволоченный...

Перепляс

Ночь взмахнула кистенем,
Разомкнула погреба —
Ой, ой, погреба
Для вчерашнего раба.
А кому не хватит бочек,
Ныне настежь всякий дом, —
Да-с, да-с, всякий дом, —
С белкой, с бархатом, с бобром.
Эй, вы, шкафики-славянки,
Сундучки да рундучки...
Без гитары, без тальянки
Сыпь чечетку, босячки!

В домах — хлопанье дверей, топот ног по лестницам.

Вскрики обывателей

— Освободители!
Хоть нас не раньте...
— В убогих люлечках
Ребят не троньте!
— Мы, обнищавшие
Дарами жизни...
— Едва дышавшие
От казни к казни...

Велга

С вас сорву
гнет
всех
заповедей,
Оборву
бред
всех
проповедей!

Расточись,
скарб
нор
вспугиваемых!
Распадись,
герб
ростр
сбрасываемых...

Голос Афродиты Всенародной

Она мечется за мною,
однокрылая...
Она гонится за мною,
озверелая...

Чернь

Разгуляй-гуляй,
Голытьба раздетая,
Голь разутая!
Наша ночь — черная,
Ветром вздутая...

Одинокий голос, *запевая в глубине улицы*

Непонятной, страшной свободой
Ночь России
глядит в упор,
Свищет лютою непогодой,
Плетью снежной сечет наш взор,
И в раздолье души пустынной
Запевает ветер Конца —
Неумолчный и неустанный,
Как рокочущий рог
гонца.

Афродита Всенародная

Очаги мои гаснут...
Лампы мирные меркнут...
Остывают все ложа...
Клекот Велги все ближе...
Яросвет!
Яросвет!

Голос Демиурга Яросвета, *достигающий слуха едва-едва, с паузами, с провалами между отдельными словами*

Каросса! Помощь...
не вправе дать...
Из четырех... я ни одному;

Не может...
в каждом из них...
не рдеть
Ядро,
притягивающее тьму.

Прозревающий напрягает все силы слуха. Ему кажется, что нечто в его существе приближенно и отрывочно переводит в слова то невыразимое, что едва улавливает духовный слух.

Броней эфирной укройте дух,
К борьбе готовьтесь
во всех мирах...
Цель — духом истины побороть
Наивеличайшего
из четырех.

Голос Багрового

Ты слышишь, игва? Наш враг наружный
Ни им не властен помочь, ни мне...

Великий Игва

Твой голос громче, острей оружье,
И крепнет войско в земной стране,
Растлились души враждебных армий,
Их кровь в сосудах желта, как гной...
Теперь— на помощь тем, кто в казарме
В атаку рвется: их мощь утрой!

Беседа Прозревающего с Даймоном *в старом монастыре на окраине*

— Видишь? Будто космических
Груд непомерных осыпь...
— Слышу: нечеловеческую
Ухающую поступь.
— Слышишь? — камни взвывают
От ледяного озноба?
— Вижу: цугом взмывают
Черные луны в небо.

Ворота Цитадели распахиваются. Вооруженные потоки изливаются в устья всех трасс, как лава вулкана. Над волной наступающих движутся туманные клубы.

Их голоса

— Цугом брящающим
— Шагом гарцующим
— Цоком сдавливающим
— Плиты расплющивающим
— Подвигаемся!
— Подвигаемся!

Крики разбегающихся горожан

— Это — не люди...
— Это — не люди...
— Это — рои скорлуп!
— К морю... К ограде...
— Молись о чуде...
— Прячься в любой
склеп!!!

Вторая волна туманных сгустков

—В сознанье мечущихся
вобьем
наш
след.
— Рыданьем прячущихся
зальем
наш
глад.
— С роями пучащихся
учнем
наш
блуд.
— К сердцам подскакивая!
— Вкруг душ причмокивая!

Вскрики на улицах

— Свет фонарей — в ущербе...
— А я-то не понимал...
— Брось копошиться в скарбе!
— В гавань — на старый мол!
— Боже... час этой скорби
Все разметал... все смыл...

Крики в гавани

— Mesdames — à cabinets!
Messieurs — à pont! *
— Стерва! Дубина!
Жри свой купон!
— Трюмы — битком... Иконы —
За борт... уж не до треб...
— А этот разлегся: кинем
К рыбам! Это лишь труп!
— Господи! За океаном
Каких ни исходим троп...
— Прошу добром и законом!
Швырните для нас хоть трап!!!

Гудки отходящих пароходов.

* — Дамы — в каюты! Господа — на палубу! *(фр.)* — *Ред.*

Отряды Бледного и Бурого, *в паническом бегстве покидая город*

— Вязкая мгла кругом
Обволокла наш булат...
— Кони ржут из трясин,
Засасываемые ко дну...
— Не бились с таким врагом
Ни дед, ни отец, ни брат...
— Прячься, младенец-сын!
Правнук, спаси страну!

Толпы разбитых армий докатываются до мыса, вдающегося в море, взмывают на мыс — дальше отступать некуда. Последние пароходы выходят в открытое море.

Отступающие

— Стойте, куда мы... — Братья,
Там лишь обрыв крутой...
— Да, — кровью дедовской рати
Пропитанный, политой...
— Апофеозом столетий
Некогда был этот бой...
— Мы, господа, на закате
Нашей страны святой!

Но над страной давно уже не закат, а темная ночь. Во мраке можно разобрать только одно: лавина отступающих обрушивается с крутизны в море.

— Спасите!.. — Весло!.. — Плыви...
— Захлебываюсь... — Прощай...
— Жене... на память любви...
— Сдох, сволочь! таких прыщей
России не надо!.. — Брат,
С кормы хоть веревку брось...
— Так вот наш смертный парад...
— Опять ты хвататься? Брысь!
— Смотрите: сам генерал...
— Мне в щеку вцепился краб...
— Ни поп нас не отпевал,
Ни мать не крестила гроб.

Голоса тонут в темноте, слившей в одно мрак земной и небесный. Только слышно, как бурное море накатывается на подножия скал.

Прозревающий

Вот каков закон уицраора,
Демонический
и тупой...

Полукружьями черного мрамора
Мнится взор его полуслепой.

Даймон

Его ум тяжел: обнаружь его
В речи, грузной, как дух свинца.

Прозревающий

Вижу: он пожирает заживо
Братьев вздрагивающие сердца;
Поднимает взор на взметнувшуюся
Велги мглистую бахрому...

Даймон

Ярость алчущей и бунтующей
Девы мрака
страшна ему.

Голос Багрового

Поднимаю скалу отброшенную —
Ох, тяжела!
Ох, высока!
Волоку под тайницу башенную —
Два шага —
Три шага.

Усиливающимся голосом, непререкаемо

Пир окончен твой, дочь дьявола!
Свейся в кольца —
под кров тьмы.

Последние взвизгивания метели. Удар камня, замыкающего спуск в пустоты.
Тишина.

Голос Афродиты Всенародной

Ты пришел! Богатырь благосклонный,
Мой жених, мой сын, мой желанный!
Ты — один, кто помыслил о долге, —
Победитель неистовой Велги!

Воздыхания в капище игв

Ох,
Доблестнейший...
Бог
Милостивейший...
Ух,
Царственнейший!

Багровый Жругрит, теперь Жругр, *новый уицраор*

Оденьте меня — Цитаделью!
Обвейте мой стан — магистралью!

Украсьте меня — этим вымпелом!
Венчайте меня этим куполом!!!

Тысячи игв и раруггов возлагают гигантский куб литого золота на темя Жругра.

Возгласы

— Как велик, сверкающий!..
Как высок!
— Как широк, ликующий!
Как могуч!

Великий Игва, *творя чары в верхнем ярусе капища*

В мир человеческий, в город бурный,
Сквозь толщи, ввысь,
Струись, незримый, инфрапурпурный
Дух игв, струись!
Кристаллизуйся в ночных урочьях,
Твердей, черней,
Стань в Цитадели, как средоточье
Грядущих дней!
Устой Гагтунгра в наземном мире,
Наш смысл и суть, —
Рассудок наций взмани к химере
И тайной будь!

В городской Цитадели выявляется внутренний покой: он смутно виднеется сквозь толщу стен как исполинский черный кристалл, тускло сверкающий внутри здания.

Великий Игва

Со мной общенье в кристалле черном
Верша тайком,
Служитель станет моим покорным
Проводником;
Тих и смиренен, в одежде сирой,
С клеймом труда,
От глаз народа личиной серой
Укрыт всегда;
Не узнан даже
вождями наций,
Пусть чародей
Слепит размахом иллюминаций
Умы людей;
Пусть шевелит он раздор и войны
В золе времен,
Ненарушимым забралом тайны
Оборонен!

Шепот Жреца *внутри черного кристалла*
Весь обволакиваюсь
свинцовым гримом —
Вочеловечиваюсь,
никем не зримым, —
Следы затаптываю
бесцветной пудрой —
Вождям нашептываю
про план наш мудрый.

Голос Жругра
Но туп
Слух человеческий,
Глух ум:
Не проникнуть ему в глубь вечности
И моих галактических дум.
Дам
Миру глашатая,
Пусть
Он
Донесет до народов хоть сотую,
Мою правду,
мой свет,
мой закон.

Жрец
Он волей твоей уж давно
Крутится,
Он солнцем твоим, как окно,
Светится...

Жругр
Он будет владыкой над теми,
Что были доселе пустыми.
Весь мир его жаждет в истоме, —
Он станет моими устами.

Тот, кто был Вождем, теперь — Правитель, показывается на уступе Цитадели. Голова его окружена пурпуровым нимбом.

Голоса в народе
— Глянь: у него над теменем
Пляшет язык багровый!
— Слышь! — За домами, в темени
Высится кто-то новый.
— Чуешь? Вся нечисть — кольцами
Жмется, вождя не тронув...
Друг! У него меж пальцами
Вожжи ста миллионов.

Внезапные вскрики женщин

— Спаситель!
— Целитель!
— Всех бурь обуздатель!

Возгласы мужчин

— Испытанный вождь побед!
— Отмститель старых обид!
— Сниматель тяжких забот!

Восклицания молодежи

— Он откроет нам путь — вдаль!
— Он научит сносить боль!
— Он мечту претворит в быль!

Голос Жругра

Скрыть его на миг в башне;
Ниже опустить стрешни;
Я преображу тель:
Плотью ему дам — сталь!

Шепот в черном кристалле

— Тайник обеспечен.
— Правитель захвачен.
— Да: мягок и тучен...
— Наш труд будет точен.

Жругр

Расцветить ширмы.
Укрепить фермы.
Округлить формы.
Облачить в бармы.

Металлическое позвякивание в черном кристалле.

Шепот

— Мозг уже никелирован...
— Совесть — в железный саван...
— Нервы теперь из кварца...
— Не поддалось лишь сердце.

Брящающая поступь — и Правитель показывается на уступе вновь. Облик его изменился: движения стали механическими, рост значительно превышает человеческий. В блеске, исходящем от него, — твердость и холод металла. Слышны неровные удары сердца, заключенного в броню.

Правитель

Войско подошло
К камню рубежей.
Там — еще редут
Тьмы.
Труженики ждут

Бурь и мятежей;
Их освободим
Мы.
Мудрости веков
Разум наш открыт,
Праведный наш гнев
Прям.
Пять материков
Плачутся навзрыд,
Руки простирая
К нам.

Подголоски

— Там вечный страх голода... Ах! Ах!
— И — стары ли, молоды — страх плах...
— А детки, детюсеньки... Ох! Ох!
— Из-за малюсеньких крох — вздох...

Правитель

Кое-кто бубнит:
«Африка — черна,
Азия — желта»... —
Вздор!
Черен только враг,
Желт лишь ренегат,
Социал-наймит,
Вор.
Устали не знать!
Отдых — позабыть!
Взмой, энтузиазм,
Брызнь!
Доблестная рать —
Мощно! Во всю прыть!
Ибо коммунизм —
Жизнь!

Правитель делает мистериальный жест: оба кулака взмывают к небу и поочередно падают, как бы дробя твердыни, на все четыре стороны румба.
В войсках — ликование.

Солдаты

— Верно, ребятки! Плюешь
На европейскую плешь!
— Кто ерундит, что без лыж
Сгинем в метелице? Ложь!
— Подвиг наш в памяти свеж:
Вброд одолели Сиваш...

— Даже тифозная вошь
Нас не осилила: вишь!

Молодежь

— Правильно, Жора!
Париж был маяк,
Нынче же — свора
горе-вояк.
— Правильно, Колька!
Британский лев —
Это же только
гигантский
блеф!
— Правильно, Шурка!
Ревнет наш бас —
В пыль штукатурка
их авиабаз!

Молодежь и люди средних лет выстраиваются в шеренги. Капельмейстер, пятясь и дирижируя, ведет их за собой.

Все поют гимн

Рабы всех корон! Единитесь!
Грядет мировой самосуд.
Ни Бог, ни монархи, ни витязь
От деспота вас не спасут.
Вы — порох, мы — искра святая!
Мы видим сквозь древнюю тень,
Как в небе России, светая,
Восходит блистающий день...

На башне Цитадели бьет час ночи. Однако это никого не смущает. Со всех трасс льются новые потоки, устремляясь за город, к пограничным горам.

Мы наги, мы босы, но вера
Взметет до небес наш поток,
На Гавр, Гималай, Кордильеры,
На запад, на юг, на восток...

Даймон и Прозревающий

— Видишь, он уже равняется
Тушей с гранями крепости...
— Вижу: четко чернеются
В душах отверстия пропасти.
— Вон уж вдали гиганты
Встали на пиках гор...
— Прямо от горизонта
Смотрят сюда в упор.
— Мантии — блеск водопадов,

Крылья — до неба взмах...
— Не демиурги ль народов
На сторожевых хребтах?

Голоса Великих Демиургов

Северо-Западный

Братья, не взметается ль на нас
вал
темени,
Взлизываясь кверху — зачернить
лал
знамени?

Юго-Западный

Дух-Противобог десятерит
груз
бремени,
Кару не дает преобразить
в Lex Domini *.

Южный

С семенем проклятым он смешал мрак
семени,
В сердце человека подменил
знак
Имени.

Восточный

Он свой, недоступный нам, приют
свил
в храмине,
К нам уже нацеливая бунт
сил
времени!

Голос демиурга Яросвета

Целый к вам готовит он самум
искр
пламени;
Он мечтает швырнуть в Уппум,
вниз,
ко дну меня...
Строгим замыкаю я кольцом
рать
шумную —
Венчанную дьявольским венцом
Русь
темную.

---

* Божественный Закон *(лат.)* — *Ред.*

Прозревающий, *трепеща*

Так вот он какой!
Над разгромом
Творит он, сжимая бунт,
Он благ, он схож с серафимом!
Стопой попирая фронт,
Он циркулем неизмеримым
Очерчивает горизонт.

На фронте замешательство. Достигшие гор войска тщетно пытаются преодолеть их.

Говор

— Корки таская,
кишки не набьешь.
— А скалы-то — какая...
— Даешь, брат, даешь!
— Нет: босиком тут —
пятки в крови.
— А насекомых!
Дави не дави...

Командиры, *подбадривая*

— Вань! На буржуев! Степан! На пап!
— Вспомни: вельможный-то пан дал драп!

Крики

— К черту! Пора уж домой:
ждет мать.
— К черту! Не буду с сумой
хромать!
— Странно: прикончить врага
стих зуд.
— Странно: любая нога —
пять пуд!

Командиры

— Экая жалость!
Народ —
тряпье.
— Видно, усталость
берет
свое.

Правитель *на уступе Цитадели*

Это — еще не крах.
Нами изобретен
Метод — воспламенить
Мир.
Ставьте на площадях
Ультра-ракето-трон:

Город наш превратим
В тир!

Из Цитадели выкатывают чудовищную установку для запуска воспламеняющих ракет. Молодые энтузиасты волокут массивные ракетоснаряды. Хохот.

— Весь мир подожжем с размаха...
Ха-ха! Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!
— Уж будет им всем на орехи...
Хо-хо! Хо-хо-хо!
Хе-хе-хе!
— Вот эту запустим к Грацу:
Лекарство от грусти Фрицу.
— Вот эту — тебе, брат Жан:
Без всяких, притом, аржан.
— Ту — для франтих и франтишек:
Пускай попляшет Франтишек.
— А это — чтоб мистер Джон
Не чванился, как питон!

Огненные ракеты взлетают с сухим треском. Видно, как, описав высокую дугу, они достигают горных рубежей и, точно натолкнувшись на невидимую преграду, рассыпаются и гаснут над самым рубежом.

Правитель, *скрежеща зубами*
Тот, кто изобрел эту дребедень —
Явный диверсант,
Враг.
Я ж вам говорил:
Ждите утро! день!
Глупо слать десант
В мрак!

Конструктора, вертящегося у установки, хватают десятки рук. Слабо пискнув, он исчезает в подвале Цитадели.

Правитель
Раньше нагнети
Собственную мощь,
Фабрик новый ряд
Множь,
Силачей в пути
Только укрепят
Трудности таких
Нош.

Рай наш оградим
От других держав,
Бодро оцепив
Круг,
Вал соорудим,
Стены поддержав,
Мускулами тыщ
Рук.
Помните: наш глаз
Бодрствует внизу,
Помыслы насквозь
Зрит;
Знаем, кто из вас
Прятался в пазу
Двигавшихся врозь
Плит!

Обыватели

— Кто ж прятался, батюшка?
— Какая там плитушка...
— Твой замысел, сватушка,
Мил всем. Даже тетушка...

Другие, *перебивая*

— Простит ли? Раскаиваемся!
— Прозрели! Распластываемся...

Энтузиасты, *перебивая всех*

— Зоркости твоей — верим!
— Мудрости твоей — вторим!
— Варево идей — варим.
— Курево похвал — курим.

Правитель

Солнечную даль
Вижу я с твердынь
В молниях от бомб...
Вам
Новую скрижаль
Новых благостынь
С новых гекатомб
Дам!

Подголоски

— Мозги уже вспаханы!
— Жребии — встряхнуты!
— Сердца — распахнуты!
— Идеи — ввихнуты!

Мерный шаг движущихся. Топот марширующих колонн.

Марш

Начато! Начато! Наш град —
Лучший из городов.
Утром — весь люд на парад,
Круг дамбами оградив!
Вспухнет над кубами куб вверх,
Встанет над ромбами ромб,
Чтобы с невидимых глыб рос
Наш громовой дифирамб!

Лязгающий измеритель времени на конусообразном капище игв в Друккарге бьет один раз.

Великий Игва

Скрыта в мутных пучинах
Глубже глыб государства
Тайна брачного чина
Гордых демонов царства
С той, кто издавна лепит
Плоть земных и подземных,
С той великой, чей трепет —
В нас, живых и разумных.

Хор капища

Мать
Воинства!
Глубь
Таинства!
Тло —
Творчества!

Великий Игва

Вкруг женственной плоти
Клубились столетья —
Шуршащие мутью
Туманные платья,
Но вечно все та же
Всходила на ложе,
С веками лишь глаже,
Стройней и моложе.

Хор

Мать
Вечная!
Плоть
Злачная!
Тель
Тучная!

В е л и к и й И г в а, *возвышая голос*
Из мрака, ко мраку —
Без нимбов и аур,
Вздымается к браку
Господь уицраор.
Преемственно — третий,
Властительный, юный,
Надежда столетий,
Владыка подлунной!

Г о л о с у и ц р а о р а Ж р у г р а
Где вы, мудрые мисты?
Приготовьте нам место...
Возведите помосты...
Да прибудет невеста!

Удары бубнов. Рокотание барабанов.

Х о р
— Кто таится в страстной дрожи?
— Властная!
— Добрая!
— Кто вам в доме холит ложе?
— Страстная!
— Щедрая!
— Кто алчбою смутной мучит?
— Грузная!
— Душная!
— Кто продленью рода учит?
— Грозная!
— Страшная!

Шум медленного шествия по уступам капища. Ряды золотых дисков на его верхнем ярусе начинают приветственный гул.

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я
Поднимаюсь, влача покров мой
широкотканый,
Мой властительный! Предначертанный!
Долгожданный!
К предназначенному служенью —
супруга-мать, —
В третий раз мне ниспосылаемая
благодать!

Как таинственны твои каменные
личины!
Как торжественны опускающиеся
мосты!
Как лицо твое и обличье
неразличимы,
Наклоненные с непонятной мне высоты!

Хор
Лабиринт священных гротов
Уж укрыл тайну тайн...

Жрец *внутри черного кристалла, откликаясь*
Я раскрыл внизу ворота
В город вплыл мрак
окраин...

Великий Игва
Пусть придавит сон чугунный
Души всех
в граде том:
Чтоб испил господь подлунный
Влагу душ,
спящих сном...

Жрец
От притихших дворцов до застав
Изменяется народный состав;
Это — тайн всероссийских язык,
Это — брачная ночь владык!

Голоса Даймона и Прозревающего
— Слышишь — будто космических
Пульсов двух громыханье?
— Слышу: нечеловеческое,
Лязгающее дыханье.
— Видишь, в домах молчащих
Шарят его присоски?
— Вижу: сознанье спящих
Он втягивает, как сгустки.

Глубокая тишина.
Уицраор всасывает души погруженных в сон и ввергает их в лоно своей супруги.

Афродита Всенародная
Русь наверху — как черная скатерть...
Три океана во мраке видны...
Слава тебе, что творишь меня матерью

Новому —
третьему царству страны!

Упцраор

Принесешь мне к утру новые
Чада чудные!
Мир взрастим железной нивою
Беспощадною!
Сверхдержаву облачим в плоть
Чугунную,
Землю мощью потрясем
Ураганною!

На Цитадели великого города часы бьют два.

Жрец

А время кружится...
Рассвет торопится...
Уж утро трубится!

Карна

Утро свинцовое брезжит над миром.
Дети ущерба
встают к труду,
В тягостный бой меж новым и старым,
В призрачный путь по серому льду.

Обыватели в домах, *протирая глаза*

— Вот свежая нынче погодка!
— Ну, что ж, взбодрится походка.
— Смотри: вот бессонная вахта,
Начальство уже на ногах-то!
— Начальство теперь боевое:
За нас постоит головою...
— Сидевши на царской мели,
Мечтать о таком не смели!

У закрытых еще лавок возникают длинные хвосты.

Обрывки разговоров

— Ну, как: не видать гостинца?
— Озябли. Хоть чуточку солнца...
— А вы бы пустились в танцы:
Ведь мы, говорят, спартанцы.
— Да, в сущности, хвост — вид спорта.
О чем тут может быть спор-то?

— Пусть крепнет красная Спарта
Гимнастикой у Центроспирта!

Голоса в новом ареопаге

— Базу расширить...
— Землю обшарить...
— Всех обнадежить...
— Верных умножить!

Тревожный шепот в черном кристалле

— Плохо... ой, плохо:
Правителю тяжко!
— Ни речи, ни вздоха...
— Иль омрак? Одышка?
— Врачи отстраняются...
— Пульс, как у старца...
— Душит броня ему
Утлое сердце.
— Может быть, лаком
Покрасить венец?
— Чу: он заплакал...
— Значит, конец.

Голос уицраора

Слаб! Человеческое победило.
Вынуть его из железного тела!
Замуровать в зиккурат пьедестала!
Пусть почиет под устоем престола.

Горестные завывания в Друккарге. Траурные гудки в великом городе.
Тишина.

Уицраор

Кто ж ради участи народотворца
Смеет отречься навеки от сердца?

Смущенное молчание.

Где ж подготовленный в лоне Гагтунгра,
В магмах не гибнущий, как саламандра?

Шепот в ареопаге

— Вон он... на дне миллиардов...
— Вот он — рожденный меж смердов...
— Прет сквозь ряды авангардов...
— Сумрачней гуннов и курдов!

Похититель Монады, *оттолкнув стоящих на дороге и вступая в ареопаг*

От крови, бурлящей в аортах,
Ты слеп, как гадальщик на картах!
Здесь — Я,
величайший из смертных,
Мессия всех стран распростертых.

Уицраор, *приглядываясь*

Со мной его молча оставьте.
Триумф ему пышный готовьте,
Судьбу его пойте и славьте, —
Он выйдет
в урановой кофте.

Барабаны

Министр общественного воспитания, *показываясь на балконе и вертляво посматривая во все стороны*

Люди! На полях
Всходит под дождем
Брошенный вождем
Сев.
Кто сказал «приляг»?
Этаких миляг
Крепко мы дерем
Все!
Щерь клыки — не щерь,
Все равно трудом
Мы преобразим
Тварь.
С кем же вы теперь
Все, кто так дрожал
Над своим добром
Встарь?

Голоса на площадях

— Перебираем баночки...
— Перемываем крыночки...
— Перетираем скляночки...

Другие

— Семеним на цыпочках...
— Привстаем на лапочках —
Бледных лапках в цыпочках,
В стареньких опорочках!

М и н и с т р   в о с п и т а н и я

Волен каждый встать
К нам в ряды добром,
Будь он раньше хоть
Поп;
Мы ж позолотим
Каждому тавром
Туловище, грудь,
Лоб.

К р и к и

— Вперед! Вперед!
— Сколько нас? — Уйма!
— Вытереть, вытравить
Старые клейма!
— Братцы! Новый устав!
— Почесть новых постов...
— Хвост-то — до самых застав!
— Мост завалиться готов!

Ш е п о т   в   ч е р н о м   к р и с т а л л е

Замысел тонкий оправдывается:
Ихние с нашими слепливаются,
Птенчики юрко вылупливаются,
В стайки стройные скапливаются.

Часы на башне бьют три.

Г о л о с   У и ц р а о р а

Готов он!
Таких не бывало.
Он блещет, как меч Азраила.
Зажечь все огни ореола!
Утроить глаза караула!

Ф а н ф а р ы.

М и н и с т р   в о с п и т а н и я, *поднимаясь на носках*

Братцы! Час назад
Злобный паралич
Нашего вождя
Сгреб!
В красный зиккурат
Люди понесли,
Плача, как дитя,
Гроб.

Горечь глубока —
О!.. Но среди нас
Верный ученик:
Тот,
Кто из тупика
Подвигами спас
Рать, когда мы шли
Вброд.

Растерянные голоса

— Как это... Когда ж это?
— Это для слога.
— Все, что нами нажито, —
Общая заслуга!
— Да, но предревкомы...
Шефы, командармы...
— Может быть, такому
Крест дадут?
— ...И бармы?

Фанфары звучат еще раз.

Министр воспитания, *возвышая голос*

Век наш стал суров,
Жертвы громоздя,
Мудрость укрепит
Вас:
Нынче прозвучит
С крепостных зубцов
Нового вождя
Глас!

Агитаторы

— Самому вернейшему —
хлопайте,
хлопайте!
— Самому мудрейшему —
топайте,
топайте!
— Трижды величайшему —
гикайте,
гикайте!

Народ теснится к Цитадели. Любопытные лезут на фонари и архитектурные украшения.

— Ах, сердце заходится...
— Ох, дух занимается...
— Бел-свет заливается!

Фанфары — в третий раз. Слышен мерный, лязгающий шаг, и на террасу Цитадели выдвигается **Автомат**, превышающий человеческий рост втрое, но с человеческим лицом. Всеобщий вздох недоумения и страха. Толпа замирает в замешательстве.

Автомат

Наш Всезакон
в том,
Чтобы весь круг
тем
Втиснуть в один
том,
Все исчерпав
там.
Наш Всезакон
в том,
Чтоб громоздить
дом;
Чтобы с любых
дамб —
Залпы! Салют!
Дым!

Рукоплескания!!!

Автомат *обводит всех магическим взглядом*

В том наш благой
Суд,
Чтоб стал народ
Сыт;
Чтоб тесноту,
сор
Вдруг превратить
в сад!
Чтоб разглядел
мир
Сквозь пелену
хмар —
Голоден, нищ,
хмур —

Мудрость моих
                    шор!

Рукоплескания переходят в овацию.

Автомат
    Мы — бодрый шаг
                        толп,
    Будущих благ
                    столп;
    Полный котел
                    полб,
    По лбу врагов
                    залп!
    Тем же, чья жизнь —
                            вред
    Всем, кто врагам
                        рад,
    Приговор: кляп
                    в рот
    И в глубину руд.

Мгновенное замешательство — и новый взрыв оваций.

Автомат *простирает перст к городскому собору*
    Этот гнилой склеп
    Надо бы срыть. Глуп,
    Кто об устой глыб
    Бьет, как баран, лоб.
    Там, где звучал
                    всхлип,
    Там, где жирел
                    клоп,
    Можно сгрудить
                    хлеб.
    Соорудить клуб.

Автомат делает знак Министру.

Министр воспитания, *вскочив на парапет*
    Граждане! Тиран
    Пробовал в народ
    Сызмальства внедрить
        Страх:

Рабством и бедой
Строен этот храм.
Рушьте его свод
В прах!

Толпа, *повеселев*
— Ну-ка — враз, деточки...
— Посдерем цапочки
— Разнесем туточки
В одни суточки.

Шорохи в воздухе
Веками снаружи
Об этом мечтали...
В ознобе да в стуже...
В геенском провале...

Протяжный крик раненого колокола, сброшенного на асфальт.

Прозревающий, *появляясь на паперти вместе со священником*
Теперь вскрывается явно,
Кто взмел этот вихрь на мир.
Спасем, кто верует, главное:
Наш образ и
наш потир.

Клир, *унося священные реликвии*
Уходим в пустыни темные,
Хоронимся по городам, —
Да будут своды тюремные,
Барак лагерей — наш дом...

Церковный политик, *пытаясь задержать шествие*
Стой! Ищи равнодействующую,
Иль погибать всем.

Священник, *не останавливаясь*
Храни нас Бог от предательствующего
Поклона злым чудесам.

Церковный политик, *поворачиваясь к толпе*
Гнал лицемеров из храма
Сам Иисус бичом.
Вы — справедливы! Правы!
Розни меж вас — ни в чем!

Клир *поет, удаляясь*
Под ветром ревущим,

По катакомбам,
В глухих убежищах
Безвестных комнат,
В метели свищущей
На горном спуске,
Храни нас, блещущий
Синклите Русский!

Говор в ареопаге

— Упрямство мула!..
— Да: рушить мало...
— Охаять смело —
Вот будет мило!

Голос Прозревающего *вдали*

Лишь вам соратствуем
В боренье крестном,
О, братство праведных
В Кремле Небесном!

Клир *уже едва слышно*

Во царстве вражьем по бездорожью,
Где ныне страждем во Имя Божье,
В духовном поле ростки посева
Учи нас холить, о, Матерь-Дева!

Поверх руин собора протягивается полотнище: «Работы производит Государственный Разруштрест». Перед полотнищем сколачивается трибуна.

Генерал-лейтенант культурных сил *появляется на трибуне*

Был мамонт с бивнем,
Был скиф.
Ответьте:
Кто ж прогрессивнее
Всех на свете?

Голоса

Не скиф, не мамонт; значит — мы,
Обличители всякой тьмы.

Генерал-лейтенант

Так. Наша родина —
Столп наук.
Но свил в народе
Гнездо паук.
Чтоб паутину
Порвать навек,

Мы всю рутину
Сгрудим в ковчег;
Фундамент храма
Вполне хорош:
Мы вставим в раму
Синклит святош,
Пронумеруем,
(На то указ),
Отполируем
Фанеру касс...
Тотчас — черед:
И в наш музей
Не завернет
Лишь ротозей.

Оживленные голоса

— Мысль!..
— За стеклами — гады,
В залах — шустрые гиды...
— В блеске цифр — наши годы,
Трудовые их гуды...
— Экспонаты озвучены,
Для окурочков — урны...
— Как глубоко-научно!
— Как высоко-культурно!

На месте собора начинается сооружение антирелигиозной кунсткамеры.

Голос Молодой Женщины *тихо напевает колыбельную песню в глубине каменных громад*

Времени черные гири
Мерно стучат на цепи.
Спи в этом сумрачном мире,
Свет мой единственный, спи!
Кем ты в судьбу мою послан?
К чьим маякам устремлен?
Что за таинственный послух
Ждет тебя в далях времен?

Механический свист, похожий на взмах исполинского бича, взвивается где-то совсем близко и удаляется.

Я лишь забочусь о хлебе
Да над судьбой ворожу.
Твой предназначенный жребий

В снах материнских слежу.
Ищет неистовый Ирод
Дух твой, за власть трепеща...
Да охранит тебя город
В каменных складках плаща!

Голос молодой женщины гаснет в шуме строительства.

Голоса на площадях
— Улучшаем природушку.
— Закаляем утробушку.
— Укрепляем твердынюшку.
— Украшаем отчизнушку.
Другие
— Чертим машинища.
— Роем копалища.
— Строим заводища —
Высим культурищу!
Воспитатели
— Лекцией, станком — кто чем —
Школьников тишком точим.
— Каждый их изъян лечим.
— Здравствовать без «я» учим.
Организаторы
— В стройках на ветру стынем!
— Жалуем, журим, женим.
— К новым всякий день граням
В гаме эстафет гоним.
Голоса из котлованов
— Тычемся тусклыми тысячами.
— Топчемся днями расчерченными.
— Крутимся скопами скорченными,
Скрученными, замороченными.
Голоса из подземелий
— Нас, пленников, жрет труд.
— Нас, узников, жмет страх.
— Час, кланяясь, бить бут.
— Два, ползая, рыть прах.
Голос Уицраора
Не вмещаюсь уже в постылую Цитадель,
Расширяюсь
головокружительно
вверх и вдаль —

Надевайте же мне на душу
бетон и толь,
Алюминий, вольфрам, иридий,
гудрон и сталь!

Автомат *подхватывает, стоя на террасе*

Наш мировой
план
Мощи младой
полн:
Тоннами пьет
нефть,
Кипами жрет
юфть;
Щупает высь
сфер,
Никнет к сосцам
гор,
К тайнам земных
дыр
Тянет взрывной
шнур.

Возгласы гордости и удовлетворения.

Чтоб гражданин
влил
Душу в металл
сверл!
Чтоб добывать
лал,
Ртуть, антрацит,
перл!
Чтоб устремить
пыл
В стройку стальных
стойл,
В скрежет и визг
пил,
В топот и стук
кайл!

Автомат скрывается в Цитадели. Часы торопливо отзванивают полдень. Воздух дрожит от работы машин, гуда колес, ударов металла о металл.

Голос неизвестного мальчика, *затерянного в толпе*

Не слишком ли рано пришел я? Ни в ком
Не вижу союзника думам,
Не слышит никто, что звенит родником
Под этим свирепым самумом.
К товарищам выйду ль — их день закружил,
К отцу ль — он усталый и резкий.
Но понял бы Лермонтов, если бы жил,
Ласкал бы в слезах Достоевский.

Тревожные голоса *в черном кристалле*

— Бдите! По звездам
Печалятся юноши!
— Бдите! По гнездам
Плодятся змееныши!

Голос мальчика

Еще непонятна задача моя —
Что свергну? Воздвигну? Построю?
Но слышу вас, гении, слышу, друзья:
Вы рядом —
вот здесь, —
надо мною!

Голос пропадает в городском шуме. Слышны обрывки разговоров в магазинных очередях.

В одной

— Такие — пятьсот, те — триста.
— Намедни у Резинотреста...
— А этот завмаг: уж трус-то!
— Ему бы...
— Не так-то просто.

В другой

Возьмешь для отдыха книжку,
Зайдешь иногда в киношку:
Какой-то Монблан... Кашмир...
А выйдешь — опять кошмар.

В третьей

— Еще не давали? — Ждем.
— Опять под этим дождем...
— А знаешь: в слове «дают» —
Какой-то странный уют!

Генерал-лейтенант культурных сил, *навострив уши*

Еще немало среди нас
В мечте сосущих ананас;

Спят, как чурбаны, а с перин
Вскочив, глотают аспирин
И, у врача взяв бюллетень,
На ясный день наводят тень.

Борцы за новый быт, *навострив уши*

— В вас еще живы
Дух легкой наживы,
Отрыжка сивухи
— И прочие духи!
— Ну, чем вы живете?
— Сплетнями тети?
— Хватит! На стройку!
В пафос, в героику!
— Может быть, Ванечка,
Хочешь диванчика?
Галстук да пыльник?
Марш за напильник!

Заслуженный деятель художественного фронта, *негодуя*

Что вам искусство?
Спрятались в куст вы!
Что вам палитра?
Лишь бы пол-литра!
Сесть бы в середку,
Есть бы селедку...
Ваш дух, идеал —
Пух одеял!

Министр общественного воспитания

Помните: наш руль —
Заповедь: будь храбр,
Бдителен, суров,
Прям.
Новая мораль
Тысячами швабр
Выскребет из душ
Хлам!
Дети на отцов,
Исподволь, в ночи
Исповедь несут
Мне:
Мучит ли их блуд?
Спят ли на печи?
Стонут ли в хмельном
Сне?

Организаторы *подхватывают*
— Икру в роддомах вынянчить,
— Питать, подсушить и выжучить,
— Заветную мысль вымучить,
— Доносам за страх выучить.
Педагоги
— Иголкой их ум простачиваем.
— Идейкой насквозь просвечиваем.
— Магический том разучиваем.
— От гордости грудь выпячиваем.

По улицам маршируют шеренги подростков. В левой руке — штандарт, правая бодро при каждом шаге взмахивает.

— Грудь колесом пучится.
— Жить напролом хочется.
— Деды по домам тычутся,
В старый гардероб прячутся.
Голоса из подземелья
— Тут, в сумраке, нет
смен.
— В глубь рудников сход
крут.
— Весь горестный год
плен.
— До гроба весь век
труд.
Слабые голоски *с кладбищ и колумбариев*
Под марши вымученные,
Змеясь от боли,
Роимся, выхваченные
Из колыбели;
Кружимся хлопьями,
Травою сорною,
Листвой над топями
Бесцельно сорванною...
Наместник
Помните: Цитадель
Требует: наш кров
Высить вон до тех
Туч.
Прядайте сквозь щель!
Пухните с боков!
Вздуйтесь выше всех
Круч!

Шорохи и свисты

— Из нор высачиваемся...
— Из пор выструиваемся...
— Из фибр выгноиваемся...
— До неба взбрызгиваемся!

Горизонт скрывается за призрачными силуэтами ступенчатых громад, шпилей и подъемных кранов.

Неизвестный мальчик

Ах, тесно в этих ущельях,
Среди человеческих волн...
Зато — какое веселье,
Чуть только взойдешь на холм!

Он поднимается по скату холма на окраине столицы.

Какой-то премудрый дедушка
Сидит здесь порой на склоне:
Рассказывает мне о Ведах...
О Радонежском... Эхнатоне...
Седины — белейшим облаком,
А взор глубок, как озера...
Он напоминает обликом
Рабиндраната Тагора.

Прозревающий, *спускаясь с холма*

Опять ты беседовать шел,
Веселый мой босоножка?
Никто бы нам не мешал,
Но ты опоздал немножко.
Сегодня прекрасный гость
Тебя навестит на вершине:
Немногим дано обресть
Наитчика совершенней.

Мальчик *на острие холма; отсюда вся столица охватывается взглядом*

Нет никого. Но город — как могуч!
В нем каждый камень дышит прошлым русским.
По гребням крыш перебегает луч
И меркнет там, по рвам и темным спускам.

Но не луч — не сравнимый ни с чем океан света озаряет внезапно то, что скрыто постоянно. На один миг разверзаются пучины под великим городом и выси над ним. Храмы Небесной России блещут на воздушных вершинах золотом, белизной, синевой, а внизу распахиваются — один другого мрачнее — лилово-черные, багрово-желтые миры уицраоров и античеловечества. Над глыбами подземной крепости видится лазурное свечение пленен-

ной там Соборной Души, а кто-то невыразимо могущественный проносится в высоте массою белого света, среди которого полыхают пламена, еще более ослепительные. Прорыв длится секунду.

Голос Даймона

Космос России мгновенно объемль,
Помни о нем и расти:
Толпы и толпы в заоблачный Кремль
Ты предназначен вести.

Мальчик *на коленях, закрыв лицо руками*

Что это? Боже, нет слов в языке,
Нету понятий таких...

Даймон

Будут. — Как светоч во властной руке
Станет твой огненный стих.
Братством
преображаемых царств
Будет всемирный исход...
Жди и готовься: кругами мытарств
Движимы
ты
и народ.

Голос гаснет. Мальчик лежит на земле, спрятав лицо.
Внизу шумит город, слив голоса человеческих миллионов и машин. Но мальчику слышно другое. Теперь ему слышно, как глубоко в Друккарге мутная и страстная женственная сущность полыхает беспокойными красными покровами. Эту невыразимую речь кто-то приближает к человеческим словам, переводит, втискивает в них, и тогда мальчик начинает разбирать отдельные голоса.

Голос Афродиты Всенародной

Ты страну мою избавил от геенны,
И рабой твоей пребуду до конца,
Отчего же наши дети — все чугунны,
Без лица?

Голос Уицраора

Непреклонною их стойкостью за химеру
«Я» единственное на вселенную распространю:
Начинается преобразовывающая эра,
Перед коей все миновавшее равно дню!
Не постигнешь ты никогда моего алканья,
Не проникнешься моей бушующей мечтой:
По ту сторону Всезакона и беззаконья
Воздвигается равелин мой
и только мой!

Голос Карны

Вспомни заклятье! Вспомни заклятье,
Узницы Навны страж и слуга!
Род уицраоров создан в столетьях
Был демиургом — щит от врага;
Но в материнское лоно обманом
Следом проник сатана: берегись!
Двойственный рок тебя мчит ураганом,
Чтобы разбить о запретную высь!

Уицраор

Лжешь, кудесница несмывающейся обиды!
Уж надломлена,
уже скашивается
ось времен;
Мир рыдает,
мир жаждет,
молит моей победы,
Демиургами сверхнародов
порабощен!

Черный кристалл внутри Цитадели зардевает вспышками перебегающих искр.

Жрец *в молитвенном экстазе*

Ты крепнешь, впивая
Раздоры и ропот
Из скважин Китая,
Из трещин Европы;
Уж щупальцы, роя
Тло наций, простерты;
Взор щурится к бою...
Считая когорты...

Слабые голоски *с кладбищ и колумбариев*

Не смея песенку
Поднять до всхлипа,
Ютимся пасынками
Судьбы у склепа,
И каждый в ниточку
От боли сжался...
Смягчись хоть чуточку!
Помилуй, сжалься!..

Священник *в катакомбах*

Как червь, он изгложет
Незрелую совесть,
Навек уничтожит
Духовную завязь, —

И поникают растленные веком,
И замолкают надтреснутым звуком.

Жрец, *простираясь ниц*

Великий! Ты — семя всемирного древа:
Оно надо всеми из злобы и гнева
Взойдет и раскинет, до неба ширяя,
Кровавую скинию адского рая!

Голос уицраора

Не умещаюсь...
не насыщаюсь...
нет, мало, мало!
Все увеличиваюсь...
ометалличиваюсь...
скорей, скорей!
Сжимайте, жарьте по крематориям
тук и сало!
Ловите, всасывайте
воронками лагерей!

Слышны пачки сухих выстрелов.

Голос неизвестного мальчика *за городом на морском берегу*

Под этим ли небом возвещено мне
Пройти по спиралям несчастий
До власти, немыслимой даже во сне,
До мирообъемлющей власти?

Голос Карны

А крепость растет — над ярусом ярус,
И толпы не видят в полдневном свету,
Что прямо в зените — багровый Антарес
Льет свою силу на крепость ту.

Жрец

Вихрем всклокочены, мчатся минуты,
Энтузиазм
бьет через край...
Ометалличенный, кольцами сжатый,
Неба достиг
днесь
наш строй...

Карна

Вот уж уходит солнце зенита,
Вспять не вернуться чтоб никогда,
Чтоб исчерпала рок свой планета,
Блеском бездумья сплошь залита.

Голос мальчика
Еще никого я не встретил,
Кому бы, сквозь толщу веществ,
Мерцал, ликующ и светел,
Мир легких, как луч, существ.
С ребятами плещемся вместе,
Нас моет та же река,
Но глухи сердца их к вести,
Трепещущей издалека.
Никто не слышит, как дальние
Поют божества морей,
Как плещутся духи кристальные
Над отмелью рыбарей;
Кто веет полунамеками,
Творя туман и росу,
Мерцающими, зеленоокими
Друзьями в лугах и в лесу...

Даймон
Крест одиночества строг и велик,
Горькую явь обнаружь:
Мир стихиалей еще не проник
В глубь человеческих душ.

Мальчик
Но и под маску города
Никто взглянуть не посмел:
Их оглушают аккорды
Брядающих судеб и дел.
Никто не чует, как дышит
Скала над срывом во тьму...
О, если б хоть вождь услышал,
Что бездна поет ему!

Женственный голос, *едва доносящийся из неимоверной глубины, тихо поет*
Глубже пучин
Мира стошумного
Я без личин
Сплю.
Древний покой
Края безлунного —
Мрак вековой
Длю.
Рдея во мглу,
Тысячи факелов
Правят хвалу
Мне...

Слышу псалом
Сумрачных ангелов
На мировом
Дне.
Кровь, как нектар,
Мне изливаемый, —
Вольный ваш дар
Пью,
Дымный хитон
Пряжи сплетаемой
Миру сквозь сон
Вью.
Но все ясней
В вашем просторе я
Слышу страстей
Ход.
Выйду опять
В полночь истории
Ваш колебать
Свод.
Дольше, хмельней
С полночью каждою
Будет вам мой
Век...
Стройте ж, пока,
Алча и жаждая,
Не подниму
Век.

Гул заводов и фабрик, работающих на полную мощность. Шум уличного движения.

Возбужденные голоса *в одной из очередей перед магазином*

— Без очереди!.. Он врет!
— Не пустим! — Ступайте в ряд.
— Вот от таких — весь вред...
— Стоит, точно в землю врыт!

В один из магазинов подвезли товар. Очередь напирает. Задние смяли передних.

Гвалт

— Пять сорок... держи... Дай...
— Хозяин... — Талон... Да!
— Не прите... — Украли! — Стой!
— Спасите... Мне ребра... Ой!!!

Пожилой интеллигент, *выбитый из очереди, уныло махнув рукой*

Деретесь... а вы вот,
Сделали б вывод:
Купишь —
кукиш.

Резкий лязгающий звон прорезает уличные шумы. Тишина.

Министр, теперь уже Наместник

Граждане! Груз жертв
Нес народ не зря, —
Гордо их сложив
В холм.

Град блестит от яств,
Мир весь озаря,
Счастья и надежд
Полн.
И герой-народ
Понял, что пора
С недруга нам сбить
Спесь,
Битвами — под свод
Славы и добра
Мир объединить
Весь.

Тревожный шепот в ареопаге

— А грудки-то — сухонькие...
— А носики — остренькие...
— А косточки — хиленькие...
— А хвостики — худенькие...

Голос Автомата *из внутренности Цитадели*

Подцветить хилость;
Подкормить малость;
Поднабить полость...
Показать жалость!

Наместник, *подхватывая*

Но великий вождь
Любит, чтоб народ
Гладок был, здоров,
Сыт.
Нынче — всем на час
Отдых от работ!
Радость да войдет
В быт!

Общий вздох облегчения.

Агитаторы

— Как он любит всех: самого малого!
— Как объемлет всех: смелого, хилого...
— Как он знает счет дел его, сил его!
— Как он видит все: голову, тулово!

Жрец покинул черный кристалл. В бесцветной, как солдатское сукно, мантии, он преклоняет колена во главе толпы перед Цитаделью.

Жрец, *чередуясь со скандирующей стих толпою*

— Благодарим, о заступник
трождающихся,
Всех судеб
швец!
— Благодарим, о маяк заблуждающихся,
— Чей ум
куц!
— Благодарим, вдохновитель и
пестователь
— Львов, львят,
львиц!
— Благодарим, по столетиям
шествователь,
— Ось всех
спиц!
— Благодарим, властелин диалектики,
— Врагов
жнец!
— Благодарим, величайший в галактике!
— Бум-бумм...
бац!

Стена Цитадели с рокотом раздвигается и на террасу выезжает Автомат, ростом превышающий уже пятиэтажный дом.

Автомат *в упоении*

Нынче вся суть
в том,
Чтоб, отдохнув,
всем,
Стать, как один
ком,
Крепкий по всем
швам.
Школа! Завод!
Вуз!
Град вам открыт
весь!
Дынь, баб и дуль
воз
Должен войти
в вас.
Ешьте на весь
вес!

Пейте весь час
квас!
Чтоб в парадиз
вас
Завтрашний день
ввез.

В небе вспыхивают квадраты и ромбы разных цветов.

Церковный политик
Святой Бог!.. Он прогнал тьму!
Он расторг ночь на Руси!
Кто подобен в веках ему?
Он нам дал огонь с небеси.

Крики восторга, дробь чечетки.

Отдельные, слегка насмешливые голоса
— Чуть поразмять ноги...
— Прыть показать в беге...
— В пляс! А потом, други,
Хоть запрягай дроги.
Агитаторы-энтузиасты *поочередно*
— Вот так праздник! Вот парад,
Ай-люли!
— Пусть завидует народ
Всей земли.
— Отчеканивай, дружище,
Бутс да бот не жалей!
— Четче, громче, звонче, чище,
Веселей, веселей!
— Ешь, братишка, щи да сласти
За двоих, за троих!
— Чтоб наш пыл — опора власти —
Не заглох, не затих!
Массовик-затейник
Труженик! Усвой
наш
брасс:
Стройся чередой
вдоль
трасс;
Лохмы припомадь,
взбей кок —

Эка благодать:
прыг, скок!
Резвой чехардой
близ рва
Дрыгайтесь за мной:
раз-два!

Визг дудок и саксофонов, удары звенящей меди.

Агитаторы
— А фейерверк-то!.. до туч
брызг
рой!
— Как равномерно падуч
взмет
струй.
— Эй, выходи на балкон:
вон —
змей,
— Десятихвостый дракон!
Волк!
Вий!

Мужской голос *запевает в толпе*
Встреть веселей ночку!
Девочка даст ручку,
Завтра — опять в скачку
В круг, в трудовой гон...
Убыль сочтешь после,
Нынче — как сыр в масле, —
Ведь все равно мысли
Мыслит за нас
он!

Женский голос
Убыль сочтешь после,
Сдай ребятню в ясли,
Там подрастут, если
Мыслит за нас
сам...
Ой, разряжусь шелком!
Эй, расфранчусь шалком!
Ай, подзавьюсь челкой!
Сердце швырну
псам!

Плавный рокот аттракционов, взрывы смеха, уханье праздничных салютов.

Приплясывающая толпа

Рвись
Вдаль
Стяг
Взвеивающийся!
Рей
Ввысь
Флаг
Всплескивающийся!
Груз
дум
прочь
Скидывается.
Гонг
бьет,
смех
Взвихривается, —
Пусть
дождь:
кровь
Взбадривается.
Сам
вождь
в нас
Вглядывается!

Отдельные выкрики

— И — никаких пугалов!
— Хоть океан
вброд!
— Й-их! Удалым сняголовам
Нынче сам черт — брат...

Толпа

Хлынь,
звон
струн
праздничных...
Грянь,
гром
труб
вызолоченных!
Крой,
брат,
в медь
брякающую,

Бей
звонч
цань
цокающую...

Эстрадники

— Видя праздник наш таковский,
Прослезился бы Чайковский.
— Как наш мир великолепен —
Обалдел бы старый Репин.
— Трелям наших саксофонов
Поразился б сам Сафонов.
— Увидав наш рай простой,
Сдох бы с зависти Толстой!

Выкрики

— Ох, отобьем по-морски!
— Ух, в голове — чад...
— Глянь-ка: кругом сумерки,
Мжица, туман,
чит...

Мужской голос *в толпе*

Плачьте больней, домры!
Цепь фонарей в сумрак
Манит, нашлет омрак
Бражный, густой
сон...
Пойте в слезах, гусли!
Ведь все равно — если
Чувства, права, мысли
Мыслит за нас
он!

Женский голос *подхватывает*

Все трын-трава, если
В вечную тьму после...
День промелькнет, час ли —
К моргу наш путь
прям...
Жми нас в ночных парках,
Мчи на витых горках,
Каждому быть в урках,
Сгинуть по лагерям.

Двое *вполголоса*

— Шмыг стороной, киска...
— Шмыг, только ой, узко...
— Что нам? С тобой ласка
Хоть на гнилых досках.

М у ж с к о й г о л о с *в катакомбах*

Лишь бы найти к сроку
Силы — постичь Книгу;
Лишь бы, взрастив сына,
Дать ему наш
ключ
К ржавым замкам Рока,
К правде и лжи Ига,
К белым дворцам Солнца
Там, в глубине
туч...

Ж е н с к и й г о л о с, *подхватывая*

Сердце свое выну,
Брошусь навстречь карам,
Под громовой топот
цокающих коней,
Лишь бы вручить сыну
Горьким святым даром
Наш роковой опыт
Этих ночных
дней!

Г о л о с Н е и з в е с т н о г о Ю н о ш и, *который еще недавно был мальчиком*

Это — тупик мой. Вся пройдена
Топь Афродиты Народной;
Плотностью чувств безысходно
Жизнь моя отягощена.
Только сладчайший голос со дна
Слышится — темный, прохладный...
Иль богоборческих царств глубина
Хлябью манит многоводной?

Ж е н с т в е н н ы й г о л о с *из глубины крепости Друккарга*

В темном краю
Муку свою
Столько столетий, как пленница, пью...
В этом жилье
В мертвой земле,
Бодрствуют духи с рукой на копье...
Дни — как гроба...
И, как раба,
Жду, что сулит мне врагинь ворожба...

Голос внезапно изменяется: не сопрано, но глубокое контральто мягко слышится оттуда же, странно похожее тембром на звучание предыдущего, точно голос старшей сестры.

Строг судия —
Бог бытия
Догмат-секиру возмездья куя...
Сладко мое
Жжет лезвие
Тех, кто склонится ко мне в забытье.
В темном краю
Саваны шью
Над паутинною пряжей пою.

Неизвестный Юноша
Кто это? Кто это? Что нам пророчат
Смутные песни вещих подруг?

На Цитадели протяжно и тяжело бьет шесть.

Бесстрастный голос *с вышины*
День кончен.
Первая Стража Ночи
Вступает в круг.

Карна
Хлынули сумерки — смуры и бурны:
Дети ущерба снуют во мгле,
В вечных тенетах скорби и скверны,
Ниже и ниже — к мертвой земле.
И, надвигаясь на море и горы,
Ночь мировая глядит в зрачки,
Приоткрывая ларец Пандоры
Медленным
волхвованьем
руки.

Голос Даймона
Видишь: от тела владыки
Темное отпочковалось?
Ползает по виадуку,
Вьется, змеясь, как волос...

Юноша
Вижу: клубится исчадьем,
Ищет державной доли,
Вглядывающимся отродьем
Рыщет у Цитадели...

Гром отдаленного взрыва. Плясовая музыка обрывается.

Вскрики
— Что это? Где это? — Выстрел! Убили!
— В кои-то веки бойко попели...
— Где ж это взрыв?
— Да в Цитадели!
— Сбоку весь кров разворотили...
— Слушайте, слушайте: вон уже вестник.
— ПАЛ НА ПОСТУ СТАРШИЙ НАМЕСТНИК!
— Ох, наступает беда...
быть
казням...
— Уж потеряем тогда
счет
узням!

Мрачная мелодия, похожая на похоронную, надвигается на толпу и пригибает голоса к земле.

Хор погребальной процессии
— Он пал на посту...
— Тум-тумм!
— Он был опекун
всем нам...
— Он был как отец,
как кум-м...
— Бей, скорбный народ,
в там-там-м!
Новый кандидат в Наместники
Смерть
Вырвала снова из наших рядов
пук
жертв.
Пусть
Лег наш министр в похоронный рыдван;
пусть
мертв;
Он
Прожил сознательно, в поте лица
свой
век;
Он
Пламенно жаждал нести до конца
свой
вьюк...

Смерть
Только сплотит нас, и не устрашит
нас
враг,
Ни
Бог, ни соперник, ни войны, ни злой
вой
вьюг!

Голоса в ареопаге
Мощь властелина явлена:
Злое отродье словлено,
Пытано — обезглавленно —
Истолчено — раздроблено.

Голос Уицраора
В ночь, как молния, дам
клич
в битву.
Завтра будет мир — мой — дотла!
Кто же смеет сорвать мне
жатву?
Не дает истребить
сев
зла?

Жрец в черном кристалле
Наш господь разъярен.
Злат
куб
Над челом заметал
сноп
искр.
Пусть суров станет вождь,
пусть
груб.
Бдите всю ночь! Запретить
шум
игр!

Автомат, *поспешно выезжая на террасу*
Вникнуть в любой мозг,
Чтобы любой писк,
Всякий клочок дрязг
Взять в круговой сыск.
Кто там лизнул кекс?
Кто разнуздал секс?
Вон — инженер: как-с
Он раздобыл кокс?..

Каждый, родясь, знать
Должен, как жить впредь:
Ртом — пусть сосет грудь,
Оком — следит мать!

Новый кандидат в Наместники

Расшифровать знаки;
В домах проследить стуки!
В больницах унять тики!
В гробах подстеречь токи!

Автомат, *вглядываясь в глубь Цитадели, конфиденциально*

Вдруг — неровен час —
Пуля, стилет, газ,
Даже простой сглаз
Жизни лишат нас.
Надо создать кров,
Весь наш уступ скрыв:
Пусть пешеход прав,
Но, коль шагнет, — в ров!

Новый кандидат в Наместники

Спешим — надстраиваем...
Угол выкраиваем...
Сверху задрапваем...
Оштукатуриваем!

Автомат *уже из крошечного отверстия в стене Цитадели*

Слаб наш сатрап был:
Пил, бормотал, спал —
В нем погасал пыл;
Он поделом пал.
В венах страны — тромб!
Бурей чреват румб!
Враг у ночных ламп
Копит запас бомб.
Вот вам другой друг:
Бодр, справедлив, строг,
Чтоб горожан стриг
И — никаких драк!
Он разомнет воск.
Он прищемит визг!
Он смастерит блеск.
Он наведет лоск!

Первый Наместник, *приосаниваясь*

Уж мы-то смастерим — мы-то!
Все будет до основ смыто.

Сумеем доконать смуту,
Словчимся оправдать смету!

Гончие

Лаем, рыскаем по рвам —
вбок,
вглубь,
В штольни, в шахты, в каждый дом,
щель,
копь,
Только — в каждой подворотне
скрыт
вор,
В душах — распри, плутни, бредни,
гвалт,
спор!

Топот разбегающихся граждан.

Наместник

Всюду вникать сторожко:
К чему у друзей пирушка?
Что шепчет в углу старушка?
Зачем у больного отрыжка?

Воздух исчерчивается посвистывающими дуновениями, мечущимися во все стороны.

Приглушенные вскрики

— Ай, нетопырь шарахнула!
— Вон еще три... пять...
— Ой, не смотри кверху!
— Под ноги лишь
глядь...

Наместник, *входя в ажиотаж*

Травить по щелям нежить.
Приблудных собак — вешать.
Следить — как чихнет лошадь...
В подполье — мокриц слушать!

Шелесты в воздухе

— Бетон просверливаем...
— Гудрон проскребываем
— Кирпич просквaживаем!
— Обнаруживаем!

Наместник
Обнаруженных влачить
сквозь
строй,
Пригибать до мостовой
хрящ
вый,
В землю вбить их, как живой
ряд
свай...
Рто-запором заклепать
их
вой!
Отборщик — *в сопровождении караула*
Страж!
Взять
вот
этого!
Смыть
знак!
Скрыть
след его!
Вопли ужаса и недоумения
— Но я же... тавром помечен!..
— Я же... на пост назначен!..
— Я... к орденам представлен!..
— Мной... диверсант был словлен!..
Отборщик
Эй,
мразь,
брось
плутни!
Тех...
Тех...
Тех...
Сотня.
Тот
сброд
брать
вместе,
Чтоб
счет
стал
двести.

Голоса в подъездах
— Не я? — Сворачивайте
туда, к соседу.
— Не мы? Просвечивайте!
вон ту породу!
— Вон этот — баловался,
исчадье кликал...
— Тот парень жаловался...
— Тот звал... тот плакал... —
Конвой
— Прутиком — вправо! вправо!
— Кнутиком — влево! влево!
— Жгутиком — живо! живо!
Отдельные голоса *на лестничных клетках*
— Шу-шу-шу — и я патриот.
— Шу-шу-шу — завсегда вперед.
— Шу-шу-шу — тот плевал на портрет.
— Шу-шу-шу — те квартирки подряд.
Женские голоса *в квартирах*
— Сынки... голубчики...
— Родные хлопчики...
— У нас — лишь чепчики...
— Лишь детки-всхлипчики!..
Голоса ребят
— Гражданин офицер!
Клад в люк
Мой братан вчера приволок.
— Папа садит в горшок лук!
— Мамка прячет деньги в чулок!
Энтузиасты
— Вот непосредственность детских душ!
— Чем за такой героизм воздашь?
— Не героизм, а гражданский долг:
В нем педагоги-то знали толк!
Наместник
Ремонтировать чуть-чуть
плоть
квелую,
Эшелонами спускать
в копь
голую:
Пригодятся — даровой
раб-
силою...

Кто раскается — тому
гроб
жалую.
Шипение из глубины катакомб
В сердце мрака замурованных,
Крепких лишь духовной силой,
В час свинцовый, в ночь суровую,
Господи, помилуй!
Тайные мысли в ареопаге
— Докарались до бреда.
— Трупов — целая груда!
— Не хватает народа!
— Где возьмем для парада?
— Вместо всех операций
Не пора ль опериться?
— На мораль опереться...
— За дюраль побороться...
Пение в катакомбах
До звезды над нами утренней,
До сконча́нья тьмы постылой,
Всех, кто слышит голос внутренний,
Господи, помилуй!
Наместник
Кто там ноет? Кто бубнит?
Где?
В скважинах?
Не под тяжестью же плит,
льдом
стуженных?
Не в руинах же, дотла
мной
выжженных?
Не в фундаменте же глыб,
мной
сложенных!
Гончие
Слышим, уши навострив,
их
стон,
Рыщем, ищем в недрах шахт
их
стан,
Упираемся в глухой
бут,
в тын;

Тщетно тыкаем носы
в гладь
стен.

Наместник

Сами себя обезвредили:
День напролет колобродили —
Замуровались в обители,
Крипту * законопатили.

Автомат

Пусть! Завалив
грот,
Собственный кал
жрут:
Глад им скосил
рот,
Разум их впал
в бред.

Голос Афродиты Всенародной

Вместить не в силах я сквозь мороки дней чадных
Благого замысла, мой вседержитель, но зачем боль?
Зачем калеченье, зачем терзание детей бедных,
простых воль?

Голос Уицраора

Затем, что алчет моя геенна
и рать химер.
Затем, что голод грызет Гагтунгра:
он строг и хмур.
Затем, что точен закон страданья,
как колесо.
Затем, что будущее мирозданье
окупит все.

Крики бегущих женщин

— Защитники храбрые! Что за грозное время?
— Вон, знаки недобрые зажглись над горами:
Меч алый, немеркнущий, лучом повис...
То — острием кверху, то — острием вниз!

Агитаторы, *выскакивая из подъездов*

Разум просветлив,
все сплошь
Поняли, что миф
есть
ложь:

* Крипта — подземная церковь в катакомбах. — Прим. авт.

Масками чудес
скрыв
страх,
Сказками небес
лжет
враг.

Новые вскрики

— Глянь-ка, гляньте: зарево
Из-за рубежных гор!
— Словно чадящее курево...
— Точно грозящий взор...

Церковный политик, *воздевая руки*

Жизнь безбурную чад блаженных
Защити!
От нашествия иноплеменных
Огради!

Наместник

Слушайте, цеха,
Стройки, рудники:
Недруг наш сулит
Шторм.
Что ж! Мы сотрясем
Все материки
Сменой мировых
Форм.
Страшная заря
Вызолотит прах
В царстве вековых
Зол:
Копится не зря
В наших тайниках
Порох, динамит,
Тол.
Ух! Как нетопырь
Бросятся враги
В страхе из домов
Вон...
Уши растопырь,
Чих перемоги:
Будет говорить
Он!

Фанфары.

Лучи прожекторов скрещиваются на высокой части Цитадели. Она раздвигается как футляр, являя народу Автомат высотою уже с целый небоскреб, в ослепительно сверкающей броне. Трепет ужаса и восхищения.

Автомат

Я изобрел
вам,
Что не придет
в ум.
Враг в эту ночь
к двум
Лопнет по всем
швам.
С дробью секунд
в срок
Сдан мой чертеж
с рук.
Будь, гражданин,
строг,
Если найдешь
брак!
Стройте ж быстрей,
вскачь!
Смотрит нам в лоб
ночь...
Не для пустых
вирш
Вечер нам дан.
Марш!

Стены высокой части задвигаются. Прожекторы гаснут. На трибуну поднимается Генерал-лейтенант культурных сил.

Генерал-лейтенант, *поднимая руку*

За разбуженный врагами
Дух грозы!
За ответ! За гром! За пламя!

Толпа

— За! — За! — За!

Генерал-лейтенант

За битье в котлы, литавры,
в медь, в тазы,
Чтоб врагу издергать нервы!

Толпа

— За! — За! — За!

Генерал-лейтенант

За сознательность! За бодрый
Взмах лозы!
За всемирность власти мудрой!

Толпа

— За! — За! — За!

Генерал-лейтенант

Чтоб для всех была бесспорной,
Как азы,
Неизбежность нашей формы!

Толпа

— За! — За! — За!

Агитаторы

— К рукам — руки,
— К плечам — плечи,
— К ногам — ноги!
— К мозгам — мозг.
— Точней знаки.
— Плотней сроки.
— Быстрей встречи.
— Жирней лоск!

Зарево внезапного взрыва где-то за горизонтом. Волны звуков: гул, рокот падения огромных масс, вопль тысяч людей, постигнутых каким-то страшным бедствием.

Генерал-лейтенант, *потирая руки*

Браво! Наши зарубежные товарищи
Вторглись в некое злокозненное сборище
И бомбончиком замедленного действия
Водворили там единство и спокойствие.

Второй, еще более сильный взрыв.

Ликование энтузиастов, агитаторов и подголосков

— Славно гардарахнули! Знай наших!
— Взвизгнули мерзавцы: жмутся в нишах!
— А пламя как отсвечивает в плешах!
— Пляшет, как на выкормленных тушах!

Педагоги

Орудий таких
мир не знавал:
Зодчий, отец
всех,
Игрек нашел, вник в интеграл,
Вычислил цепь
вех.

Организаторы

В наших руках — судьбы планет,

Черных держав
Крах:
Токи включим — вздрогнет до недр
В их городах
Прах!
Если войной ринутся к нам —
Вздыбим назад
Ад!
В странах врагов этим трудам
Будет наш брат
Рад!

Звуки города приобретают опять, как и минувшим днем, трудовой ритм, но пронзительный скрежет бросаемых рельсов и штанг, хроматические взрывы свистков и рокот циклотронов наполняют их новым смыслом.

Шеренги работающих
В наших руках — мщенье времен,
Древних обид
стон;
С древних орбит сорван нейтрон,
Чуть повернуть кран!
В дымных котлах рдеет уран,
От скоростей —
крен,
Это — врагам смертный урон
И триллион
ран!
Еще шеренги
Плавим, дробим,
месим, куем —
Шибче вертись,
дрель!
Поршнем снуем, втулкой поем —
Каждый свою
трель.
Голоса на окраинах
Нефть и руду мчат
поезда —
Слышишь гудков
лай?
Все, кто живет, — как никогда
Сжаты в один
слой.

Еще голоса

Рдеет без сна
рать фонарей,
В судорогах — весь
край, —
Только б успеть! Шибче! Быстрей!
Никелируй,
крой!..

Эхо голосов перерастает в кольцо гудков, звучащих над материковыми частями горизонта. Порою доносившиеся и раньше, теперь они вычерчивают на фоне стремительного рокота машин странную и скорбную мелодию.

Перекликающиеся голоса дозора

— Бдит
наш
град
царственный
Без сна, в труде. —
— Ум,
взор,
слух
бодрственный
Блюди везде.
— Враг —
здесь!
Мрак,
призраки —
Ему с руки.
— Вкруг
домн,
дамб,
пригородов,
Свершай круги!

Молчание. Только перекликающиеся гудки слагают целые симфонии под облаками.

Дозор

— Эй,
страж!
Бдишь
крепко ли?
Смотри, бди!
Ух,
тьма!
Срыв,

тропка ли —
Ни зги! Ни зги!
— Стань
вбок:
там
значится
Фонарный круг.
— Эх,
ночь...
как
плачутся
Гудки вокруг!
— Чтоб
страх
бил
в голову,
бросал в озноб.
Чтоб сам Бог к городу
не ведал троп.

Кажется, будто миновали огромные промежутки времени; в действительности вечер еще далек от перехода в ночь. Уицраор Жругр вторгся в зону одного из соседей, умертвил его и, пожрав его сердце, отпочковал новое, как бы синтетическое детище. Обликом напоминающее дракона, но передвигающееся полувзлетами, полупрыжками, оно осталось крепнуть и царить в новой зоне, а Жругр вернулся в Друккарг, удостоясь от игв небывалого триумфа. В эти минуты в великой Столице на поверхности земли Автомат представал народу в скрещении уже не серебряных, а огненно-алых прожекторов. Теперь высотная часть Цитадели опять скрыла его, но ошеломленное население не осмеливается отвести глаза от нее ни на минуту. Неизвестный, тот самый, что не так давно был еще юношей, и Прозревающий спускаются с холмов, на которых протекали когда-то их первые встречи. Теперь с холма видно загородное пространство, все перегороженное в шахматном порядке колючей проволокой. Местами проволока пересекает уже и городские улицы.

Неизвестный

Все осквернено. Даже — этот холм.
Кажется порой: газ
Выполз из щелей, выпорхнул из колб,
И уже проник в нас.

Прозревающий

Ты замечаешь — чем больше крови
Впитывает наш грунт,
Тем фонари и люстры багровей,
А кругозор — как фронт?

Неизвестный

Страшно ступать... стыдно ступать
Здесь по земле больной:
Кажется — кровь, жидкая плоть,
Хлюпает под ногой.

Начинаются городские кварталы. Оба путника смешиваются с толпой.

Прожил на этой странной планете
Я только тридцать лет;

Но сопоставлю: к мажорной ноте
　　Склонен теперь весь люд;
Он уж не тот — возрастным составом:
　　Редкость — старик, как Вы;
Плотные — в центре; кто хил — к заставам,
　　Дети — ниже травы.

А путь их лежит именно через центр. Там, на плацу перед Цитаделью, при помощи аппаратуры дальновидения, дальнослышания и дальнообоняния Автомат производит обучение и проверку растущих кадров.

Обучаемые

О, родник благ,
　　　　зло
　　　　　　сдабривающий!
Человек-бог,
　　　　мир
　　　　　　вздыбливающий!
Вдохновляй нас,
　　　　с ног
　　　　　　сбившихся,
Скопом петь гимн
　　　　снам
　　　　　　сбывшимся...

Автомат

Два раза нуль — нуль.
Десять раз нуль — сто.
В этом — всех тайн руль...
Что? Там ворчат? Кто?

Обыватели

О, никто, свет
　　　　всех
　　　　　　верующих!
Не карай нас,
　　　　вверх
　　　　　　прыгающих...

Автомат, *внезапно раздражаясь*

Рохли! Отбор! Брак!
Кой мне от вас прок?
На фиг мне ваш прыг?
Ваших копыт брык?
Вынянчил ваш град
Новый людской род:
Те — не идут: прут!
В лоб! Напролом! Вброд!

На плац вступает шеренга человекоподобных существ с циферблатами вместо лиц.

Марш

Стальные лифики
Крепят нам грудь!
Крутые графики —
Наш путь и суть!
Пусть скрежет строфики
Не даст вздохнуть.
Шли к черту кайфики
И бодрым будь!

Автомат

Так себе. Можно четче!

Циферблаты

Сделаемся, наш отче!

Из-за угла выдвигаются шеренги с авиабомбами вместо голов.

Песенка

Нет пользы Родине
В пустой красе.
Пускай уродиной
Мы станем все,
Зато под черепом —
Не мозг, но тол!
Залают черти ли
На твой престол —
Швырни нас ловкою
Рукой тогда
Лишь вниз головкою
На города!

Автомат

Нет! — Время, народ, не раннее,
Пора бы нам стать ураннее!

Шелестя и шурша, на плац выбегают новые шеренги кадров. У этих вместо голов аппараты психопросвечивания.

Шуршащая скороговорка

Снуем, прошмыгиваем
Ко всем знакомым;
Слегка поругиваем
Горком с райкомом.
Присев, втирушами,
За пивом, чаем,
Чужие души
Разоблачаем.

Автомат

Хорош. Без этих
Всем нам быть
    В нетях.

Шествие замыкается группой людей с водруженными на плечи вместо голов громкоговорителями.

Механический лай

Хой, хоу...
    Гул голоса
в мозг
тыщ
    вбей
    штамп.
Рев! Тми
    шум хаоса,
рост
войск,
    счет
    бомб!
Ыу, ыу!
    Вождь
    высказал
мысль:
«Плач
    есть
    вздор!»
Вой труб!
    Скрой
    выстрелы,
вскрик
дыр,
    всхлип
    нор!

Автомат

Ха-ха!
    Товарищи с юмором.
Блоха —
    а какие шум и гром!

Прозревающий, *проходя краем плаца*

Вот они, множества,
    Жругром когда-то
Засосанные
И вброшенные во чрево кароссы, —
    Из Русского Сада

Ростки, безвозвратно скошенные.
Чугунные дети, садам соседа
Гибель нести послушные.

Неизвестный

Скажите одно: какова расплата
Тем, кто несчастных уродовал?

Прозревающий

Наш разум не приспосабливал лота
К промерам мира загробного.
Сначала вглядись в крепостные устои
Сквозь цоколь, сквозь пьедестал:
Видишь — там — потайную, пустую,
Нишу черную...
как кристалл?

Неизвестный

Да... как будто там вьются стаи
С жгучим взором... почти без тел.

Действительно, в черном кристалле Цитадели обозначается как бы особая ниша, схожая с усыпальницей. Там совершается чье-то однообразное движение, чей-то медленный с интервалами ход по кругу. Будто ворожащие существа выполняют заклинательное действо вокруг спящего.

Монотонные голоса

— Вот, сторожим
Твой сон...
— Верно храним
Твой сан...
— Длит на земле
Твой сын
Путь к всевладычеству.
— Плещет над ним
Наш кров;
— Злобой миров
Он прав, —
— Нами творим,
Он — миф,
Бич человечества!

Голос неподвижно-лежащего *сквозь сон*

Не раньте проклятыми чарами
Хоть час... лишь миг...
Дайте совладать хоть с укорами,
Что знал...
ждал...
мог...

Ворожащие

— Сильнее тебя
твой ореол:
— Вырос над гробом
мистериал, —
Не разорвал
Сам Азраил
Пут...
уз...
вервия...
— Сын твой залит
светом твоим,
— Стяг твой шумит
к дальним краям,
— Млатом твоим
в горнах куем, —
Мы:
рать
первая!

Иная мелодия, женственная и завораживающая, возникает из недоступных глубин: не то — колыбельная песня, не то — заупокойное волхвование.

— Крепче усни,
Бедный герой,
В долгом преддверии смерти второй.
Будь глубока
Дрема, века,
В толще подземного материка!
Весь хрусталем
Крыт саркофаг...
Складками ластится траурный флаг...
Окружено
Хладным огнем
Ложе страдания ночью и днем.
Спи, мой герой:
Я ворожу,
Я фимиамами сон окружу,
Остановлю
Дни и века
В лоне чугунного материка.

Неизвестный

О, узнаю: это — она,
Недостижима — и вечно темна:
Мне сквозь народную душу звучал
Голос ее...

Звезды ее
Мчались, гудя, по окрайнам вселенной
В гулкую пустоту...
Ради чего же сошла она в тленную,
В душную крепость ту?

Прозревающий

То — не она, ослепленный обманом!
В сумрачных песнях
Хищных кудесниц
Эхо ее отдается всегда.
Царство ж ее — за последним туманом,
Глубже черного льда.

Неизвестный

Да, я предвидел... Неясным чутьем
Горько расслаивал эти напевы.
Космос и хаос,
Если казалось,
Будто струит их в мечтанье моем
Высь Приснодевы...

Прозревающий

Если миры Приснодевы заронят
В душу сиянье — двоя этот блик,
Тихо возникнет на призрачном троне
Женственный, вероломный двойник.
В этом — закон твоей узкой тропы,
Скользкой тропы...
Страшной тропы...

С моря поднимается ветер. Цепочки фонарей вдоль набережных и проспектов раскачиваются, мерцая, как звезды в угольно-черных небесах.
На перекрестке — замешательство, топот бегущей от набережной толпы обывателей.

Вскрики

— Черный корабль!
— Вновь эта тень!
— Ящиком... гробом...
без парусов...
— За город дунь!
— Вновь этот недруг!
— В рытвины... в недра...
— Крепче засов!

Большинство пешеходов продолжает двигаться, как бы ничего не слыша. Но обучавшиеся на плацу бросаются врассыпную.

— Бежим, пока в жертву
Тиран нас не выдал!
— Везде его жерла!
— Везде его идол!

Часть обучавшихся бросается на колени перед Цитаделью.

— Владыка! Мы зоркой страже
Доверили наши «я», —
Спаси, человеко-боже,
От слуг ино-бытия!

Наместник *с балкона десятого этажа*

Очень жаль. Суров
Мировой закон,
И уж недалек
Час,
Как преображен
Гением веков
Будет он для всех
Нас.

Церковный политик

Строен, хоть угрюм
Контур пришлеца
С кружевом нагих
Райн:
Замкнутые в трюм
Выпьют до конца
Оцет мировых
Тайн.

Массовик-затейник, *подхватывая*

Разве не туризм —
Рейсик в океан:
Отдых... упокой
Душ...
Всякому порой
Хочется в туман
В провинциализм,
В глушь.

Растерянные возгласы

— Но как же?.. Там вовсе
Не отдых... не дрема...

Эстрадник, *фиглярничая сбоку*

Народ испугавси.
Подумаешь, драма!

Крики отчаяния

— Но вы ж нам твердили,

Что это не больно...
— Что сладко в могиле
Уснем добровольно...
— Бубнил же ваш гений,
Что смерть нас не мучит...
— Что мрак без страданий
Он всем обеспечит!

Цитадель безмолвствует. Из кварталов на плац выскакивают люди-циферблаты и люди-авиабомбы.

Вопли
— Но я же был вам полезен!
— Но я ведь насквозь железен!
— Я вашим врагам был грозен!
— Гранит наук мной разгрызен!

Существа-громкоговорители и психопросвечиватели, *мечась по плацу*
— Не я ль бичевал всех прежних?!
— Не я ль ублажал всех важных?!
— Не я ль доносил на ближних?!
Отсеивал всех ненужных?!

Отчаянным рывком преследуемые сдергивают с лиц циферблаты, но лиц под ними уже не оказывается: только кровавые блины. Другие срывают с плеч авиабомбы, просвечиватели, рупоры, но заменить их нечем. Безглавые существа натыкаются на цоколь Цитадели и друг на друга. За неимением ртов визги ярости вылетают прямо из сердца.

— Бессмертие наше
купил он за ношу!..
— За право на рабство!!
За радость холопства!!!

От набережной приближаются грузные шаги с большими интервалами.

Незримый оценщик *в сопровождении бесшумнобегущих свор*
Духовно-выхолощенных,
Духовно-выкорчеванных,
Плодов не давших,
Всуе метавшихся,
Всуе трудившихся,
Всуе кипевших.

Лепет обезглавившихся
— Не торопись чуточку!
— Дай хоть допить чарочку...

— Хоть доскрести мисочку...
— Дотанцевать плясочку!

А уличное движение продолжается, как ни в чем не бывало. Очевидно, происходящего не видят даже некоторые из людей-циферблатов и авиабомб. Сомкнув поредевшие ряды, они продолжают маршировку.

Оценщик
Тавром помеченных,
Грехом калеченных,
Клеймом прожженных.
Духовным сифилисом
Насквозь изъеденных
И прокаженных.

Всхлипы
— Присесть бы на лавочку...
— Доцеловать бы девочку...
— Обнять бы землюшку...
— Махнуть бы солнышку!

Но солнца нет и в помине: ночь еще только приближается к перелому.

Голоса отобранных, *уже восходящих на корабль, сразу изменившихся до неузнаваемости, глухо доносятся издалека*

Куда нас помчит по чугунным валам
злой
шторм?
Где будем распутывать, где доплетем
сеть
карм?
Где будем искать мы, как свора рабов,
наш
корм?
Без крова, без духа, без тел,
без гробов,
без урн?
Нам в души, на корни слабеющих сил
уж
льет
Нимб тускло-лиловых, подземных светил
свой
яд...

Ветер с океана усиливается, в его порывах слышны голоса.

Голоса

Вой,
вей,
ветр
взвеивающийся!
Плачь,
плачь,
дух
жалующийся!
Рой
хлябь
волн
рушащихся,
Мчи
вдаль
гроб
взбрасывающийся!!!

Еле слышное пение *в глубине катакомб*

Малых сих, не снесших бремени,
Поглощаемых могилой,
Всех, растленных князем времени,
Господи, помилуй!
Малых сил, в огне истаивающих,
Всех, гонимых адской силой,
По морям кромешным плавающих,
Господи помилуй!

Голоса в ветре

Наг
сонм
душ
выкорчеванных,
Вниз,
в мрак
дна
выброшенных...
Слеп
наш
шаг
сдавливающий.
Дик
наш
стон
вскрикивающий...

Неизвестный и Прозревающий тихо пробираются к городской окраине.

Неизвестный

Кажется мне, что я видел когда-то
Родину черного корабля:
Траурных лун, не знавших заката,
Свет
на пурпуровые поля;
Медных морей глухое рыданье,
Мертвых хребтов
мерную дрожь;
Геометрически-голые зданья,
Точно высокоумный чертеж...

Прозревающий

Ты расслоить их не в состоянье
Эту систему миров; но поймешь
Скоро, когда по лестнице знанья
С проводником небесным пойдешь.

Неизвестный

Друг мой, на Вас указывал Даймон,
Вы же указываете на него...
Оба вы — о необычайном,
Стражи лучшего моего.

Прозревающий

Я веду тебя в нашу глубь:
Она замкнута и глуха.
Там отверженных приголубь
Ласкою веры, теплом стиха;
Их суровая жизнь узка,
Несохранная от палачей;
Все испытано: гнев, тоска,
Горечь сумерек, гнет ночей.
Лишь единого не вкусил
Ни один в этой злой судьбе:
Стыд предательства правых сил,
Срам измен
самому себе.

Неизвестный

А их жажда иных миров где?
Чем их воли объединены?

Прозревающий

Словом — Да — обращенным к правде;
Словом — Нет — к палачам страны.
Есть неверующие, их мало.
Много жаждущих; верны все:
Не сдаются в кипящих смолах,
Молча молятся на колесе.

Много пламенных разноречий
Между ними, но нет вражды...

На Цитадели бьет девять.

Бесстрастный голос *с вышины*
Ход смен!
Вторая Стража Ночи
Берет бразды.

Ветер усиливается. Амплитуда раскачиваемых фонарей возрастает, полосы света и тени перепархивают с дома на дом.

Прозревающий
И, не покидая землю, ты
Увидишь скоро: улавливает
Наш дух, доверяясь снам,
Как братство и вождь Синклита
В Небесном Кремле уготавливают
Эпоху, сходящую к нам.
Выходят живые посланцы
Тех стран по эфирным отрогам —
Светильники будущих дней, —
Затеплены Господом-Солнцем,
Скользят по воздушным дорогам
Содружеством Белых теней.

Пауза.
Неизвестный слушает с напряженным вниманием.

Прозревающий
Прозрачная синяя лампа
У каждого в легких ладонях,
Над нею трепещет звезда,
И с каждым уступом — все краше,
Отчетливей дивный огонь их
Над срывами льда.
А здесь, по трущобам России,
В бараках, в бедных селеньях,
Роженицы стонут в бреду,
И пестуют люди простые
Героев и будущих гениев
В детском саду.
Неизвестный
Но разве дух века не станет
Студить их внутренний жар,

Язвить их душевные ткани,
Растленьем губить их дар?

Прозревающий

Гений растлиться не может.
С Гагтунгром в бою? — Да, многим
Сужден был этот удел:
Он их губил на дороге, —
Но этих не уничтожит:
Поздно. Он не успел.

В тучах скрываются последние звезды. Зарево городских фонарей позволяет видеть, что тучи громоздятся целыми бастионами, слой над слоем.

Неизвестный

Мрак — один темнее другого.
Солнце в надире.
Зенит тьмы.
Даже слово, простое слово
Через силу лепечем мы.

Прозревающий, *останавливаясь и закрыв лицо руками*

Слышу — чую:
В вышних пространствах
Начат бой — уицраор стар —
И легенда о постоянстве
Тьмы, объявшей весь мир, — лжет!

Покрывая завывания ветра, над столицей вздымается голос Автомата, и интонации тревоги впервые проступают в нем.

Голос Автомата

Маршалы, зорче!
Рубеж — сдавлен,
Мрак стал весомым.
Народ —
бди!
Урбург, Оттава, Стамбул, Дублин
Скрылись —
и не разберу где.
Груз этих крайних минут
тяжек,
Но обеспечен триумф. Лишь
Четверть часа — и весь мир ляжет
Пред...

Плотно-черные горы туч внезапно распахиваются, на миг являя ярко-белый просвет. Нечто неуловимое, как нож гильотины, беззвучно обрушивается оттуда на высотную часть Цитадели. Ни грохота, ни взрыва... Только слабый вскрик, короткий звяк металла.

Секунда тишины, похожей на обморок.

Голос Автомата

Бумм всезакон в том
Бумм всезакон в том
Бумм всезакон в том
Бряк всезакон в том

Наместник

Выключить ток... — и мигом!
Пять пропусков — магам.

Паника в ареопаге

— Где ж он?... — Пропал... Сгинул!
— В скважину вниз канул...
— Прочь, наутек дунул!..
— Нас пред грозой кинул!

Старший маг, *влезая в футляр Автомата*

Вы можете быть надежны:
Ведь смертные все — недужны,
Но верен и строг наш метод.
И даже в сплошной тьме тут
Наукам чужда ветреность...

Долгая пауза.

Здесь... следует сменить...
Внутренность...

Главный телохранитель, *грозя небу*

Надумал развязывать катастрофу?
Не запугаешь: наш рост — факт!
Припомним когда-нибудь и Саваофу
Этот террористический акт!

Кое-где двери домов приоткрываются на узенькую щелку. В щелях появляются

Бледные носы

— Что случилось? Опять — займ?..
— Может быть, пересчет клейм?..
— Регистрация людских уйм?..
— Дамбизация речных пойм?..

Отдельные смельчаки *прошмыгивают от двери к двери*

— Неимоверный, друзья, слух:
Будто гений совсем плох.

— Э, поклеп... растянул пах...
— Да, по слег! Это ж факт: слег!
— Ваши слухи, как рой блох:
Провоцировать нас всех,
Чтоб умножить число плах...
— Что?.. Когда?..
Сам собой?
Слег?

Голоса в ареопаге

— Кто ж теперь? — Старший. —
— Ох, станет крах горше...
— Вздор, сочиним вирши,
Вздыбим до туч марши...

Но не марши, а крик ярости и боли — крик раненого уицраора вздымается из глубины. Его подхватывают рыдающие голоса; в Друккарге выстроились кругом, заламывая руки, химеры с унылыми лицами; игвы с воплями испуга и гнева мечутся по всему городу, похожему на нагромождение багровых ромбов и коричневых кубов. И в верхней великой столице кажется, будто гудки всех заводов, свистки всех пароходов, сирены всех машин сливаются в единой траурной ноте, выстраиваясь по всему горизонту, как трубы невероятного органа. В черном кристалле у саркофага совершается нечто, схожее со сменой стражи. Слышится беспорядочное отступление, скачкообразные взлеты и падения тех, кто ворожил над ложем спящего.

Голос сброшенного с поверхности земли

Что это? Где я?

Молчание.

Вновь явившийся *в предельном ужасе*

Где я? И кто вы?

Блюстительницы Кармы

Первая

Мы — стражи вот этого только отрезка,
И ты успокоишься, гнев усмирив;

Вторая

Утешься, кромешник: здесь жестко и узко,
Но кратким приютом тебе этот кров.

Третья

Начальный этап постепенного спуска
Уступами нисходящих миров.

Вновь явившийся

Как смеете вы светоносцу народов...

Блюстительницы

Вершим мы как надо, сосуд твой дробя.

Он

Но знаете ль, кто я?

Блюстительницы

Первая

Захватчик монады,
Антихристом стать осудивший себя.

Вторая

Быть может, вернешься потом, как антихрист,
Достроишь до самого неба свой трон.

Третья

А ныне всю магму пронижешь крест-накрест
И мощь соберешь для последних времен.

Первая — *к старшему в саркофаге*

Встань, мученик гроба! Настало иное,
На смену явился избранный сын.

Пробужденный *из саркофага*

Не сын... Исполинов таких я не знаю...
Надвинут на лик ему черный кессон...

Блюстительницы

Твоя антицерковь цела еще в мире,
Готовится третий облечься в твой сан...

Пробужденный

На искус готов я, на крестный, суровый,
Но чем искупить, что тогда погубил?..

Блюстительницы

— Твое искупленье — плиту под державой
Поддерживать — всей полнотой твоих сил.

Пробужденный

Под этой державой? О, только не это.
На это ни воли, ни силы не дам!

Блюстительницы

Но права на выбор у пленника нету.
Ступай, скорбящий Адам!

Медленные, грузные шаги, как бы удаляющиеся. Навстречу им взмывают, бессильно поникая всякий раз, будто порывы ветра, похожие на вздохи великанов.

Прозревающий

Видишь туманных гигантов? На выи
Давит им титанический свод,
Но каждый из них человеком в России
Был в свой черед.

Неизвестный

Странно-знакомы тяжкие маски:
Силюсь припомнить — и не могу...
Будто я видел их в древней сказке
Там, на родном берегу...

Стонущие голоса кариатид

— Стань
в наш
ряд,
ряд неискупленный,
Груз
глыб
взять
мощью накопленной.
— Нет,
друг,
груз
не уменьшается!..
— Нет,
круг
лишь
преобразуется...

Пробужденный, *теперь — туманный колосс в ряду кариатид*

Есть ли другая, горчайшая пытка,
Чем, отвергая, поддерживать зло?

Блюстительницы

Есть. Нескончаем пергамент их свитка,
Бездонно засасывающее жерло.

Пробужденный

Я зло созидал, но я мыслил о благе,
А ныне лишь пытку сменяю другой...

Блюстительницы

Первая

И вспомнишь, быть может, года
в саркофаге
Как сон, передышку, покой.

Вторая — *вновь прибывшему*

Укладываем под чугунные дуги
Тебя, человечества бич и изгой;

Третья

Напрасно ярищься: бесстрастные слуги
Закона мы лишь, а не власти благой.

Новый обитатель саркофага
На помощь! Скорее!.. Где мощь моя,
где же?!
Нет, я не разрушен... я вырвусь, приду...
Блюстительницы
Как дрогнуло, как опускается ложе,
Ты разве не чувствуешь в этом бреду?
Обитатель саркофага
Проклятье... Я — бог ваш! Я — мудрый, великий!
Таких не бывало... Куда ж я, куда?
Все ниже, темнее... Ни искры, ни блика...
Кто смеет карать меня здесь, без суда?!

Голос достигает поверхности земли. Опустевший футляр Автомата позвякивает бессильной дрожью резонанса.

Шепоты в ареопаге
— Вот гортань! Даже здесь слышно.
— Хоть бы смолк: тут и так тошно.
— А при нем было, ох! — душно...
— Нужен новый взамен. Спешно!
Вопль снизу
На помощь! Откройте мой храм. Пусть
народы
Текут и лобзают мой облик!..
Я жив,
Взовьюсь на поверхность...
я в роды и роды!
Найду себе тело, владельца пожрав!
Блюстительницы Кармы
Твой храм опечатан. Все гимны —
лишь свите.
Проклясть твою память готова страна...
Вопль
Предатели! Четвертовать их! Спасите...
Блюстительницы
Забудь неудачу: пройдут времена —
И встанешь, как черное солнце
в зените.
Вопль
Я встану теперь!.. Но... совсем уже
глухо...
Там, вниз, только магмы... Нет, прочь,
не мешать!

Хочу — не в другую, а в эту эпоху!
Наверх — и внедриться в живую плоть...

Бормотанье в ареопаге

— Однако упорство! Такого морозу
Нагнало: озноб — и в спине и в боку.
— Подобных гигантов не вырастишь сразу.
— Ну, это вопрос. Я семь лет начеку.

Старший маг *тревожно*

Но... ведь у вас даже судорога глаза
Не соответствует кнопкам Z — Q!
Этот вот штепсель останется втуне...
Этому щупальцу быть холостым...
Страшно! А что, если вдруг на трибуне
Завтра сорветесь на самом простом?

Бормотанье

— Ну, так скорее обследовать недра!
— Шу... Шу-шу-шу...

Старший маг, *несколько забываясь*

Нет: до зари выступать ex cathedra *
Не разрешу.

Раздраженный шепот

— Чушь говорите.
— Подъемником, лифтом!
— Все вместе — к рубильникам! штифтам!
— Посмотрим, как мудрствовал шеф-то...
— И цел ли еще телеграф там.

Шарк торопливых шагов в дюралевом футляре.

— Как пусто без трупа-то...
— Непрочны все трапы-то...
— Вздор! Только без топота!
— И — лишнего трепета.

Старший маг, *указуя*

Великолепно вместилище!
Вот здесь — поглощалище!
Вон там — усвоялище,
А тут — говорилище.

Претендент на руководящую роль, *начиная распоряжаться*

NN — к реле утешальни.
ZZ — на стул бормотальни.
Вон тот — за дуду обещальни.
А я — за пульт управильни.

* С трибуны *(лат.)* — *Ред.*

Неуверенные голоса

— А как же — глазами-вращалище?
— А как же... усом-шевелилище?
— А... а руку-за-борт-положилище?
— А... благостно-усмехалище?..

Претендент, *усаживаясь за пульт, — в раздумье*

Дотянусь ли к щупальцам?
К наставленья-капальцам?
К афоризмо-сыпальцам?
К грозно-пятко-топальцам?

Наместник *с балкона Цитадели, во всеуслышанье*

Граждане! Угас
Гений. Никогда
Не было таких
Драм...

Всеобщий выдох

— У — ох!
— Сду — ох?!

Наместник, *притворяясь, будто ничего не замечает*

...Никогда не было
Таких драм.
Мир, как сирота,
Жмется в этот час,
Трогательно-тих,
К нам.

Усиливающийся говор

— Это, братцы, свыше:
Свечку поставьте.
— А я-то как услышала,
Выскочила в кофте...
— Думали — бессмертный,
И конца не будет...
— В атмосфере спертой
И мудрец забредит!

Наместник, *возвышая голос*

Мир, я говорю,
Жмется в этот час,
Трогательно-тих,
К нам.
Ясно! Ибо тут
Правил исполин,
Тут его святой
Одр...

О т ч е т л и в о с л ы ш н ы е р а з г о в о р ы

— Значит, лег проклятый,
В бушлат деревянный...
— Убёг от расплаты!
Затих, как невинный!
— Что ж его скрючило?
Вот-те и владыка...
— Что бы это значило —
Вот в чем закавыка!

Н а м е с т н и к *с терпеливым упорством*

Оттого, что тут
Правил исполин,
Тут его святой
Одр.
Тут ни распрь, ни смут,
Стан борцов — един,
И, как никогда,
Бодр.

Грохот чьего-то падения в футляре Автомата.

З л о б н ы е в з в и з г и в н у т р и

— Ага! Оборвался! Грохнулся!
— Как миленький гардарахнулся!
— Разоблачен! Все видно!
— Хамелеон! Ехидна!

Н о в ы й п р е т е н д е н т

Конец прохвосту. Спокойней-ка:
На нем — все вины покойника.

К р и к и в н а р о д е

— А, вот кто нам высасывал кровушку!
— Кто нам урезывал хлебушку!
— Кто изможддал нам утробушку!
— Кто доконал мою бабушку!..

П о д г о л о с к и

— Невернейший из неверных!
— Коварнейший из коварных!
— Как врал-то в речах бравурных!
— Как жрал из запасов сырных!

П р е т е н д е н т

Нажал-то я кнопку впору,
С изнанки подкравшись к сыру!
Поддал ему трошки пару!
Пусть не наглеет с жиру.

Подголоски

Из нас вы одни были докой.
Мы молим вас стать владыкой!

Претендент

Для вас я готов взять бремя.
Загвоздка в пристойном гриме.

Претендент укрепляется за пультом.

Войну придется отсрочить.
Чур — прошлого не порочить,
Лишь эту скотину хаять;
Оружье беречь и драить.

Вопль снизу

Мерзавцы! Они упустили минуту!
Взъярившийся Запад растет по часам!..
Спасите... веревку! я вверх по канату
Взовьюсь до Друккарга...

Блюстительницы

Таким чудесам
Преграды закона вовек нерушимы.

Вопль

Нет, я поднимусь! Грохочите в сполох!
Пусть игвы поднимут на крыльях мышиных
И ангелы мрака — на алых крылах!..

Возня в ареопаге

— Старик-то играет на нервах!..
— Беснуется в адских прорвах!..
— Для нас верней без урона
Копить запасы урана...
— Да: лучше — сменить пластинки...
— Откроем чуть-чуть застенки...
— Признаем две-три ошибки...
— Дадим погорельцам шубки...

Наместник *с балкона*

Меж учеников
Блещет как алмаз
Тот, кто вам сберег
Сыр.
Ни один из вас
Так не обожал
Лучшее из слов:
«Мир»!
С теми, кто сердит,
Он поговорит,

Вчувствовавшись в роль
Всех:
Западу — кивок,
А для азиат —
Резвая гастроль,
Смех.

Толпа веселеет

— Вот так уж давно пора бы!..
— Пойдут ананасы, крабы!
— Заморские вина, рыбы!
— Ох, жулики высшей пробы!

Циферблаты, бомбы, громкоговорители

— А мы-то всегда готовы!
— Свято блюдем основы!
— И как никогда едины!
— На полюс хотя б! На льдины!

Фанфары.

Энтузиасты

— Ах, сердце заходится!
— Ох, дух занимается!
— Бел-свет заливается...

Слышно, как внутри футляра Автомата несколько человек, пыхтя, подвигают к ротовому отверстию тяжелую установку. Голос Претендента, теперь — Правителя — звучит бодро, иногда покрываясь досадными тарахтениями: видно, аппарат еще не вполне отлажен.

Правитель

На сегодня закон в том,
Чтоб не кушать, как зверь, ртом,
Но научный экстракт — суп
Гибкой трубкой вводить в пуп.
Суп в мозгах утолит зуд,
Тем — кто худ — округлит зад,
Он украсит любой пол,
Разовьет трудовой пыл.

Рукоплескания.

Не война (дзинь-дзень-звяк) — нет:
Это рано. Вопрос снят.
Лишь враги (этот рой гнид)
Вновь к атомной беде гнут.
Но у нас есть на них кнут:
Твердо-сдержанный тон нот,
Силу ж нот четверит темп
Водородных — у нас — бомб.

Будет срок — пошумим всласть,
Но теперь мы сосем гроздь,
Холим мышцы, крепим кость,
Упражняем в грызне пасть.

Улыбки членов ареопага, смех подголосков, хохот агитаторов.

Правитель, *раскручивая свою пружину до конца*

По цехам, у ворот хат,
Сеть читален пустив в ход,
Увеличим напор помп,
Нарастим в пику всем темп.
Создадим миллион ферм!
Восемьсот тысяч тонн сперм!
Обеспечим стране корм,
Увеличим ее
шарм.

Отверстие Цитадели захлопывается.

Агитаторы, *ударяя ладонями в такт*

— Вот-вот будет ладненько!
— сытенько!
— гладенько!
— Разве мало полото?
— колото?
— молото?
— Сколько будет сала-то!
— мыла-то!
— кала-то!
— Унавозим пастбища...
— косьбища...
— гульбища...
— Укрепимся ребрами!
— бедрами!
— ядрами!

На фасадах вспыхивают разноцветные огни.
Прозревающий и Неизвестный со свечами в руках начинают спускаться по спиральной лестнице в катакомбы.

Прозревающий

А крик-то не молкнет! Какая
Воистину страшная сила!
Расплата у нижнего края!
И та — его не скосила!

Вопль снизу

Откройте же храм, негодяи! На площадь —
Мой мраморный бюст в сорок пять этажей!
Как странно: я делаюсь больше, но площе.
О, лишь бы распухнуть...
Дрожжей мне, дрожжей!

Блюстительницы Кармы

Первая

Такого еще никогда не бывало:
Цепляется даже за самый огонь!

Вторая

Смотрите: сама преисподняя взвыла
«Не тронь моего знаменосца, не тронь!»

Третья

Уж ангелы мрака спешат из провала!
Туннели Шим-бига дрожат от погонь!

Вопль

Ага! Спуск замедлен!
Пещера ли, склеп ли?
Когда-то сквозь этот базальтовый грунт
Я рылся... и капали красные капли
На темя, как ровные сгустки секунд...

Блюстительницы

Молчи, изувер! Твои дикие вопли
Достигли Друккарга! Бессмысленный бунт
Великого Игвы и Жругра направлен
На стражу Возмездья, на нас, на закон!

Вопль, *усиливаясь*

Гагтунгр, помогай же! Сигнал мой уловлен,
На выручку мне посылай легион!

Голоса Ангелов мрака

— Крылья рубиновые
Шумят кругом.
— Мечи глубинные
Грозят врагам.
— Летим, разбрызгивая,
Болота душ:
— Пусть вьются, взвизгивая,
С подземных луж!

Голоса химер

Пусть
к нам
мчат,
взлаивая,

Свист,
писк
вверх
взмеивая!
Ветр!
Всю
толщь
выморожь:
Он —
здесь,
наш
выкормыш!

Порыв ветра. Свечи в руках Прозревающего и Неизвестного гаснут. Тьма.

Прозревающий
Понял теперь, кто укрыт
Был в исполинской броне?
Неизвестный
Вот кого холил народ,
Рабскую верность храня!

Шелест тревожных голосов проносится в Вышних слоях, отдаваясь, как эхо, в Средних.

Голоса
— Сбросил кессон!
— Вернул себе сан!
— Вырвался,
вырвался,
вырвался,
вырвался...
— Но он не сам: он кем-то несом...
— Вырвался!
Вырвался!
Вырвался!
Вырвался...

Не молнии, но размытые, бурно-летящие пятна света мутно выхватывают куски Нижних слоев. Некто или Нечто, бесформенное и огромное, уже едва напоминающее человеческое обличье, с пустыми глазницами, подхватывается Ангелами мрака. Несомое точно по воздуху, оно приближается к стенам подземного города игв.

Голос Вырвавшегося
Жругр! Напрягись!
Чтоб демиург

Рухнул в Уппум!
                    Настежь Друккарг!
Я — у ворот...
                    Рушьте порог...
Рвись ко мне рать
                    игв и раругг!

Прозревающий

Он воцариться хочет в Друккарге,
Хочет воскреснуть там навсегда...
Слышишь — раругги воют в восторге!
Игвы ревут громовое «да»!

Неизвестный

Что, воцарясь, он сотворил бы?

Прозревающий

Он покорил бы Юг и Восток,
Из колдовской
                    гагтунгровой колбы
Невероятную силу б извлек,
Хищную мудрость геенны обрел бы,
Дьявольский план изучив назубок.

Неизвестный

А наверху, в человечестве?

Прозревающий

Стал бы,
Вочеловечась, владыкой —
                    как бог.

Голос Вырвавшегося, *полный ярости*

Жругр! Не лукавь! С демиургом
                    нет торга!
Ты мне ответишь за все головой!

Голос Жругра

Знаю! Борюсь! Но ток демиурга
Парализует мне центр волевой.

Голоса раруггов

Круча Небесной России извергла
Целую рать просветленных на бой.

Возглас Великого Игвы

Вижу, как грады других демиургов
Сонмы Синклита сзывают трубой.

Голоса Ангелов мрака

Инфрабагровое пламя померкло!
Даймоны, ангелы стали стеной!

Подобие конского скача возникает вдали. Как будто крылатое, только похожее на коня, существо свергается с горных высот,

перелетает пропасти, заставляет гудеть под копытами глыбы Нижних слоев.

Прозревающий

Радость! Радость! Император-инок!
Песню-славу, друг мой, возгласи!
Сквозь миры он мчит на поединок
С антиподами Святой Руси!

Тьма слабеет. В полумраке проносится молниеносное видение Белого всадника.

Вскрик Вырвавшегося

Ты?!
Подожди...
Не я ли за благо
Нашей страны
стоял и стою...

Белый всадник

Сгинь, порожденье Противобога!
В пропасти сыщешь
правду свою.

Голос Вырвавшегося, *внезапно слабея*

Прочь... Ты не ранил... Это — минута
Слабости воли... Нет, я вернусь...
Мнишь меня бросить прямо на Дно ты:
Лжешь! Ты бессилен сломать мою ось!
О, поддержите... Все — как из ваты!
Этот проклятый все видит насквозь!!!

Блюстительницы Кармы

Больше не вырвешься. Бледным канатом
Дух тебе вяжем
прямо и вкось.

Скрежет

Воображаете, это — победа?
Будто страдалища сломят меня?
Только отсрочка гагтунгрова чуда!
Только — оттяжка славного дня!

Блюстительницы

Нас не касаются замыслы ада,
Замыслы неба, замысел твой.
Мы — равнодействующая. Награда
За совершенное в жизни земной.

Стон

Падаю... Падаю... Глуше, все глуше.
Знаю уже эту пропасть... Спаси,
Хоть Иисус, вызволяющий души!

Нет, я не то говорю... В небеси
Можешь царить еще век...
Я нарушил
Гордость на миг лишь. В Небесной Руси
Равных мне нет! Я окрепну в геенне,
Я увеличусь, как Шаданакар!
Станут нулем во всеобщей осанне
Мне одному
острия ваших кар!
С инфраатомной энергии пола
Я вековые запоры сорву,
Чтоб человечество взвыло, запело
В оргии мне, как всемирному льву!

Голоса Блюстительниц

Будешь низвергнут из Шаданакара
В непредставимые духу круги.

Стон

Может быть, но не скоро... не скоро...
Вот они, магмы!
Гагтунгр, помоги!

Голос перестает достигать земной поверхности.

Акт шестой. **КРИПТА**

Одна из маленьких крипт в глубине катакомб. Несколько десятков собравшихся стоят или сидят в тесной, душной комнате. Перед аналоем — священник, тот самый, что уносил церковные реликвии из разрушаемого собора; теперь это уже совсем старичок.

Священник

Истомились смертною жаждою!
Нету вестников; дух поник;
Утешают последней надеждою
На зарю
только притчи книг.

Ректор

Зари еще нет и признака.
Скоро удушье, — конец.

Священник

Отгоним страхи и призраки!
Вчитаемся в шифр страниц!

Ректор

Этих страниц, никем не разобранных,
Не расшифруешь, сколько ни числь.
А наверху уже к бою прибрано
Все! От академий до ясль!..
Гнев меня душит. Пилою зазубренной
Злость перепиливает каждую мысль.

Девушка

Мне кажется, вы сужаете
Нашу святую задачу.
Вас поглощает политика;
Отсюда — бесплодный гнев.
Нет! Сердце вооружайте!
О долготерпенье молите!
Ведь вот, даже я не плачу,
На свете все потеряв.

М о л о д о й   и н т е л л и г е н т

Противоречив и двойственен
Наш долг среди этих груд:
Физическое бездействие —
И крестный духовный труд.
Но затхлость старых конфессий
Нам тоже слишком узка.
Порой от чада и плесени
Тоска... такая тоска!

С в я щ е н н и к

Но ведь о шести днях творения,
Про Еву... про Третий Рим...
Чтоб избежать словопрения
Мы больше не говорим! —

П р о з р е в а ю щ и й, *входя вместе с Неизвестным*

Я привожу к вам проверенного
Годиной невзгод и гроз.
Верьте владельцу ускоренного
Жребия среди вас!
Вот он.

Р е к т о р

Этот?.. Но среди наших детей
Бегал он, равный с равными,
Шустрый вожатый игр и затей
С братьями единокровными!..

П р о з р е в а ю щ и й

Он — ваш; он — узник; но нет другого,
Кто б дар тройной через жизнь
нес,
Тая в волшебных ларцах слова
Итог всемирный
своих грез.

Р е к т о р

Таких речей о т р о й н о м   д а р е
Мы не восприм...

П р о з р е в а ю щ и й

Ну что ж, забудь:
Они в грядущем, за гранью горя.
Поймутся сами когда-нибудь.
Тебя, мой мальчик, препоручаю
Тому, чей голос ты слышал сам,
Кого, восемнадцать весен чуя,
Ты стал доверчивей к небесам.

Прозревающий удаляется.

Голос невидимого Даймона

Ты должен, пройдя сквозь печальное
Подвижничество катакомб,
В судьбе совместить невмещаемое:
Луч Вести —
Меч Власти —
Нимб.

Неизвестный

Ты здесь! Ты снова!..
Все рубежи мои
Со мной минуешь —
сквозь бой,
мрак, —
Опять ты вестью непостижимой
Вжигаешь в мозг мне
тройной знак!
Воспламеняешь мечтой ум мой —
Мечтой, понятной лишь нам двум,
Опять томишь и пьянишь
думой,
Неисполнимейшею из дум...

Даймон

Я по уступам
тебя сведу
До кладбищ духа на дне, в аду,
Тропой, колеблющейся, как шнур,
Взойдешь к вершинам метакультур;
Я приоткрою твоим очам
Свет, неподвластный земным ночам;
Я укреплю твою речь и стать,
Чтобы глашатаем мог ты стать,
И отойду лишь во дни конца,
В минуту тройственного венца.

Неизвестный

Я знаю: тщетно теперь
с дрожью
Скорбеть, как узок я,
как слаб,
слеп:
Ответ твой станет властней, строже,
В нем — смерть и радость,
вино и хлеб...

Даймон

Дай тишине воцариться в груди,
Слух изощри и открой,

По ступеням созерцанья взойди,
Жаждущие — за тобой.

Молчание.

Неизвестный

Ты открываешь мне, как всегда,
Тишь и радость во мне самом,
Глубь, где кану я без следа,
Больше горечью не томим.
Что за пристани? Что за высь?..
В млечном воинстве — тишина,
Там — мерцание звездных пен
У серебряных островов...
Голубым полосам открыт,
Остров сердца светится здесь,
Оторочен
пеной стиха,
Серебристой, как Млечный Путь...

Старичок-священник

Да: ему вручено водительство;
Им мерцает сам рай в глаза нам,
Ибо в странных речах — свидетельство
О надмирном
и несказанном.

Неизвестный

Поднимаюсь по ступеням
слуха,
Перешагиваю по камням
рвы...
Этот — первый из миров
духа —
Слышите ли сквозь меня
вы?

Голоса в катакомбах

Ловим, слышим — совсем
явственно
Чей-то голос сквозь тебя — к нам,
Чью-то песню, как снега
девственную,
Льющуюся голубым сном...

Полный грусти Женственный голос — *сопрано — поет в глубине Цитадели*

Чахнут цветы...
Сохнут листы...
Друг мой заоблачный, слышишь ли ты?
Клир мой затих,

Мир мой поблек,
Взор же твой ясный, как синь, так далек...
Синий ручей
Сил и начал
С отчих нагорий сверкал и журчал,
Радость струил,
Корни поил,
С каждым цветком про тебя говорил.
Глыбу свою —
Злобу свою
Враг твой безумный обрушил в струю,
Заволокла
Дни мои мгла,
Кровь моя, жизнь моя изнемогла...

Голос прерывается. Через минуту песня возникает вновь, едва колеблясь.

Вот еще цвет:
Дума ль? звезда ль?
Пусть упорхнет он в ненастную даль;
Снег запоет —
Буря взовьет —
В гибнущий город мой зов унесет.
Дети в плену
Сходят ко сну —
Я лепестками к их душам прильну.
Узникам зла
В душной судьбе
Весть распахну — о тебе... о тебе...
И, приоткрыв
Им нашу синь,
Путь умягчу им по камню пустынь...
Сад мой увял,
Мир мой поблек,
День же спасенья так мглист...
так далек... —

Голос демиурга Яросвета

Он недалек, но он хмур и кровав,
Он непреклонен — но прав:
Он уничтожит твой плен, разбросав
Грузные глыбы держав.

Неизвестный

Слышу твой отзвук,
вечно желанная,
Милая, жданная, к нам благосклонная:

Кто же ты? кто?

Женственный голос

Тысячи звезд я хранила в себе,
Множество бликов в игре и движенье;
Видел и ты в мимолетной игре их отраженье.

Неизвестный

Знаю, но кто ты? В источнике дней
Помню твой голос знакомый,
Он мне как шелест берез у дверей
Отчего дома!

Навна

Каждому в этой кромешной стране
Сладостной болью сквожу я,
В ласках природы
и в творческом сне
Горе врачуя.

Голоса в катакомбах

Слышим, о слышим песню твою,
Кротость твою,
Мудрость твою, —
Кто ж ты, сияние в злом и пустынном
Нашем краю? —

Навна

Кто я?
Все та, что в Путивле старинном
С башни навстречу разбитым полкам,
Плакала о женихе и герое
Солнцу, ветрам, облакам;
Та, что годиной татар грозовою
Друга, сраженного в лютом бою,
В Китеж вела по стезе воскресенья —
В вечность мою.
Я поднималась над веком гоненья,
Клича гонимых в мою высоту
Огненным таинством самосожженья
В диком скиту.

Голоса в катакомбах

Помним, о, помним — в давней ночи,
В древней ночи,
В грозной ночи!
Ты и позднее над родиной нашей
Лики меняла, но чьи?

Навна

Время неслось, и я резвой Наташей
Звонкою девочкой в вешнем цвету

Лунною ночью бездумно вместила
Мир
и его красоту;
Я в полумраке аллей проходила,
От недоступного счастья грустна,
Дальнего друга задумчивой Таней
Ждать у окна;
Я различила за плеском блужданий
К подвигу зов, обжигавший сердца,
Гордой Еленой отдав мою силу
Делу супруга-борца;
Я ради ближних закон преступила,
Кроткою Соней себя отдала
Гордому грешнику, правдой наполнив
Жизнь в кандалах...
И, отразив сквозь небесные волны
Взор Приснодевы, поэту во мгле
Я улыбнулась в дыму фимиама —
Лада, Невеста, Прекрасная Дама,
Отблеск премудрости
на земле.

Тишина.

Голоса в катакомбах

Милая! Помним доселе твой зов
Памятью ста миллионов!

Голоса из подземелий

Чаем тебя сквозь нависнувший кров,
Золото скрытое тронув...

Голоса отовсюду

Чуем тебя сквозь бураны веков,
Гибель империй и тронов.

Голоса подле машин

Слышим тебя сквозь дрожанье станков,
Гул циклотронов!

Навна

Через меня —
Выше меня
Слух поднимай свой над морем огня,
Слушай в плену,
В скорби и зле,
Храм Солнца Мира в Небесном Кремле!

Неизвестный

Поднимаюсь
от мира к миру,
от слоя к слою, —

Вот распахиваются
ослепительнейшие
поля,
Солнце дышит,
леса блистающею смолою
убеля...
Благовонные,
благодатные
песни, думы —
Как назвать их? —
поют и плещутся
к берегам,
Чьи-то возгласы,
чья-то радость, веселье, шумы,
по лугам.

Голоса стихиалей

Скользите, рейте
в луга волнуемые
Стезей эфирною,
вдоль пойм,
на холм,—
Над островами,
луной целуемыми,
Пролейте радость
лучистых волн!
Стихий певучих
шелка трепещущие
Цветут, колеблются,
шуршат вкруг нас,—
Всегда струистые,
всегда щебечущие,
Неумолкающие ни на час!

Неизвестный

О, ласковые, невыразимые!
Не вы ль вкруг меня вились,
И в солнечный зной, и зимами
Я чувствовал вашу близь?
Плывешь ли рекой прохладною,
Лицом ли падешь в траву,
Все шепчешь вам: ненаглядные,
Явитесь мне наяву!
Я в море бросался — помните?
И ваш серебристый штиль
Смывал суету и помыслы
С души мне, как с тела пыль...

Стихиали

Мы — души рек, что на вашей родине
Журчат по камешкам и песку,
Лесов, заливов, где над разводинами
Ты в детстве слышал:
чив-чив! ку-ку!
А здесь — мы сами:
смотри, как любим мы,
Как убаюкиваем,
а в игре —
И гамаюнам,
и светлым людям мы
Даем купаться в самой заре...

Неизвестный

Но что за мир это? Что за страны?
Что за блистающий град вдали?

Стихиали

Уже поднялся ты над туманами
И входишь в Правду родной земли:
В лазурь святилищ, где просветленные
Творят из света мечту свою...
Ты чуешь веянья благовонные
С амвонов храма?

Неизвестный

О, узнаю
Сквозь вас плывущие
волны звона,
Край Отчий... благовест
в том краю!

Медлительное звучание гармоний, скорбных и радостных.

Старичок-священник *в катакомбах*

Вот оно, вот, — надеждами
Предсказанное...
Предузнанное...

Молящиеся

Думы просвечиваются,
Души растапливаются
Дивным теплом,
Ладан воскуривается,
В сердце затепливается
Тихий псалом.

Сквозь поднимающиеся и спадающие воздыхания литургийных созвучий различается еле слышное пение огромного далекого хора.

Тихо-тихо вторят ему

Молящиеся

Величит душа моя Господа,
И возрадовался дух мой
О Боге, Спасе моем.

Священник

Прадеды это предчувствовали
В праздничных древних служеньях...
Праведники
причаствовали
Этому в теплых рыданьях!

Неизвестный

Боже... Не слухом, не зреньем —
Всем существом целокупным
Вижу подножие
неимоверного храма, —
Горы земные — ничто перед ним!...

Даймон

Ты видишь — ибо ты вспомнил.
Ты вспомнил — ибо ты стал.

Неизвестный

Но скорбью, щемящею скорбью
Там полон заоблачный воздух!
Я чувствую: в странном ущербе
Звучат его голоса...

Голос демиурга Яросвета

Для соборного молебствия —
не о празднике,
О спасении
от неслыханного
на земле,
Вас, святители,
вас, угодники,
вас, о, праведники,
Ждем в Кремле!

Даймон

На скорбную землю
Спускается горнее.
Готовы ли внемлющие?
Украшена ль горница?

Священник

Свечи пылают,
Курится ладан,

Блещет на каждом
Царственный пояс, —
Внемлем безмолвием,
Внутренним ладом,
Долу склоняясь.

Неизвестный

Шатер серебристого света,
Мерцающий тонким кровом,
Одел меня... зренье меркнет
От неудержимых слез...

Даймон

То — приближенье духа,
Плерома Вселенской Церкви,
Дыхание роз.

Хор в Небесном Кремле

Плещут в эфире
Дивные ткани,
Блещет трикирий
В поднятой длани, —
То из Синклита
Шаданакара
Брат наш крылатый
Близится скоро.

Приближающийся голос старейшего из святителей

Мир тебе, город тоскующий!
Вам, изнемогшие в скорби!
Вам, издалека слышащие
Голос мой на земле!

Старичок-священник, *рыдая, почти без слов*

О, чудотворче, свете...
Отче... предстатель русский...

Мгновенная вспышка дает различить, как отовсюду стекаются лучезарные сонмы святителей и праведников прошлого.

Голос Яросвета

Вы озаряли тем, кто погас,
Тропы в загробном горе;
Вы облегчали в их судный час
Противовесы и гири;
Чем искалечил их души колосс,
Правивший в русском мире?

Голоса святителей и праведников

Первый

Безрадостны были посланничества,

Бесплодны были паломничества
К Голгофе нашей страны:
Сходили мы узкими лестницами,
Стояли под темными виселицами
Виновных
и без вины;

Второй

Встречали новопреставленных
Дарами сил уготовленных,
Лобзанием братских уст,
Но, властью тирана ослабленный,
Лишь мукою смерти повапленный,
Каждый был наг и пуст.

Третий

Народ в ознобе и в оторопи;
На матерь доносят отроки,
На друга — старинный друг;
В годины преобразования
Доходят жертвы растления
До людоедских мук.

Четвертый

Других, ослепленных сызмальства,
Влечет воронка предательства
В посмертную злую глушь;
Их крылья совести сломаны,
Чтоб после впивали демоны
Страданья и боль их душ.

Еще один

Тираном растленная заживо,
Впитавшая злобу и ложь его,
Бесчисленна их толпа;
Весами бесстрастными взвешивается,
В страдалища, в пламя низбрасывается
Их утлая скорлупа.

Голос Яросвета *приобретает опять мощь зова, слышимого внизу и вверху — везде*

К вам призывы мои
безрадостнейшие —
к вам,
Ратоборцы отгрохотавших уже времен,
В поле брани,
по черностепью
и диким рвам
Жизнь за други своя отдавшим без похорон.
Кто оружьем Противобога не умертвим,

Кто лишь крепнет
в безумном пении
гроз и пург,
Кто боролся перед Друккаргом
как серафим,
А в грядущем эоне станет
как демиург!

Мрак, заслоняющий Вышние и Нижние слои, озаряется: множество фигур в блистающих, как латы, одеждах, с факелами в высоко поднятых руках, движутся по невидимым стезям к Небесному Кремлю.

Голоса героев прошедшего

Первый

Вот — то, что веками подкрадывалось
По тропам столетий изрытым,
Отмаливалось,
откладывалось,
Отсрочивалось
Синклитом!

Другой

Заслышав твой клич ли, трубы ли,
Спеша от подземных отрогов,
Мы кольца воли ослабили
Вкруг города игв и раруггов.

Третий

Мы здесь, Яросвете, но некоторых
Гнетут чугунные грузы:
Судьба их из битвы повергла
В кромешные вражьи узы.

Четвертый

Они в плену преисподней:
Их давит мертвая арка
Глубиннейшей, самой задней
Из тайных темниц Друккарга.

Еще один

Но от решающей битвы
Неуловимо сторонятся
Лукаво-умные игвы
И бешеная их конница.

Гул голосов стихает, как бы расступаясь перед кем-то более могущественным, приближающимся издалека.

Тихий говор

— Спешит в ристании
Рушитель ига...

— Грядет — в блистании
Архистратига!
— Его присутствие
Нам мощь умножит!
— Его напутствие
Броней послужит.

Мерный скач-полет воздушного всадника явственно определяется для слуха.

Голоса

— Горяч, как полдень,
Под ним носитель:
— Он мчится в молниях,
Как в ярой свите,
— Он сам — оружие,
Поборник сирым,
— Конь нашей дружбы
С животным миром!

Неизвестный, *вслушиваясь*

Топот Белого Всадника...
Кем был он? где коронован?
Даймон! Ты — наш посредник;
Дай угадать мне, кто он!

Даймон

В твоей стране
Он жил, он правил;
Он сам прибавил
Свой груз к Вине,
Но, взяв Вину,
Он понял, с кем он;
Он понял: демон
Влечет страну
Чредой подмен,
Столь явных ныне,
В кольцо гордыни
И в адский плен.
И ложь держав
Отверг он сердцем;
Быв самодержцем,
Ушел, избрав
Седой туман
Да нищий посох,
Омытый в росах
Нездешних стран,

Звук конского скача стихает.

Голос Яросвета
Ты предшественника антихриста поборол;
До Синклита
Шаданакара
ты досягнул;
Что увидел ты с поднебесия, мой орел?
Что за свиток
тебе Сын Господа
развернул?
Голос императора-искупителя
Гибель зарится, Яросвете,
на твой чертог.
Чужеземные уицраоры разъярены;
Их обуздывает
великий
Противобог,
Устрашая из непонятной им глубины.
Ибо братья твои —
водители
всех земель —
Их на Жругра вооружают; и, трепеща,
Враг лукавит,
чтоб не изведала
Цитадель
Взмах погибельный их чудовищного меча.
Яросвет
Уицраоров чужеземных вооруженья
Не усилим
и не оправдаем
мы никогда,
Ни сиянием святорусского благословения,
Ни согласием
на неистовство
их суда.
Голос Яросвета *усиливается до мощи призыва — в третий раз*
Для общения
с высшей правдой
Шаданакара
Единитесь же в целокупности наших сил,
Вы, кто светочами
пророческого дара
Души русские озарял и преобразил!
Неизвестный
Вижу, как зов несется

По всем небесным селеньям,
Не к витязям, не к полководцам —
Только творцам и гениям.

Шепот в катакомбах

Девушка

О, если б хоть краем зрения
Постигнуть, как блещут там
Загробные их создания,
Их общий, их вышний храм...

Ректор

Как, и они удостоены
Венцов Небесной России?
Не родомыслы, не воины,
Не праведники, не святые.
Пусть — гении, разве гений...
И много ль найдешь творений,
Светливших туман сердец?

Молодой интеллигент

А я — за любое творение,
Где жаркая кровь страстотерпца,
Отдам мое тусклое зрение
И утлое, нищее сердце.

Даймон

Творец и гений, как и любой,
Влекомы выбранною судьбой,
Сквозь просветление здесь иль там,
К высокоцарствующим мирам.
Кто ж ведал творчество на земле,
Дар провозвестника не предав —
Творит стократы в Святом Кремле,
В краю наивысших свобод и прав.

Неизвестный, *напряженно вглядываясь*

Но незнаком приближающийся
Первейшим: он прям и строг,
Одежда его развевающаяся —
В пыли нездешних дорог;
В бесплотных руках — меч воина,
Опущенный вниз лучом...
Лазурью — нет, синевою
Пророчат глаза — о чем?..

Даймон

В кромешной России ведомо
Едва ли десятку тысяч
То имя, что в будущем следовало бы
На цоколе храмов высечь.

Но трижды он был восхищен,
Привечен и обручаем
Той, розу Чью все мы ищем,
И ризу Чью все мы чаем.
То было в песках Египта,
И русской весною было,
И может быть, ваша крипта
Не вовсе его забыла.

Неизвестный *с трепетом и радостью*

«Рыцарь-монах»!..
Он снился мне! брезжил... снился...
Лишь тенью своей — иль сам...

Даймон

Ты чувствуешь — он прикоснулся
Ладонью к твоим волосам?

Неизвестный *невнятно*

За что же это... за что же?
Как сторож,
дремал на посту я...
Колеблющиеся, ничтожные,
Полжизни изжиты впустую!

Даймон

Молчи о прощенном заранее.
Еще истончи свое зрение!

Неизвестный

Чуть различаю следом — другого,
Он без оружия, зрим едва,
Но раскалено, как белая лава,
Само средоточие духа его...

Даймон

Когда-то он сжег золотое создание,
Двойственность долга испив до дна,
Но смертная горечь самозаклания
Давно, о, давно уже утолена!
Теперь готовит он действо наше
Ко дню наивысшего из торжеств...
О, как химерам слепящ и страшен
Его малейший
взор
и жест!

Неизвестный

Изнемогает состав мой душевный
От близости тех, кто гением был,
Чей облик теперь, в Синклите верховном
Испепеляющ... бесплотен... бел...

Даймон
А следующий — как молния:
Сияющ, гневен и грозен.
Великим поэтом, пророком
Был он в твоей стране...
Неизвестный, *дрожа*
Господи... мой любимейший!..
Дай мне склониться наземь...
Дай драгоценную руку
Видеть и плакать мне!..
Даймон
Сто лет миновало, как он пророческим
Запечатленным стихом предварил
Век наш с его богоборческим зодчеством
И вожака его сил.
Неизвестный
Знаю, но...
что ж это, даймон?! Он сам
Передо мной склоняется...
Даймон! Мне страшно! Твоим чудесам
Совесть и разум противятся...
Даймон
Ты робок. Тебе еще странно.
Прими все, что видишь, смиренно.
Неизвестный
Смиреньем... нет, просто сознанием
Кто он, исполин, кто — я,
Обожжена, как пламенем,
Давно гордыня моя.
Душа с младенчества никла
Пред огненным даром его...
Даймон
Пока еще сила твоя не иссякла,
Встреть поклоненьем еще одного —
Спиралями неимоверного цикла
В Синклит поднимавшееся существо...
Неизвестный
Вижу... о, знаю!.. Тот, кто сходил
В недра душ человеческих,
Кто демонов будущего подглядел
В созданьях своих провидческих...
Он! Но подобен любящий взор
Распятому, Преображенному,
В спусках по кручам подземных гор
Пламенем испепеленному...

Милый! живой! родной!
Дух сострадания!.. мученик!..

Даймон

Он просветляет ваш круг земной
В самых темных излучинах.

Неизвестный

Он наклоняется...

Даймон

Молись
В благоговенье и радости:
Память его поцелуя —
ввысь
Будет с тобой весь народ вести.

Неизвестный, *плача*

Он видел,
как я молю его...
Как ждал его... как люблю его!

Даймон

Довольно. Накладываю покров
На зрение. Вникни слухом
В Священнодействование миров,
В общение духа с духом.

Неизвестный

Только ответь: отчего прошли
Именно эти гении? —

Даймон

Много, о, много детей земли
Сходятся в богослужении;
Ты различил только тех, чей прям
Путь был рядом с тобою.
Слушай же таинство: Белый Храм
Станет твоей судьбою.

Волны широких и печальных звучаний говорят о приближении гениев к подножию великого храма.

Голос Яросвета

Восхищаются все архангелы
красотой
Созидаемых вами радуг и городов;
Но спускаетесь ли вы тесною крутизной
В судьбы кинутых, искалеченных
или вдов?

Голоса гениев

Один

В России, в пространствах расслаивающихся,

Был мрак озарен пламенами
Крылатых, поющих, взвивающихся
Сердец, охраняемых нами;

Второй

Их судьбы от недругов крадущихся,
От гибели ранней блюли мы,
Верховною помощью вглядываясь
В их страшные ночи и зимы.

Третий

Но встала вкруг каждого мечущегося
Глухая, тугая завеса,
Как если б на птенчика прячущегося
Надвинулись ужасы леса;

Четвертый

Надет капюшон уплотняющийся
Теперь на любой огонечек,
И гаснут они, задыхающиеся
Под каменным панцирем ночи.

Молчание.

Голос Яросвета

Братья! Братья!
Перво-водители
дальних стран!
В страшный час этот слышите ли меня?
Соприсутствуете ли
нам вы
с пяти сторон,
Соболезнование
к нашим бедствиям
преклоня?

Тишина.

Над хребтами Восточного горизонта становится видимой световая, стремительно движущаяся фигура в струящихся одеждах. Лотосообразная корона; прекрасный лик.

Голос

Те же низвергаются
на мой
край
беды!
Враг мой загораживает тьмой
рай
Будды;

Новый уицраор моих стран
злей
тигра:
Сумрачна, тяжка в нем, как уран,
кровь
Жругра!

На Юго-Восточном небосклоне, далеко за горными цепями, возникает облик сидящего гиганта в белом, с розовой радугой, пересекающей его чело; концы радуги исчезают за его плечами.

Голос

Помня уицраоров,
Синклит
стран
Ганга
Взвесил и отринул вековой долг
крови;
Грянет ли к сраженьям над страной
гул
гонга,
Лишь эфирной помощью помочь
мы
вправе.

Обе руки сидящего приподнимаются: стаи белых и розовых цветов возникают и опускаются за темными горами.

Тишина.

Ярко-зеленое бурное сияние, пересеченное оранжевыми вспышками, проступает из мрака на Юге. Лик едва различим — только пылающие глаза, опущенные и точно прожигающие землю.

Голос

Сбросил с уицраоров
моих стран
древних
Ковы и запрет я, и Синклит
мой
смолк,
Чтобы не ослабить их для битв
лет
гневных
С тем, чье низвержение в Уппум
наш
долг.

Пауза.

Видно, как фигура, облаченная в голубовато-сиреневое блистание, с серебряной тиарой на голове, готовится опрокинуть кубок с раскаленно-красным вином над горизонтом Юго-Запада.

Голос

Если похищает сатана
ключ
жизни,
Землю от духовности
плитой
мглы
скрыв, —
С Жругром и Лай-Джоем будет бой
наш
в бездне.
Горе сверхнародам! Горе всем,
кто жив!

Земля колеблется. И видно, как над морями Северо-Запада лучезарный гигант в синем и лиловом снимает с себя золотой зубчатый венец.

Голос

Брат! Из уицраоров
один
мой
светел:
Скоро он предстанет, с золотым
схож
львом;
Если не отступит сатана —
все в пепел
Бросит мой Укурмия — мой лев,
мой гром.
Этим я отрину от себя дар
славы,
Право на водительство землей
в веках, —
Знаю! Но достойнейший возьмет
то
право
И перед лицом его бежит
сам
страх.

Гигант бросает свой венец в дальнее море. Море воспламеняется. Огненные языки волн взлизываются до туч. Все гаснет. Слои охватываются темнотой. Слабо мигают только огни в катакомбах.

Шепот в крипте

Девушка

Страшно знамение будущих дней,
Грозно!

Священник

Встанет огнями против огней
Бездна...

Молодой интеллигент

Тяжко чудовище движется в ней,
Грузно...

Ректор

Поздно надеяться. Враг все сильней.
Поздно!

Голос Яросвета

Не восполнен еще собор наш:
звучанья Навны
Еле слышатся,
чуть доносятся, —
блеск погас...
Ты, невеста моя! Ты, узница сил державных!
Вечно юная, долгожданная!
слышишь нас?

Далекий голос Навны

Я — с тобою,
со всеми сонмами православных,
Кто в Небесной России молится в этот час.

Яросвет

Так. Затеплите же созвездья живых огней!
Совесть мечется,
разрывается,
разум нем;
Выбор ставился и таинственней, и грозней,
Но горчайшего
не возникало
ни перед кем.

Молчание.

Старый священник, *тихо*

Склоните колена, все слышащие!
Все видящие!
Все плачущие!

Все собравшиеся в крипте становятся на колени.

Я р о с в е т, *возвышая голос*

Молите Бога
об откровении,
об ответе:
Да различим мы
путеводительнейший глагол,
Найдем дорогу — непредрешенную нами,
третью,
Избегнем ужаса от избрания
зла из зол.
Молитесь, праведники,
духоискательствовавшие
по кельям!
Молитесь, гении, что были вестниками внизу!
Молитесь, слышащие мой голос по подземельям,
И родомыслы, когда-то правившие в грозу!

У д а р к о л о к о л а.

В наступившей тишине слышится как бы шорох коленопреклонения великих множеств и затепливания друг от друга тысяч, может быть, миллионов огней. В крипте все, кроме Неизвестного, закрывают лица руками. Тогда становится видимым белый многобашенный собор, как бы воздвигнутый из живого света и окруженный гигантскими музыкальными инструментами, похожими на золотые лиры. А вокруг — необозримое море огней в руках Синклита.

Крипта, едва различимая в темноте, кажется опустившейся глубже. Выше нее все укрыто мраком. Оттуда, из Небесной России, льются голоса, но тьма редеет лишь минутами и лишь настолько, чтобы световые очерки Великого Собора и предстоящих вокруг него казались еле видимыми сквозь густой туман.

Голос Яросвета

Прежде вступления молящихся множеств во храм
Сосредоточим себя
на общении сердца с Христом.

Старший из святителей *на лестнице собора*

— Сердца имеем горé!

Яросвет

— Мироздания лоза нетленная,
Солнце праведных,
Бог —
Сын!
Состраданием во всей вселенной
Древле распятый
Бог —
Сын!
Цепь закона преодолевающий
Изнутри,
Бог —
Сын!
Плоть исконную преображающий
В блеск зари,
Бог —
Сын!
Примиряющий, вочеловечившись,
Двух врагов,
Плоть —
Дух!
Устремляющий в лоно Вечности

Из веков,
Путь
Двух!
Поднимая к Твоим обителям
Нашу скорбь,
Взор,
Слух,
Русь Небесная ждет наития
Твоих сил,
Наш
Друг!

Клир

Боже великий! Бездна видна!
Мукам нет дна.
Скорби нет дна!

Голос императора-искупителя

Умножать ли борьбу нам
с мощью воинств багровых,
Совмещая усилья
с силой ярых во зле
Уицраоров чуждых,
мир повергнуть готовых
В непроглядное горе
там внизу, на земле.

Клир

Имени нет
горю тому!
Бою тому!
Мраку тому!

Император-искупитель

Иль отбросить оружье,
этим силы утроив
Уицраора Жругра
в его жгучей крови,
Чтоб враги его царства
отступили без боя...
Выбор страшен, о, Боже.
Укажи! Вдохнови!

Клир

В Вышнюю Русь
сумрак проник,
Холод проник,
Ужас проник.

Старший из святителей

Твою помощь в бою с погибелью

Молим все.
Твоей Правды при грозном выборе
Молим все.
Мимошествия бури близкой
Молим все!
О кромешной стране Российской
Молим все!

Клир
— Господи! Помилуй!

Святитель
От мора, голода ее, от обнищания
Защити!
От властелинов с печатью Каина
Защити!
От лжезаконов их беззаконных
Защити!
От кар и казней многомиллионных
Защити!

Клир
— Господи, помилуй!

Святитель
От оскудения рек духовности
Оборони!
От моря ненависти, от смерти совести
Оборони!
От суховеев с пустынь порока
Оборони!
И от рабствования духу Мрака
Оборони!

Клир
— Господи, помилуй!
Защити ее нами, нашим бденьем бессонным;
Белый камень устоя
в жарких душах восставь!
Серафимов, архангелов,
верных даймонов сонмы
На пресветлую помощь
в наш Град
направь!

Святитель
Поругание
народом русским
чужих святынь
Предотврати!

Расширение
им духовных,
злых пустынь
Предотврати!
Дрожащих стран
им покорение
под Цитадель
Предотврати!
И тиранствование
над народами
всех земель
Предотврати!

Клир

— Господи, помилуй!
Нет утешенья в радугах рая,
Нет утоленья
в криницах его,
Если видим:
становится
Россия земная
Открытой дорогой
князю мира сего.

Святитель

От темных пастырей, от предтеч его
Огради!
От пришествия его во человечестве
Огради!
От кощунственного его чествования
Огради!
От захвата им мировластвования
Огради!

Клир

— Господи, помилуй!

Святитель

Если же путь его неуклонен
и неотвратим,
Если трон его в человечестве
предрешен —
Сокращению жертв и сроков
научи!
Неимоверные муки мира
облегчи!

Рыцарь-монах

Муку выбора
полной чашей

Перед нами
судьба поставила!

. . . .

Не отринь же молений этих,
Что текут Тебе с нашей паперти:
О младенцах, о малых детях,
И об огненной
боли матери;
И о тех, кто еще не плачет,
Кто не видит горя встающего,
Тропам чьим конец предназначен
В необъятных пожарах грядущего!

Голос Навны

О плавающих,
о затерянных
меж двух непроглядных
зол;
О плачущих,
неприласканных,
неутешенных;
О канувших
нераскаянными,
неоплаканными в шеол;
О гибнущих,
о расстрелянных,
о повешенных!
И о тех,
кому жребий вынется —
сгинуть в пламени,
пасть в крови,
Тех, кто бросится
в хляби времени
непроглядного —
Укрепи меня!
Облеки меня
властью милости
и любви
Против бурного,
против черного,
беспощадного!

Тихий голос из Мировой Сальватэрры

Мои бедные! Зол обоих
Сам Отец
не предотвратит.
И укрыться

от муки выбора
В мире некуда.

Яросвет

Тогда мне вынести
всепепелящую
мою тоску
Дай сил!
. . . .
Что искупается
великим трауром
вина всех вин —
Дай знак!
Что завершается
век уицраоров,
о Божий Сын,
Дай знак!
Что предвещается
за бурно-водными
годами — тишь,
Дай знак!
Что брак мой чаемый
с Душой Народною
благословишь —
Дай знак!
. . . .
. . . .

Голос из Мировой Сальватэрры

Силы — в тебе.
Право — пойми.
Знаком
свободу не связываю.

Тишина.

Яросвет

Слышишь ли, Запад?
Слышишь ли, Юг?
Душит заклятый круг!
Еле сквозит, как сипь за огнем,
День
за завтрашним днем...

Отдаленные голоса демиургов

Первый

. . . .

Второй

Не о пепелище, Яросвет,

Не о всесожжении молись:
Дальше — обетованный рассвет,
Выше — ослепительная высь!

Третий

Ведать не дано нам, для чего
Избран ты, но духи и земля
Ждут, что донесется торжество
К ним из запредельного Кремля.

Всеобщее молчание.
Второй удар колокола.

Голос старшего из святителей

О сокращении жертв и сроков,
снегов и пламени —
Молим все!
Об умягчении
пути загробного
жертвам времени —
Молим все!
Обетованных
подъемов горних
им в лоно света —
Молим все!
О браке жданном
Души Соборной
и Яросвета —
Молим все!

Клир

Из эфирного золота
несравненными лирами
Семь веков окружали мы
созидаемый храм:
Зазвенеть их заставят
лишь архангелы крыльями,
Весть о браке напутствуя
по мирам и мирам.

Святитель

Выражение
Предвечной Женственности
в их дивной Дочери
Благослови!
Ее рождение
в живой пространственности
Руси Полночной
Благослови!

Да будет плоть Ей —
всечеловеческое
земное Братство:
Благослови!
Да станет кротостью Ее
просвечено
земное царство:
Благослови!
Клир
От ясного детства
до мудрого старчества,
В семье и в содружествах,
в трудах живых,
Да станут вседневным
Бого-сотворчеством
Деянья людей
и дыханья их!
Святитель
Мы Розой Мира
зовем то зодчество;
все страны, грады все
Заблещут в ней:
Духо-веселие,
Бого-сотворчество,
миро-сорадование
Грядущих дней.
Жизнь просветленна
в трудах и праздниках,
в игре, хвале, —
То впереди
Предвозвещённое
блаженство праведных
на всей земле,
Гряди! гряди!
Яросвет
О, Родник сострадания!
Вечно-чуждая гнева!
Вновь звучат Тебе гимном
Все чертоги души, —
Нет, не имя — лишь слово
Госпожа-Присноудева,
Как в старинных преданьях
Повторять разреши!
Все приму: воздаянье
Вечной стужей и мраком,

Лишь улыбкой надмирной
Просквози в этот край,
Не снимай благодати
С предрешенного брака,
Путеводного взора
С наших душ не снимай!
Пусть — ни солнца, ни рая,
Ни жезла, ни короны,
Пусть до дальних низовий
Ураган, мятежи, —
Прав ли я, отвергая
Древний долг обороны,
Попуская День Крови?
Отзовись! Укажи!

Весь Синклит и все воинство

Все созвездия зиждущая
Красотой совершенной.
От возмездия милующая
Дева-Матерь вселенной!
Всех сердец утешительница
Неоскудной любовью!
Всех ночей озарительница —
Отзовись славословью!

Ответ из запредельных сфер, не вместимый ни светом, ни звуком, прикасается к Мировой Сальватэрре, преломляется — низливается к куполам храма в Небесном Кремле и дробится на множество блистающих радуг.

Яросвет *Рыцарю-монаху*

Был ты в жизненном следовании
Всеблагою привечен;
Строг в Ее исповедании,
Ее розой отмечен, —
Помоги же разгадыванием
Тайны, явленной в знаке,
Утоли меня радованием
О взыскуемом браке!

Рыцарь-монах

Демиурга ль могущественного
Человек прозорливей?
Отзвук мира Божественного
Невмещаем во слове;
Речь немеет, истаивающая
В приближении к раю...
Тщетно мыслью расслаивающей
Тайну в звук облекаю.

Радуги медленно меркнут, но одна осеняет лоб и грудь Рыцаря.

Лишь одну отраженную
Мысль вмещаю словами...
Говорит Всеблаженная:
— Выбор сделан — другими:
Все, благое и злое,
Брат твой бросит огню.
Взор с тебя не снимаю.
Дочь твою осеню.

Глубокая тишина.

Старый священник *в крипте*
Ныне отпущаеши
раба твоего, Владыко,
по глаголу Твоему,
с миром

Тихо и медленно начинают гудеть все колокола Собора.

Яросвет
Так взойдем к созерцанию
Изначального Логоса
Перед спуском Синклита
К бою в темный Друккарг.

Третий удар великого колокола.
Слышно, как распахиваются двери, и внутреннее пространство храма Солнца Мира на миг приоткрывает свою звуковую жизнь. Поднимающаяся волна невыразимого напева ангельских клиров начинает медленно удаляться, как бы заслоняясь новыми и новыми средостениями, словно горная вершина, все ледники и фирны которой зазвучали в едином сверхчеловеческом гимне, удаляется, уплывает, возносится ввысь.
В катакомбах тишина.

Даймон
Встаньте. — Такие служенья
Неприкосновенны для слуха:
Они разорвали бы сердце
У бедных детей земли.

Голоса в крипте
Друг наш! Неизреченно
Испытанное душою:
Теперь начинает брезжить
Каждому
Его долг.

Неизвестный

Не знаю, чем я достоин
Видеть и то, что видел,
Слышать то, что слышал —
Бликами...
как зыбь волн.

Даймон

Когда, младенцем, ты спал
в зыбке,
Тоскуя в смутном земном
сне,
Сам Яросвет твой подъем
зыбкий
Измерил, счел и вручил
мне.
Твори! Готовься к иным
севам!
Уж стены тюрем грозят
пасть,
И те из вас, кто силен
гневом,
Возьмут горчайшую из нош —
власть.
Когда ж умолкнут кругом
грозы
И поколенье пройдет,
мы
Спуск лучезарной твоей
грезы
Благословим в глубину
тьмы.
Иных побед и другой славы
Перед тобой расстелю
плат,
Чтоб дни склонялись, как ниц
травы,
У ног твоих, наш земной
брат!
Вся помощь рая — в твоей
силе,
В судьбе народных судьбин
суть,
И Млечный Путь
в небесах России

Глядит, как пастырь, на твой
путь.

Неизвестный

Но что я должен?
К чему назначен?
Что, кроме песен, доступно мне?

Даймон

Ты — тот, кто принял в зените ночи
Весть о грядущем с высот
дне.
Ты утвердишь мировой град свой —
Не гнет державный, но мощь
скреп,
Что свяжут мир круговым
братством,
Живым, как воздух,
простым, как хлеб.

Голос Ректора

Друзья! Наш старый священнослужитель
Умер.

В катакомбах замешательство.

Он скончался, преклонив колена,
Смертью праведных.

Одна за другой тают звуковые преграды, защищавшие катакомбы со всех сторон. Гул машин с поверхности города передается по вздрагивающим земным пластам. Сквозь него прорываются отдельные выкрики: там, волею Автомата, подготавливается новое потрясение умов.

На городских часах только что пробило десять. Это поражает: течение времени кажется замедлившимся необычайно. Звуки, достигающие до катакомб, расслаиваются. Монотонно гудят под городскими кварталами установки засекреченных заводов.

Ясно слышатся низкие, басовитые голоса работающих *в самом глубоком этаже*

— Носим антрацит, носим,
— Втащим, раскачаем, бросим,
— Месиво в котлах месим,
— Гипер-циклотрон высим.

Не так отчетливо звучат баритоны *из кабинетов и лабораторий*

— Рефикс... позитрон... Точно!
— Надо их послать кучно.
— Этот вел себя склочно...
— Дайте ваш приказ зычно!

Из надземных этажей долетают лишь реплики бодрых теноров, *в интонациях чувствуется приподнятость настроения и даже резвость*

— Лампочки в софит... Браво!
— Ту — на сантиметр вправо...
— Лучше бы... чуть-чуть... криво.
— Эврика! Совсем ново!

Собравшиеся в крипте сосредоточены и молчаливы. Недавно пережитое заметно сплотило участников, сгустило серьезность их настроения.

Молодой интеллигент

Закончилось странствие
Хранителя-старца:
В другие пространства
Отпущено сердце...

Ректор

А мы предоставлены
Игре отражений...
Кем будет возглавлен
Ход наших служений?

Девушка

Тем из нас, кто внимал
первым
Звону истинного Кремля;
Чьи созданья
голубым перлом
Светят, горе нам убеля.

Неизвестный молчит, но голос Даймона *теперь улавливают минутами и другие собравшиеся*

Крест ответственности,
груз знания
Вправе взять теперь только ты.

Неизвестный

Но пора ли? Ведь накануне я
Как слепец бродил сквозь пласты,
Я скользил, плутал, а ты видел,
Обо мне скорбя, как в былом
Создал я свой тотем, идол
Из забавы добром и злом,
До сих пор не забыть
песни,
Что влекла меня внутрь, вниз,
И все круче был спуск, отвесней,
К тем берлогам, что спят
в нас.

Даймон

Ты был прав. Испытав шахту,
Путник знает подъем вверх.
Но тогда оборвал шаг ты
У изнанки грядущих вер.
До пределов, где спит Велга,
По кругам шеолов пройти —
В этом боль твоего долга,
Крест пути.

Молодой интеллигент

Успеть ли? Покой — лишь краткий отрезок
На темном и бурном шелку
эпох,
И кажется всем нам: час боя
близок,

Час неба и ада,
Гагтунгр и Бог.
Успеем ли слышать — сквозь слух героя —
Творящееся на потаенном дне?

Даймон

Лишь духом сойдет он. Вдвое и втрое
Я сокращу ему путь в глубине;
Но в этот последний час перед боем
Он видеть обязан все до конца,
Чтоб вынести умудренной душою
Гнет венца.

Ректор

Этот гнет вынес бы, не колеблясь,
Я и с той мудростью,
что теперь.

Даймон

Если ты понял ту область,
О которой речь — друг, не спорь:
Что ты можешь знать об ученье,
Низводимом к вам
сквозь него,
О грядущем тройном венчанье
Брата младшего твоего?

Ректор молчит.
Шумы города начинают удаляться.

Неизвестный

Вот, спускаюсь...
К плотному камню
Не притрагивается нога,
Будто в лоно материка мне
Спуск распахивается...
Река,
Пустыри... пустыри... — Пятна
фонарей...
Даймон, слышишь —
совсем внятный
Голос мрака?

Даймон

Слышу. Бодрей!
Это — только Порог Жизни
Человека. — Будь смел. Иди.

Неизвестный, *отрывисто и глухо*

Тороплюсь... Но душно! Скорее

Сквозь преддверие проводи.
Даже отблеска фонарей
Нет в воде...

Хриплый напев старческого голоса

Медленно лижет земную породу,
Зыблется топкое тло...
Вязкую, тяжкую, плотную воду
Глухо колышет весло.
Узкий причал мой блюдут издалека
С черных окрайн фонари —
Злые молчальники, стражи потока,
Светочи — нетопыри.
Вязок и медленен ток Ахерона,
Нем с неподкупным слугой...

Неизвестный

Даймон, какие кромешные страны!
Что за угрюмый покой...

Тишина. Близкие всплески весел.

Даймон

В этом челне воздержись от движенья,
Зоркость утрой...
Господи! Помоги возвращенью,
Силы даруй.

Неизвестный

Я готов. Я должен. Но смертная
Леденит мою кровь тоска...
Ночь плотнеет! Здесь — тьма спертая,
Несдвигавшаяся века...

Даймон

Сердце того, кто выйдет на берег
Этих отверженных стран,
Испепелится, и дух его горек
Станет, как сам Ахерон.

Голос перевозчика, *глухо*

Взад и вперед — неподвижно движенье,
Плотные волны — все те ж...
Вечная полночь! Избавь от служенья,
Сном непробудным утешь...

Тишина.
Теперь крипта представляется высоко вверху, превратившись в неясно светящееся пятнышко. Посвистывает ветер.

Даймон

Ты видишь?

Неизвестный

Не знаю... Я чувствую
Смещение координат,
Томящее головокружение...
Неясность пути назад...
Немыслимое сооружение —
Нет, кажется, груды гор...
Пульсирование их и движение,
Как чаш под грузами гирь...

Даймон

Не с той ли, быть может, громады могучей
Когда-то услышал ты пенье?

Неизвестный

Но голос тот был и пьянящ и летуч,
И смутен, как нежная тень...

Даймон

Что же пела она?

Неизвестный

Не знаю... Слова напрасно ловлю,
До сознанья лишь стих долетел:
«Нищ твой удел —
Стать на краю,
Робко взирающим в пропасть мою:
Не на краю —
Лишь в глубине
Горшей из бездн
Причащаются мне».

Пауза.

Помню образ: «Здесь, за Ахероном,
Охраняя тайный мой приют,
Кружат луны в траурных коронах
И поют, волшебные, поют...»

Пауза.

Я думал: то Велга, свое колдовство
Сплетая над городом, пела...
Но нет: необъятная, как божество
Звала за последний предел.

Тишина.

Кажется, будто ветер приобрел большую силу и заунывность, налетая порывами, похожими на вздохи великанов.

Еле слышные голоса в крипте

— Станем вокруг спускающегося
Братством суровых клятв!
— Обережем тоскующего
Собором наших молитв!
Ты стал в эту ночь вдохновения
Для нас духовным окном...
— Чьи жалобы, чьи воздыхания
Сквозь слух твой сочатся к нам?

Неизвестный, *слабо вскрикивая*

Это они! Узнаю! Их державный
Облик, багровую ткань покрывал...
Вон, среди них тот колосс, что недавно
Из саркофага смертного встал!

Даймон

Пленники, вечные кариатиды
Ныне поддерживающие Цитадель;
Те, кто ковал былые победы
Царства,
теперь растущего вдаль;
Ваши прапрадеды,
ваши деды,
Старых триумфов былая скрижаль.

Неизвестный

Да, — сединою нездешнею седы
Бурые лики... Щемяще жаль
Мне этих узников. Но... как страшно:
Нет, они движутся! Камень и сталь
Медленно приподымают... Туманно
Вижу унылый и жесткий стиль
Сумрачных зданий этой вселенной.

Голоса движущихся кариатид — *смутные, невнятные, — отдельные слова, еле связанные друг с другом; стенания, почти лишенные смысла*

— Строй,
раб,
поддерживай
Свой
плен —
груз глыб живой!
— Пусть
труд
бездомника:
Жар
магм

припомни-ка!..
— Смерть
если б
смилостивилась...
— Ночь
если б
сжалостивилась!
— Хоть
в персть
развеивание...
— Хоть
в прах
расслаивание...
— Хоть
в пыль
размалывание!..
Нет
нам
помилования.

Безмолвие. Никакого ответа. И опять стоны, похожие на мольбу

— Дух!
Храм
вверх
строящийся!
— Друг,
брат,
брат
кающийся!
— Ты,
гнет
барм
сбросивший!
— Ты,
смысл
карм
взвесивший!
— Ты
знал
крест
царствования;
— Ты блюл долг бодрствования...

Голос императора-искупителя *с огромной высоты, далеко над катакомбами*

Схожу, но порог ваш засыпан и взгорблен,
Правящий игва мудр, как Ликург,
И гекатомбы неслыханной скорби
Спуск преградили в ваш
Друккарг.

Теперь уже не ветер, не стоны кариатид, но медленные удары глухого, с огромными интервалами, всю землю сотрясающего пульса различаются в звуках, которые недавно казались порывами ветра.

Даймон

Ты мечтал о траурных лунах —
смотри, поэт!
Других
в преисподних лонах
нет.

Три светила тусклого цвета, похожего на темно-лиловый, проступают в рыжем пространстве среди несущихся паров. Одно из них кажется почти черным. Представление верха и низа сдвигается: область лун кажется то небом, то глубиной пропасти.

Даймон

Так видят игвы
миры страдания,
Тлеющие
в средоточье земном,
Преддверия обратного мироздания,
Первые
из его наружных хором.
Смотри, коли смеешь, на это солнце,
Яснеющее
сквозь клочья паров:
Его ль инфракрасные протуберанцы
В твой сон возносились
со дна миров?

Неизвестный

Его.

Даймон

Любуйся ж на дымные космы, —
Лик ада, рассматриваемый в ребро:
Это — не солнце: лишь — Антикосмос,
Творчества дьявольского ядро.

Теперь крипта катакомб кажется затерянной в недоступной высоте и едва мерцает, как звезда.

Неизвестный

Вижу неимоверную крепость,
Подобно хребту —
острием
вниз:
Да, конус из черных базальтов
в пропасть
венцом повис.
Черными молнями ширяют,
снуют вокруг —
Не знаю, кто — помавают, реют,
блюдут порог.

Голоса игв

— Упитаны ли по стойлам бойцы?
— Вскармливаются;
— Ох, вскармливаются.
— Просачивается ли шемойя в сердца?
— Всачивается...
— Ох, всачивается!
— Готовы ли раругги соседних шрастр?
— Вскидываются...
— Ух, вскидываются...
— Наш луч пепелящий достаточно ль остр?
— Взлизывается!
— Ух, взлизывается!

Даймон

Сквозь них... напрямик... твердо,
Не оборачивайся — спеши:
Всем ярусам этого города
Открой слух души!

Точно порыв раскаленного воздуха опаляет окрестность. Слышится клокотание, стремительное снование, сплетание и расплетание чьих-то обширных *Я*, объединенных тревожным и поспешным трудом.

Голоса раруггов

— Всплеснулся ль к мирам демиурга наш круг?
— Всплескивается...
— Ух, всплескивается!
— В Небесном Кремле нерушим ли порог?
— Взламывается!
— Да: взламывается!

Резкий голос Великого Игвы

С подземного Юга грядут войска

Раругги

— Вздыбливаются!
— Вздыбливаются!

Великий Игва

Уж рвутся из Северного тайника

Раругги

— Вспучиваются!
— Вспучиваются!

Игва

С подземного Запада летят, как смерч

Раругги

— Взвеиваются!
— Взвеиваются!

Игва

Из скважин Востока змеятся вверх.

Раругги

— Взвихриваются!
— Взвихриваются!

Неизвестный

Так вот чье господство чествовали
Наши народы в гимнах...
Вот кого мы предчувствовали
В корне зол повседневных...
Даймон, не в этом пространстве ли
Небесная наша царевна?

Даймон

Вот.

Внезапно приоткрывается необозримое по своей длине, но невысокое сооружение, может быть, небольшая часть кольцеобразной крепости, окаймляющей Друккарг. Ее стены местами излучают слабое голубое сияние; других источников синего или зеленого цвета в этом слое нет.

Неизвестный опускается на колени.

Молчание.

Голос Навны

Подошел? Приблизился? — милый
Мой мальчик, искатель мой смелый!
Поведаешь людям, что видел,
Что горестный дом мой проведал...
Теперь ни в гробу, ни в темнице,
Ни в самом глубоком колодце

Мой отблеск тебе не затмится,
Лазурная нить не порвется.

Неизвестный молча целует багряную землю Друккарга.

Даймон
Но разве не видишь местами
От крепости отсвет другой?

Неизвестный, *поднимаясь*
Да, странное, зыбкое пламя
Оранжево-рыжей дугой.
Здесь я не думал встретить другую, —
О, ее тоже, как встарь, узнаю, —
Боже, но те ли
слова ее рдели
Пурпуром страстным
в юность мою?

Стенающий голос
Жгут меня душные глыбы...
Жгут меня крепкие скобы...
Жажда палит мои губы...
Вздернуто тело на дыбы!

Голоса в Цитадели
Безрассуден твой гнев,
мать темная:
— Иль не видишь — растет рать
шумная,
— Крепнет наших фаланг
стать дымная,
Неуемная!

Афродита Всенародная
Что мне до огненной мощи?
Рвут меня крючья и клещи, —
Все беспощадней, все резче
Ветер из бездны горящей!
Плоть моя плачет все горше
Каждым бездомным ребенком!
По лагерям и застенкам!
По безымянным поминкам!
По очагам разоренным!
По колумбариям! Урнам!
По искалеченным кармам!
Камерам! каторгам! тюрьмам! —

Голос Уицраора

Если б мудрость
твою колеблющуюся
умчало
То виденье,
что владычествует
во мне —
Как померкло бы
для тебя
этих дней начало
В этом городе,
в этой сумеречной стране!

Афродита Всенародная

Что мне до лютой гордыни
Зодчих вот этой твердыни?
Ропщет вся кровь от страданий,
В красных стигматах ладони!
Ты обещал мне, как чудо,
Новые дивные чада,
Но от твоей благодати —
Только чугунные дети!
Строите этот чертог вы
Мудростью старшего игвы,
Проклято черное семя!
Рухнет в ничто ваше имя.

Уицраор

Это — призраки
твоей ревности
и безумья!
Что мне игва
с его рассудочным чертежом?
Лишь — орудье мое покорное,
только — зубья,
Лишь — до времени, перед огненным
рубежом.
Вижу солнцем себя ликующим,
и монады,
Что вращаются,
торжествующе и звеня —
Мне покорствующие
мириады
и мириады,
С гимном ангелов
погружающиеся в меня.

Сломан стержень
перенапрягшихся коромысел!
Иль ты все еще,
ослепляясь,
не поняла,
Что подобного вседержителя
не возвысил
Никогда еще
дробный хаос
добра и зла?

Неизвестный *шепотом*

Вижу его непроглядную ауру,
Бурю в мерцающем взоре...

Отдаленный голос Карны

Горе последнему из уицраоров,
Горе!

Голос Великого Игвы *в тайнике великого капища, среди посвященных*

Гордыня бешеная и слепая
Окрепнет пусть:
Полезна власть его над толпою,
И гнев, и злость;
Чтобы мятежника-демиурга
Швырнуть в Уппум;
Чтоб мир, бушующий вне Друккарга,
Нам стал рабом.

Великий Игва впадает в транс.

— Смотрю в геенну. Мой дух в ознобе,
Лишь ей слуга.
Инфра-лиловая в черном небе
Горит дуга.
Пылает, блещет от края к краю,
Мостом вверху...
Какому гимну доверю тайну,
Хвалам, стиху?..
Гагтунгр! Я внемлю! Я зрю воочью
Сквозь весь Энроф
Метагалактики средоточье —
Итог миров:
Обитель господа Люцифера
В живом огне...
Замкни уста мне. Пусть эта сфера —
Тебе и мне.

Великий Игва погружается в беспамятство.

Неизвестный

А, сатанинская мистика!
Верность глубинной скверне!..
Это — хитрей, чем свастика
И пентаграмма черни...
Так вот какого владычества,
Царства какого ради
Длит балаган свой жречество
В нашем, в наземном граде...

Слабо различаемый голос Ректора *в катакомбах*

...За эту химеру немыслимую
Мы платим в круговороте
Золотом жизней бесчисленных,
Ценою народной плоти...

Даймон — *грозно*

Народного духа!

Молчание.

— Дальше, ниже:
Где души — как клочья дыма...
Он плачет о плоти?
Взгляните же
На то, что непоправимо.

Теперь делается ясно, что источник ударов, казавшихся ударами пульса, стал ближе. Крипта, мерцавшая слабой звездой вверху, исчезает окончательно. Чувствуется колоссальная глубина. Обоих спускающихся охватывает мглистый, едва освещенный туннель со слабым уклоном вниз. Над медленно текущим по дну потоком возникают как бы завитки промозглого тумана, бессильные оторваться от бесцветных вод. Однако они еще одарены способностью жалобных, почти бессловесных звучаний.

Неизвестный

Кто это?.. чьи это голоса,
Дух надрывающие?

Даймон

То — неимеющие наименования
владельцы карм
всё
длят
свой
плен:

Кишат, и носятся, и опускаются
уже без форм,
в хлябь,
вниз,
в глубь
пен:
Скорлупы дряблые,
недоразвеянные
там, на земле —
сор
дней,
шлак
душ,
Когда-то прядавшие
по стокам города
в поддонной мгле
жерл,
ям,
рвов,
луж...

Неизвестный

Вижу — вижу в них отсветы
Прожитых наверху
дней, —
Стойл, квартирок,
углов выцветших, —
Суету
праздных теней...

Всплески слабых голосков

— По хлябям вспучиваемся...
— Во мгле раскачиваемся...
— Чуть-чуть вскарабкиваемся...
— От волн отталкиваемся...
— Ах, если б в теплышко!
В родное дуплышко!
— Ах, в норку б черненькую...
— Ох, в тельце б жирненькое...

Даймон

Это — те, кто растлен
капищем,
Кто — без ядер, кто стал
скопищем.

Неизвестный

Но они ж невиновны, даймон!

Тяжесть страшных вин —
на других...
Объясни мне, ответ дай мне:
Что взыскать Ему с малых сих?

Даймон

Не знает взысканий, струит благодать
Великое Сердце Вселенной
Творя, как Отец, и тоскуя, как Мать,
Как Сын выводя из геенны.
В боренье с богоотступными «я»
Законы и карма возникли:
Они не всеобщи для форм бытия,
Но царственны в нынешнем цикле.
Они — равнодействующая, итог;
Мы волим их снять, уничтожить;
Страданье впивающий Противобог
Их грузность стремится умножить.

Неизвестный *упорно*

Что же тем, кто растлил «малых»?
Кто несет всю вину
воль?

Даймон

Скоро, в ужасе небывалом,
Ты простишь им всю кровь и боль.

Неизвестный

Им?!
Самому Иисусу не вывести
чьих зол след?!
Пощады от человеческой совести
им — нет!
Нет им за этих несчастных, извергнутых
вспять,
в муть волн,
Мукою чьей сердце Бога истерзано,
сам рай полн!

Источник ударов, казавшихся биением пульса, теперь становится очевидным. Только слои, несравненно более глубокие, чем Друккарг, способны были бы привести в движение этот океан, накатывающийся на берега всей тяжестью своих чугунных спондеев.

Даймон

Вспомни же миф о бесстрастности мойр,
Режущих грешные судьбы:

Пояс бушующих магм,
Укарвайр,
Смог ли ты перешагнуть бы?

Неизвестный *резко*

Я знаю. Я должен. Ступивший на край
Ждет спусков до дна, а не свадьбы.

Спуск продолжается.
Чувствуется минование новых и новых слоев, может быть, целых миров нисходящего ряда, пока внизу не начинают вздыматься, изгибаясь кривою необозримой длины, гороподобные волны, мутно светящиеся красновато-рыжим сиянием.

Даймон

Напрасны яростные,
задыхающиеся хулы,
Напрасны самые испепеляющие
из покаяний,
Когда расплющивают
ометалличивающиеся
валы
Неповторимейшее
и драгоценнейшее
из достояний.

Неизвестный, *содрогаясь*

Как же войдем мы в горящую эту среду?

Даймон

Разве ты чувствуешь жар?
Ты призраком, не подлежащим суду,
Проходишь
сквозь Шаданакар.

Неизвестный

А ты?

Даймон

Мое телесное тело — здесь,
Твое — в катакомбах спит,
Мистическим разумом видь
и взвесь,
Что на тебе
нет пут.

Неизвестный, *погружаясь в стихию Укарвайра*

Как странно — ни в чем не встречать преград,
Сквозь лавы тенью скользя,
Они прозрачными сделались... Брат,
Кто скажет теперь «нельзя»?

Свирепеющие порывы стихии, никогда не видевшей солнца и неба, бушуют со всех сторон.

Даймон

Вникни в шумное ликование
Этих демонов, этих бурь,
В их безумное тоскование,
В злую алчность, в их гнев и дурь;
До Голгофы, до Гефсимании
Воздвигал им народ алтарь,
И неистовые их гармонии
Уж не те, что гремели встарь...

Голоса тех, кто бушует в магмах, *начинают и вправду свидетельствовать о каком-то странном, тоскующем восторге*

— Торжествуй,
сонм
кличущий,
— Снаряжай,
сонм
плещущий,
— Направляй,
сонм
свищущий,
наш корабль
в путь,
в даль.
— За чертой
душ
брошенных,
— На весах
дел
взвешенных,
— Навсегда
с нив
скошенных,
с золотых
нив
воль.
— Унесем
их
плавными,
Как размах
крыл,
волнами,

Где царит
Мать
Полночи,
Глубже магм —
к ней,
к ней.
— Измельчим
в пыль
дымную,
— Завихрим
в зыбь
темную,
— Запоем
песнь
шумную
на помин
их
дней.

Из глубин Укарвайра стремительно поднимается, проносясь мимо, нечто прямоугольное, громадное и черное, похожее на гроб.

Неизвестный, *вздрагивая*
Так он был отсюда?
И снова наверх?
И снова в злосчастный город?..
Где же все те, кого он низверг?
В каких еще адских горнах?..
Даймон
Они вокруг нас.
Неизвестный
Но я их не слышу...
Даймон
Они вокруг нас.
Неизвестный
Но я их не вижу!
Даймон
Взгляни на дрожанье багровых шаров,
Качаемых в огненной влаге.
Неизвестный
Но... это ж не люди!
Даймон
Забудь про Энроф,
Про тех, кто дремал в саркофаге:

То были гиганты. Пигмеи — вот тут.
Здесь каждый
лица лишен:
Ты видел когда-то пышный парад
Бездумных людей-машин;
Не там, но здесь — решающий плод
Того, что любой свершил.
Есть ярусы глубже: тираны, цари,
Псы века там платят долг,
Мучители наций, сердца-упыри,
Предтечи и слуги Велг.

Неизвестный, *молясь в нестерпимой тоске*

Плачь, Великое Сердце!
Кому из народных святилищ
Благовонным туманом
текли славословия, — плачь!
Плачь о хлопьях чистилищ,
о бедных уродах страдалищ,
Где вослед за страдальцем
на муку восходит палач!
Плачь, Великое Сердце,
о бездомных скорлупах,
Чей удел невозвратный
мог быть строг и велик;
О мятущихся клочьях
на последних уступах,
Обо всех, утерявших
Человеческий лик!
Плачь о гибнущих ныне —
о живых мириадах,
Ежечасно сходящих
по горячей стезе:
О потоптанных всходах!
Обескрещенных градах!
О садах и народах,
обреченных грозе!..

Даймон

Готов ли теперь
к последнему спуску:
Глубже страдалищ, в тихий Суфэтх?

Неизвестный

Я спуска просил. И не отступаю.
Сердце сгорело... Ветер подул

В душу нездешний...
Уж затихает
Гул Укарвайра — все голоса...

Даймон

Ты коснешься миров окончательной пыли,
Но и кладбище то — лишь полоса.

Выше и выше удаляются, замирая, звуки огненного океана; снова минуются за слоями слои; и молчание пустот, отделенных от человечества невообразимыми толщами, поглощает все. Чуть слышное шуршание, похожее на пересыпание песчаных массивов, одно говорит о жизни, еще шевелящейся там.

Неизвестный, *тихо-тихо*

Пустыня... Но сумрак все непроглядней...
Только вверху — лиловатый нимб...

Даймон

Все тот же Нергал, — солнце исподнее;
Это — скорлупы, еще шуршащие
Внизу, под ним.

Неизвестный

Нет, не осмыслить
смыслом разумным...
Будет ли этим несчастным возврат?

Даймон

Не замедляя, прошли мы бесшумно
мимо щелей
в ад.
Тот, кто сорвался
к Гагтунгру,
и глубже,
Глубже, на планетарное Дно,
Еще не погиб. Но в этой вот стуже
Бессмертье прекращено.

Неизвестный *невнятно*

Давит тоской нечеловеческой
Мудрость о семенах и плодах.

Даймон

Душу утратив, отсюда в космический
Мрак
выпадает
развенчанный дух.
Спуск невозможен: «я» гаснет,
и след его
Здесь обрывается под золой...

Неизвестный

Значит, и глубже, глубже вот этого
Есть еще слой?!

Даймон

Дыры в пространства галактик.
Дно Мира.

Неизвестный

...Вечность?..

Ответа нет.

Неизвестный, *трепеща*

Я понял:
недвижный миг
предельной муки.

Даймон

Там нет времен. Но смысл огромных циклов —
Чтоб время там возникло, как у нас.

А над шуршанием пересыпающихся скорлуп снова колеблется — уже яснее — завораживающий и печальный.

Женский голос

Магмы глубин,
Волны миров —
Мой неумолчно звучащий покров:
Дивно грущу...
Мир ваш пряду...
Темных героев на Дно мое жду.
Сдайся! приди!
Дух остуди,
Космос угаснет вдали, позади —
С блеском небес,
С плеском морей,
С вольными криками птиц и зверей.
Мир отмелькал...
Пир отсверкал...
Миру на смену встает Нергал...
Снидь же в края
Небытия,
Вне вашей утлой вселенной — как я!

Неизвестный

Так вот мне откуда звучал этот голос,
Маня в неисхоженные пустыри...

Даймон

Великой Блудницей когда-то приснилась
Она мудрецам христианской зари.

Женственный голос, *замирая с беспредельной тоской*

Вечно грущу...
Мир мой пряду...
Темных героев на Дно мое жду...

Даймон

Вечно томит она, вечно неверная,
Похотью духа язвит наши сны...
Хочешь ли странное имя? —
Фокерма,
Женственная ипостась сатаны.

Тишина.

Неизвестный

Испепелилось во мне до конца
Все от выдумщика и самозванца.
. . . .
Если когда-нибудь,
сквозь колдовство
Этих пучин возвращусь я под солнце...

Даймон

Ты возвращаешься.
Ты возвратился!
Веки трепещущие подними:
Новым рожденьем дух твой родился
Между людьми.

Голоса в крипте

Ты с нами, родной наш скиталец —
Наш странник, искатель, пришелец!
Прислушайся к рокоту улиц,
К гудкам поездов у околиц...

Стены освещенной крипты проступают из мрака там, где не представлялось ничего, кроме пустынь Суфэтха.

Даймон

Друг! Настал раздвигающий
Миг судьбы твоей: слышишь —
Бремена возлагающий
Приближается свыше;
Будешь миром водительствовать
Над уклонами к безднам,
Будешь людям свидетельствовать
О Благом и о Грозном.

Голос Великого Посвящающего

Все ли, что явлено — понято?
Все ли, что понято — принято?

Даймон

Все.

Посвящающий

Все ли, что просится — выстрадано?
Все ли стороннее вытравлено?

Даймон

Все.
Стройно вязал я для младшего брата
В космос — виденья пучин и святынь.
Жаждой пророчества сердце объято...

Неизвестный

Аминь.

Даймон

В бурную душу младшего брата
Я низводил поток благостынь
С фирнов Олимпа, Кремля, Монсальвата...

Неизвестный

Аминь.

Даймон

Мышцам духовным младшего брата
Мы сообщаем крепость твердынь
Горнего Града. — В путь — без возврата!

Неизвестный

Аминь.

Голос Великого Посвящающего

Знанья верховного чистый чертог —
Встань из развалин сознанья!

Тишина.

Божьего пламени жгучий росток,
Вспыхни из ран состраданья!

Тишина.

Воли верховной творящий поток,
Хлынь для чудес созиданья!

Тишина.

Сердца Вселенной гонец и пророк,
Встань для борьбы и скитанья!

Тишина.

Голоса в Небесной России

Духом пронизанный,
К вести помазанный,
Чист пред судом,

Стал нашим братом,
Венчан Синклитом,
К власти ведом.

П о с в я щ а ю щ и й *к Посвящаемому*

Но знай: радушьем этот век
Нас не встречает у порога:
К кострам сирот, бродяг, калек
Сперва скользнет твоя дорога.
Казнен изгнаньем, как Адам,
Клеймен судом, как лютый Каин,
Пойдешь по мертвым городам
Скорбеть у выжженных окраин.
Сольются искры душ кругом
В безбрежном зареве страданий;
Им будет чужд и дик псалом
Твоих безумных упований.
Ты, как юродивый, молясь
Бросаться станешь в пыль дороги,
Чтоб хоть земля отозвалась
На миф о демонах и Боге!

Неизвестный, теперь — Э к к л е з и а с т*

Ведь наград не ищу я
По излучинам ночи:
Знаю, действую, чаю —
И не властен иначе.

П о с в я щ а ю щ и й

Отрада будет: взор детей.
Он мглистой ночью городскою
Из нор, трущоб, из пропастей
Ответит блеском и тоскою;
Обступят трепетным кольцом
Любви, мечты, надежд, единства,
Раскрыв пред истинным гонцом
Горячих душ гостеприимство.
В дыму окраин, в чаду квартир
В широкий, Бога ждущий мир
Они уйдут из затхлых комнат,
Они враждующий прибой
Утишут, мудростью венчая —
Верховным куполом — устой
Всечеловеческого рая.

* Э к к л е з и а с т *(греч.)* — буквально — проповедник. Здесь — человек, удостоенный дара вестничества, то есть провозглашения и утверждения эпохальных или сверхэпохальных духовных истин. — Прим. авт.

Экклезиаст

Только этого, Отче,
Я ищу и взыскую:
Быть в содружестве зодчих,
Строить в высь голубую.

Голос Посвящающего, *удаляясь*

Тогда наступит твой зенит.
Тогда тебя Синклитом встретим
И Яросвет благословит
Тебя венцом:
вторым
и третьим.

Даймон

Во всякий час: среди ли темных вьюг,
В разгаре ль битв, на царственном закате
ль —
Всегда с тобой мы, наш любимый друг,
Вершин и бездн России созерцатель.

Акт девятый. НИЗВЕРЖЕНИЕ

За истекшее время панорама Среднего слоя значительно изменилась. Применением атомной энергии в мирных целях пограничная горная цепь уничтожена на значительном протяжении. Лежавшие за ней территории присоединены, граница отодвинута до следующей горной цепи. Вновь приобретенные территории распланированы по закону: в центре каждой — город с цитаделью (разумеется, все в уменьшенных размерах), а вокруг — разграфленная на шахматные клетки колючей проволокой равнина. Нечто грандиозное, хотя и смутно видимое, сооружается лишь на территории отдаленного Востока.

Радио на всех перекрестках передает выступление государственной депутации, совершающей турне по одной из соседних стран.

Голос одного из депутатов

Друзья! Мы пролетаем
Над вашим славным краем —
Взглянуть, как строит дом
Ваш сво-бо-до-любивый
Народ трудолюбивый,
Талантливый притом.

Другой депутат

Привет и пожеланья
приносим мы, как братья
от вашего собрата —
от нашего народа
Народному собранью
народных депутатов
народной демократии
великого народа.

Опять первый

Народ ваш очень древен
И в то же время — молод;
Наш — тоже: юн, но мудр.
И скоро в серп и молот
Поверят с нами вровень
Сто миллионов шудр.

В Цитадели по-прежнему бубнит голос Автомата

Я учил и учу: скверно
Вскачь по кочкам нестись бурно.
Покорять надо мир — мирно,
Пядь за пядью, тишком, мерно.

Вдали показывается колоссальная бабочка ярко-розового цвета. Это — на самолете новейшей отечественной конструкции государственная депутация возвращается из заграничного турне. Бабочка, странно порхая, приземляется на аэродроме.

Оба депутата перед микрофоном
Первый

Феноменальнейшее турне!
От слез восторга — туман в пенсне.
Мы убедились, спеша бегом,
Как обожают нас все кругом.

Другой

Мы были приняты, как отцы.
Там даже принцы — смирней овцы...
Что принцы! даже товарищ шах
Нас обнял, звякнув серьгой в ушах!

Первый

Но важен, впрочем, не шах, не принцы,
А то, что в нас величали принцип.
Пляс... шутки... горы конфет, триумф:
За сутки — города по три... Уф!

Депутаты скрываются в Цитадели, чтобы сделать отчетный доклад ареопагу. Отдыхая от железной дисциплины при покойнике, олигархи сидят, непринужденно развалясь в креслах.

Докладчик

Друзья! От почестей —
вальс в мозгу.
Но... враг ярится. Я не солгу,
Признав, что изредка наш комфорт
Смущали выкрики пьяных морд.
Как плетка, свищущая клевета,
Шнурами фактов перевита,
Хлестала с бешенством наш престиж.
Ну как тут выдержишь? как простишь?
Из-за прикрытия глянув к нам,
Мерзавцы видят и шлак и хлам;
А жертв какой-нибудь миллион
Любой писака-хамелеон

Возводит нагло в квадрат и куб,
Чтоб верил всякий, кто прост и глуп.

Содокладчик

Теперь нам ясно, как день, друзья,
Что гуманистами слыть нельзя,
Пока шпионы с рубежных гор
Следят за жертвами наших нор.

Председатель

Значит, так: за ряды гор
Вдоль границ спрятать весь сор,
А по склонам — картин ряд:
Пусть докажут, что враг врет.
Накладная: краплак,
крон,
Кобальт, охра... 500 тонн;
А чтоб вышла прочней смесь,
Выбор тем
обсудить
здесь.

Члены ареопага

Один

Я предлагаю: на снежном пике —
Картина: в центре — все наши лики,
А вкруг — строители гидростанций,
Закончив труд свой, несутся в танце.

Другой

Чтобы язык прикусил нахал,
Я предлагаю: под грузом хал
Стол подогнувшийся, а вокруг —
Ряды мозолистых, честных рук.

Третий

Ну, это бледно. Острее — так:
Столетний старец пошел в гопак;
За ним — старушка, восторг... галдеж...
Рукоплескающая молодежь.

Четвертый

Еще: вернулся к родной бригаде
Тот, кто безвинно страдал при гаде:
В тюрьме он гладок стал, сыт, ядрен, —
Зазноба аннушек и матрен.

Еще один

Да, да, покажем, как мы нерях
Перевоспитываем в лагерях:
Кто был вчера социальным гнидом,
Всех поражает культурным видом.

Члены депутации

Первый

Отбросив ветошь — чадру, калым —
Народ гордится своим былым.
Покажет, сколь глубока культура
Вид: экскурсанты и гроб Тимура.

Другой

Еще эффектней такой сюжет:
Гигантский колокол древних лет;
Вкруг — жизнерадостный вальс республик,
Причем у каждой — цветок и бублик.

Члены ареопага

— Потом картина еще такая:
Веранда, столик, бутыль Токая,
Грузин и чукча (вдали ландшафт)
Пьют, улыбаясь, на брудершафт.

— Шпион пронюхал про казнь за веру.
Панно, чтоб в корне пресечь химеру:
Епископ молится в алтаре,
А дьякон вторит мажорным ре.

— Нет, русских мало. Пусть и другие
Свершают якобы литургии;
Фигура ксендза... шелка... батист...
Мулла в тюрбане... Вдали — баптист.

— А в заключенье — пейзажик рая,
И ребятишки, в цветах играя,
Наветам взрослых в противовес
Кричат: спасибо, ка пэ эс эс!

Директивы проводятся в жизнь. Тысячи художников расписывают внешнюю сторону рубежных гор фресками на указанные темы.

Ученики в школах, *репетируя*

Да здравствует мирное завывание...

Педагог, *поправляя*

За-во-е-вание.

Ученики, *скандируя*

Выдь, не трусь! и пхай! пхай!

Педагог, *ударяя линейкой по кафедре*

Хинди — руси, бхай, бхай!!

По кольцевой трассе столицы установлено круглосуточное движение войсковых частей. Нарастает гул их очередного приближения.

Голоса атомных батарей

В ночь циклотроновую —
С душою урановою —
С кровью плутоновою —
Двигаемся! Да, двигаемся!

Голоса летательных машин

Пространство осваивая, берем
мир
в плен.
Время оседлывая, кривим
бег
лун.
Смертью беременная, вершим
твой
план:
Ускориваем! да, ускориваем!

Голоса сухопутных машин новейшей конструкции

Тому, кто нас вынянчил,
В геенне нас выклянчил —
Скрорщ!
Скрорщ!
Кому наши гусеницы —
Внучата и крестницы,
Скрорщ!
Скрорщ!
Кто вдунул в нас заново
Монаду бензиновую —
Скрурщ!
Скрурщ!
Чьим именем грезили,
Пыхтя, наши дизели —
Скрурщ!
Скрурщ!

Церковный политик, *с тротуарной тумбы*

Неодолимые! Необходимые
В атомном веке!
Неумягчаемые! несгибаемые
Стальные боги!

Скрежет металлических существ сменяется мерным шагом пехоты.

Гимн

Мы защити-им
последней каплей крови

Наш мир, наш холм
из булок, туш и сдоб...
Топ-топ.
Мы говори-им,
сурово хмуря бро-ови:
Прочь руки, враг! Мы — буря, мы — потоп.
Топ-топ.

Запевала

Ох уж, ох уж... ох уж, ох,
Этаких не видано:
Каждый — сокол, каждый — жох,
Всем атомки выданы.

Пехота — *хором*

Нам
сам
черт не брат:
Им — могила, нам — парад.

Запевала

Проутюжу, растопчу
Фукалку да фыкалку:
Арарат нам по плечу,
Океан по щиколку.

Пехота

Перепрем, как на парад,
Эверест да Арарат!

Световой зигзаг прожектора выхватывает из огнистого марева на горизонте шпили высотных зданий в городах присоединенных стран, глыбы крепости на отдаленном Востоке и, метнувшись вдаль, — уже не прожектор, но луч других миров — ширяет в нижние слои мистерии. Там — не в Друккарге, но в иных шрастрах античеловечества, на миг озаряются, друг за другом, разъяренные морды чужеземных уицраоров.

Уицраор Стэбинг, *увенчанный золотым кубом*

Гагтунгр! Ты требуешь
моей содружественности
с врагами,
Но Жругр подтачивает мне,
обескровливает
естество,
Лай-Чжой беснуется
под бронированными
берегами,
Он воет в бешенстве
от мироводительства
моего!

Ненавижу его, Гагтунгр,
Ненавижу.
Унавожу им грядущее!
Унавожу.

У и ц р а о р У с т р, *в короне из темно-фиолетового камня*

Его распластываемыми
щупальцами
уже подорваны
Стальные проволоки,
соединяющие
материки,
Он хочет сделать
своими всасывающими
органами
Мои, отторгнутые им от туловища,
порожняки.
Я сам отторгну у него порожняк,
о, отторгну!
Я ниспровергну его, Гагтунгр,
ниспровергну.

У и ц р а о р У к у р м и я, *еще не коронованный, со львиным лицом*

Он сделал призраком
воссоединение
моего народа,
Он, колпаком своим перекрывающий
треть страны;
Он здесь, в Мудгабре моем,
уже осмеливается
для парада
Являться в мантиях
героической
старины.
Ты груб и тверд со мной, Гагтунгр,
очень грозен уж,
Но я не раб тебе, Гагтунгр,
рву союз наш.

Световой зигзаг гаснет.

Тревожный г о л о с ж р е ц а *в черном кристалле Цитадели*

Прикрой металл свой цветами рая,
Дюраль ли, медь ли;

Основу, светлую, как солнце мая,
Надень, не медли!

Шепот в ареопаге

— Уже закончено. Иглу отбросили.
— Уже завинчено. Фату привесили.

Низкие басовые гудки заводов. Кажется, будто органист пытается изобразить мелодию вальса на самой низкой из октав. Высотная часть Цитадели раздвигается, опять являя Автомат. Лицо его укрыто маской цвета беж. Рот растянут в неподвижной улыбке. На голове — венок из красных цветов чудовищной величины, похожих на пятиконечные звезды. На площадях — возгласы удивления и даже некоторой тревоги.

Автомат, *сладким голосом*

На сегодня закон в том
(Тили-тим! Тили-лим! Тим!),
Чтоб слегка помогать тем,
Кто пустил нас к себе в дом.
Этим мы обличим ложь,
Будто строй наш хорош лишь
Нам самим...

Внезапно все кругом вздрагивает от толчка, не сравнимого ни с чем предыдущим. Видно, как оседают горы пограничных рубежей. Несколько зданий в Городе дают трещины. Часть механизмов останавливается. Через проемы, образовавшиеся в горах, начинает вливаться блистающий поток, подобный лаве.

Автомат, *отшатнувшись вместе со всей Цитаделью*

Как! Ворвались?!. уж прут вброд...
Но ведь это же сон, бред!
Быть не может! Тевтон... бритт...
Как? Француз?! Здесь и ты, Брут?!

Вместе со всем городом вздрогнула и крипта. В эту минуту, кроме Экклезиаста, там находятся Ректор, Девушка и Молодой интеллигент.

Голоса в крипте

— Что это, взрыв?
— Стенобитный таран?..
— С Землею столкнулся Марс?

Ректор

Очевидно, надумал проклятый тиран
Какой-то нелепый фарс.

Экклезиаст

Нет. Рулевые западных стран
Переменили курс.

Голос Даймона

Взгляни на Жругра. Он в мета-уран
Забронировал свой торс.

Действительно: в центре того слоя, что служит ареной уицраоральных битв, высится Жругр. От его тела и пульсирующей головы мчатся красноватые, мелко вибрирующие волны. Извне вторгаются чужеземные уицраоры — четыре, пять, шесть. Их волны, мутно-оранжевые, рыжие и коричневые, напирают на сферу, охваченную волнами Жругра, заставляя ее окружность прогнуться внутрь. Пульсация Жругра усиливается, цвет его волн становится винно-красным.

Голос Жругра

К оружью, игва и раругг!
Враг
прет!
Перехитрил, опередил...
Вскачь,
в бой!..
Экстракт гагтунгровых лучей
прячь
в грот...
На помощь, демоны! Вставай,
Лай-Чжой!

Срок великого сражения настал. В слой Друккарга врываются войска игв из других шрастров. Они рвутся к кольцевой крепости, окружающей столицу. Навстречу устремляются существа, схожие с кентаврами, но крылатые, буро-черные. Это — раругги, разумная конница Друккарга. Следом, на механизмах, напоминающих вертолеты, несутся мышино-серые игвы. Мелькают измышления техники, развивавшейся в других условиях, чем наши, но по схожим путям. Начинается световая какофония. Огнеметы скрещиваются с огнеметами. То вертясь друг возле друга, то переплетаясь в борьбе, раругги и летательные машины превращают пространство в арену неистовствующих множеств, как бы взметенных усилиями двух бурь.

На улицах среднего слоя — замешательство

— Черт... А мы-то рассчитывали...
— Якобы дом заплатывали...
— Все об отсрочке сетовали...
— Разум врагу запутывали!

Главнокомандующий

Вальс отменить. Предельно сжать
темп
сроков.
На пост, к оружию — любой
чин,
ранг.

Пять мигов дам: по проводам
пуск
токов;
По городам — в рог! в рупора!
в медь!
в гонг!

Со всех сторон вздымаются завывающие голоса сирен и, поднимаясь хроматическим ходом почти до визга, спускаются до бушующего рева.

Наместник, *выскакивая на балкон Цитадели*
Предводитель орд
Нагло разорвал
Напрочь договор
С ним.
Этим еще раз
Вытравлен и стерт
С хищных его черт
Грим.
Братцы! Пепеля
Кровли и дворцы,
Рвется истребить
Он
Мирные поля,
Ясли детворы,
Утварь и стряпню
Жен...

Тайные голоса человеческих мыслей
Оптимисты
Тем лучше: напали первыми,
Да мы-то покрепче нервами:
Там — козлища, здесь — овны,
Обижены, невиновны.
Скептики
Никого винить нельзя:
Сами перли, всем грозя,
И спугнули всех кругом...
Загорелся кошкин дом.

Шум отдаленного сражения по всему полукругу горизонта. В гомоне на улицах с трудом различаются отдельные вопли, крики гнева, злобы, иногда — странной радости.

Наместник, *собравшись с духом*
Пусть дробит народ
Скулы вражьих рож

В студень... или в беф,
В плов!..
Ухо насторожь,
Глаз прикуй сюда:
Ждите огнемет
Слов.

Фанфары.

Энтузиасты
— Посрамит упирающихся!
— Пригвоздит усмехающихся!
— Вдохновит задыхающихся!

На этот раз Автомат показывается в остроконечном шлеме, с мечом в одной руке, с автоматической винтовкой — в другой.

Автомат
Нынче, братцы, задач пять.
Стать столбом; ни на метр вспять;
Пункт второй: расчищать путь;
Третий пункт: нагнетать прыть.
Пункт четвертый: шагать вдоль
Всех руин, по пятам, вдаль;
Пункт последний: дождем пуль
Шваркнуть тушу врага в пыль.

Глухие аплодисменты.

Благонамеренные
— Будто покойник воскрес.
— Мудростью мир потряс...
— Это, скажу вам, сюрприз!
Люди-циферблаты, люди-авиабомбы, люди-громкоговорители
Программа — ясней ясного!
Заряд для ума косного,
Восторг для бойца честного...
Капут для врага гнусного!

. . . .

. . . .

Голоса чужеземных уицраоров
— Равно сильны,
равно упорны армии...
— В лаво-морях —
бой кораблей
шрастр...

— Ты — жгучей всех,
ты — впереди,
Укурмия!
— Но без тебя
я бы погиб,
Устр!

Голос Жругра

Я вашу мощь
мерю на вес.
Знай:
Вниз миллиард
сброшен до вас
мной.
Всех захвачу, как в старину
змей...
Сам заточу
вас в равелин
мой!

Голоса игв

— Кто-то гигантский веет над ними.
— Сзади — второй, как левиафан...
— Вон еще третий... Блещет, как знамя,
Как светожар! световой тайфун!

Голоса демиургов

— Братья! Он верен гагтунгровой школе
Всех побежденных
метать на Дно...
— Все его туловище — в ореоле
Волн,
пурпуровых,
как вино.
— Да,
Но парализующим полем
Тело чудовища окружено.
— Пламенность
Целенаправленной воли —
Наше оружие — только одно!

На помощь Друккаргу взмывают Ангелы мрака с рубиновыми крыльями и темно-серыми ликами. Им преграждают путь Даймоны и Серафимы.

Голос Яросвета

Следом, мои просветленные, следом,
Через кипящее озеро смол!

Голос Императора-искупителя

Мы прорубаемся к кариатидам,

Спуск расширяем
в первый шеол.

Голоса Синклита

— Древним грехам
и новым обидам
Испепеляющий миг пришел!
— Демон порога пал! Над проходом
Тысячелетний базальт задрожал!

Яросвет

Вырвать из ножен мечи волевые!
В путь —
невесомо, по пламенам.

Голоса Синклита

— Благословенны труды вековые,
Это оружье творившие нам!
— Вон они — те,
чьи спины и выи
Давит багрово-красный портал!
— Слышите, слышите — в крепости словно
Стал голубее, синей цвет скал!
— Видим сиянье пресветлой Навны
Сквозь циклопический свод, сквозь вал!

Голос Императора-искупителя

Ярус над ярусом — точно гроба...
Ряд исполинов — справа и слева...
Вижу вас, великаны-рабы!
Вижу вас! Слава!

Голоса кариатид

— Внук!
— Сын!
— Правнук... дед,
о нас
сетующий!
— Брат!
— Друг,
второй век
за нас
ратующий!

Император-искупитель

Сбросить, расторгнуть, разъять вашу цепь,
Ношу страдания —
Это мечта моя, долг, моя цель,
Смысл, оправданье!
То, что немыслимо было вчера,
Карму любую,

Цепь Иоаннов, узел Петра
я
разрубаю.

Оковы кариатид рассыпаются в прах. Руки приподнимают циклопические плиты и предоставляют их воздействию собственной тяжести.

Голоса Синклита
— Рушатся глыбы и шумом туманным,
Оползнями осел архитрав.
— Блики лазоревые по колоннам
Брызнули изнутри, заблистав.
— Игва Верховный в капище тронном
Вздрогнул, двурогую чашу прикрыв.
— Он, как и встарь, при спокойствии
стройном,
Мнит,
что в служенье Гагтунгру
был прав!

Голос Яросвета
Разбрасываю.
Опрокидываю.
Наконец-то
Я достиг до тебя, любимая,
я вхожу!

Большая часть крепости распадается. Ликующее голубое звучащее сияние взмывает и разливается над Друккаргом.

Голос Навны
Здесь я, здесь я...
Сестрой ли, невестой ли
Я звеню, я струюсь... я кружу...
С вами, дети Небесной России,
В вашей радости, в вашей душе!..
Но телесные жгучие силы
Еще замкнуты в темном ковше.
Помогите им...

Яросвет
Страж обезоружен,
Опрокидываю и разбрасываю устой...

Голос Афродиты Всенародной, *глухо и смутно*
Мне погибельно
совершающееся снаружи...
Мои раны кровоточащие успокой!
Все терзания истребляемого народа

Мчатся искрами обжигающими в крови...
Дай дожить мне до обещанного восхода!
Слой приюта, меня ожидающего, назови.

На месте крепости слабо помавают красноватые покрывала каросcы.

Экклезиаст
Сонмы даймонов, схожих с нами,
Но крылатых — таких, как ты —
Поднимают,
как мутное пламя,
ее льющиеся черты,
Ее волноподобную форму,
Всю истерзанную, как пар...
Голос Даймона
В эти сонмы эфирных армий
Долг зовет меня... весь пожар
Видеть сверху донизу — дар мой —
Оставлю тебе. Злой дар!

Голос удаляется. Стены крипты дрожат мельчайшей дрожью. Гул сражения на поверхности земли явно приближается. Гром взрывов становится раскатистее.

Курьер *на перекрестке*
Товарищи! Войск Юго-Востока
Больше в живых
нет.
Но — не беда: до последнего звука
Ими наш гимн
спет.
Государственный одописец
Великий гимн великим спет народом.
Великий вождь вершит великий план.
В великий день великая свобода
Зальет, как солнце, наш победный стан.
Государственный лирик
Здесь до смертной черты — полшага,
Но сквозь бури невзгод и скорбей
Мне доносят родные снега
Стон жены: отомсти — и убей!
Стихотворец-затейник
Как я стиснул ему горлышко-кукушечку,
Накромсал из жира вражьего подушечку,
Распорол ему брюшастую кадушечку,
Размотал ему кишастую катушечку...

Второй курьер
В плен
        гарнизон
                в Северном устье
Недруг сумел
            взять.
Трусов — казним! Уж изъяты для мести
Бабушка, тесть,
            зять.

Государственный одописец, *не унывая*
Великий гнев растет в груди народа.
Сердца великой радости полны.
Мы знаем твердо, что взойдет свобода
Над миром всем, — великий плод войны!

Стихотворец-затейник *все еще бодро*
Эй, ребятки-малолеточки! Смеши:
Трупы недругов водой обледени,
В бойки санки-самокатки обрати
        И — кати!..

Третий курьер, *задыхаясь*
Подлый вожак у Западной дамбы
        Вдруг
            перешел к врагу.
Но ничего: от нашей же бомбы
    Завтра он — ни гугу!

Главнокомандующий
Мало греть энтузиазм,
                дух,
                    пыл;
Мало — рушить на врагов
                    гром
                        булл;
Надо вздыбить по домам
                    весь
                        пол!
По вокзалам расшатать
                    сеть
                        шпал!
Чтобы мраком залило
                весь
                    румб,
Чтоб собрать во тьме тишком
                    полк
                        помп —

В небоскребах загасить
свет
ламп,
Бра, софитов, фонарей,
люстр,
рамп!

Свет в городе гаснет. Обыватели мечутся, натыкаясь друг на друга.

— Что прешь, как баран, парень?
— Ой: встал на мозоль, дурень!
— А хочешь — по лбу шкворень?
— Где спички? в них весь корень.

Обыватели *в квартирах*

— Тьма кромешная, хоть глаз выколи...
— Дали драпа, а на нас — тюкали?
— Вон, намедни, со всех трасс — цокали,
Про победу со всех крыш брякали!

Тайные голоса человеческих мыслей

Благонамеренные

Пусть у врагов успех; но
Им будущего не дано.

Флегматики

Уж как-нибудь... Лишь — бомбы
Не выбрали этот дом бы.

Скептики

Оказывается, мощь — дутая?
Сторонников — одна сотая...

Внутренняя эмиграция

Свобода грядет — на место
Тиранствования. Наконец-то!

Лауреаты

Бумажник...
ЗИС цел...
На дачку:
Пересидим драчку.

Девушка *в крипте*

Я не могу здесь долее!
Я задыхаюсь, поверьте!
Во дни всенародной боли
Бездействие — горше смерти.
Сестрой... в лазарете... в госпитале...
Хоть каплю смягчить страдания!

Ректор.

А нам легко ли, о Господи,

Сорок лет ожиданья?
Смягчайте своим присутствием
Боль тех, кто томится подле!

Молодой интеллигент

Всем ясно, что в годы бедствия
Прятаться в недра — подло,
Но ведь давно замурована
Наглухо эта крипта...

Экклезиаст

Вносили и вносим
в заем суровый
И мы свою горькую лепту.
Жругр доживает последние миги.
Вижу Друккарг в штурме я;
Владыку терзают другие владыки:
Стэбинг,
Устр,
Укурмия.

Но уже не три — пять, шесть уицраоров вгрызаются в плоть недавнего властелина российского античеловечества. Пузырь на его туловище разрывается в борьбе.

Экклезиаст

Гнусно! От тела чудовища
Отпочковалась сумка:
Треплется в струях гноища,
Выпрастывает потомка;
Второе детище... третье...
Хлещут об грунт, как плетью...
Крепнут туманной плотью...
Входят в базальт, как в платье!

Множество недоносков, почти эмбрионов, величиной, однако, с бронтозавров, расползаются по Друккаргу.

Голос Укурмии

Видите, сколько тиран
их нес?
Он их готовил для стран
всех нас...

Голос Стэбинга

Их уничтожим потом,
чтоб вниз
Ухнул сперва сам отец,
сам бес.

Жругр, *борясь*

Мнишь себя правосудием?
Лжешь, будто я — тиран?

Тля! Одолей орудие,
Раньше, чем хитить трон!
Что вами движет, хищники?!
Жажда красной росы!
Только за ней и рыщете,
Демиурговы псы!

Сражение охватывает все пространство Друккарга от рухнувшей крепости почти до великого капища. Пятна подземных луч закрываются бешено проносящимися клочьями. Среди воинства Синклита сражаются: тот, кто был Прозревающим, Император-искупитель, родомыслы прошлого. Рыцарь-монах...

. . . .

Голос Яросвета

Красный чертог Великого Игвы
Я оставляю огню —
до тла.

Голоса праведников прошедшего

— К нижнему капищу путь прорубаем,
Светом слепим очи химер.
— Воющим сворам, лающим стаям
Путь отрезаем в темень пещер.
— Скоро крестом прикоснемся к устоям,
К сумрачным стенам новых гоморр.

Голоса родомыслов прошедшего

— Сходим к борцам, омраченным прежде:
Души их вспыхивают у рубежа.
— Медленно приподнимаются вежды,
С крепнущих воль пропадает ржа.
— Волю крепим их дважды и трижды,
Первые проблески сил сторожа.

В небе вспыхивают сотни осветительных ракет. Гул смятения.

Главнокомандующий, *стараясь забиться в тень*

Все укрыть от вражьих глаз:
склад,
штаб,
Штольни, капища, цеха,
клуб...
Чтоб
Каждый чувствовал в руках
лишь
штык
И врагов им пригвоздил
сто
штук!

По артериям их войск
гнать
тромб!
В устьях трасс нагромоздить
кряж тумб!
Сверху слать на каждый метр
град
бомб...
Приналяг, ядрена мать!
Множь
темп!!

Крики *на Центральном фронте*

— Гибель, товарищи! Небо — в пламени...
— Прячьтесь, коль буря сметает крылом...

На Северном фронте

— Нет больше, брат,
правды за нами!
Шпагу разламываю пополам!

На Южном фронте

— Правда иль кривда — даже без знамени —
При, удалая башка, напролом!

Северный фронт прорван. Обороняющиеся под командованием маршала скапливаются в Речном форту.

Маршал

Хо! Устоим. Нам — не впервой.
Пусть сыроват
склеп,
Будет зато
все под рукой;
Порох, бензин, хлеб.

Форт блокируется наступающими. Захваченные потоком отступления бросаются по магистралям к центру города. В тылу — паника.

Горожане

— Где наш баул?..
— Брось барахло!
— В горы! в аул!
— К тетке в село!
— В складе загреб
Три банки сгу...
Уж хоть потоп,
А сберегу!

— Хоть бы для вдов
Дали авто...
— Нет поездов...
— Всюду не то...

— Бедная Русь!..
Я надорвусь!..
— С этим мешком
Сто верст пешком?!

Возня в высотных зданиях

— Но как же... куда же... где же...
— В провинции? Там невежи...
— В колхозы? Небольно дюжи...
— В Сибирь? Холода...
О, Боже!

Злорадные крики отступающих

— Ага! обожгло! прячетесь!
— Эге! под обвал тычетесь...
— Гы-гы! на скаку мочитесь!
— Ошпаренным клопом мечетесь!

Главнокомандующий

Люди! Граждане всех дыр!
вер!
каст!
Южный пригород наш пал,
взят
мост, —
Неужели патронташ стал
пуст?!
Стой, ни с места!.. Растопчу!
Трус!
Глист!

Члены ареопага, *перевешиваясь через перила*

Враг прет? Растоптать нечисть!
Из списка живых вычесть!

Крики

Нам — тыкать штыком в танки,
А сами — кишкой тонки?

Наместник

Стоп, назад... Куда?
Марш, изменник, в бой!
Я вам покажу
Тыл!
Я швырну туда,
Где лишь черт кривой

В стуже до сих пор
Выл!

Крики

Сами швырнем. Кончен твой день!
В пекле доскажешь свою дребедень.

Наместника хотят стащить с террасы. Ему удается юркнуть в глубь Цитадели.

Вопли толпы

— Сдавайтесь! каты, злодеи!
— Орда кровопийц! Халдеи!
— И так ради вашей идеи
Подох миллион людей!

Голос Укурмии

Все еще бьется? все еще живы
Двадцать, пятнадцать из тысячи рук?
Воины! Рвите присоски державы!
Черною кровью залейте порог!

Игвы чужеземных шрастров

Швырком от окрайн —
со многих сторон —
Громыхаем
железным
тигром.

Эхо в наземном городе

— Wir kommen vom Rhein.
— Nous venons de Rhône.
— From Ohio.
— From Themse.
— Del Tibro *.

Пение в отряде изгнанников отечества, *сражающихся на стороне международных армий*

Скитальцы, изгои, дети вины,
Единому верны условью:
С России смываем пятно сатаны
Кровью.
Кто волею бросил себя в водоверть —
И жизнь, и любовь, все малость!
Лишь ненависть наша сильней,
чем смерть,
Чем жалость.

Цитадель безмолвствует.

Толпа у ее стен приходит в ярость. Летят камни. Пулеметные очереди отбивают от ее цоколя мраморные осколки.

* — Мы с Рейна, мы с Роны, с Огайо, с Темзы, с Тибра — разноязычные возгласы. — *Ред.*

— Попрятались! У, р-рожи!..
— Давай-ка, братва, строже:
Пальни с батарей, друже!
— На штурм! не жалей грыжи!

Но именно в эту минуту, неизвестно каким образом и откуда, здание на глазах у всех облекается в броню. Ни щелки, ни скважины. Вместо стен со множеством уступов, террас, окон, перед народом оказывается глухой трехсотметровый конус с закругленной крышей. Камни, пули, даже снаряды задевают его лишь по касательной и уносятся в пространство.

Обескураженные голоса
— Колдуны! — Это он, — ирод!
— Околпачил нас...
весь город!..
— Охмурил, а когда ж сдохнет?
— Он в убежище, знать, дрыхнет.
Другие голоса
— Рано запели, пташки:
Как бы не съели кошки...
— Эй, оглянись: с вышки
Прямо на нас — пушки!

Мощный залп батарей Речного форта. В толпе образуются зияющие пустоты. Народ шарахается в стороны, оставляя сотни убитых на мостовой.

Голос маршала *в Речном форту*
Спасемся еще. Окрепнем!
Вышибем клином клин.
А сгинем — так дверью хлопнем:
Семь бед, но ответ один.
Разговор в крипте
— Странно: все тягостней ночь лихая,
Давит на грудь неимоверный груз...
— Слышите: гусеницами громыхая,
Мчатся машины ущельями трасс...
— Это — другая, не наша стихия,
Будто наречья неведомых рас...
Ректор
Просто — удушье, биенье крови,
Шум неумолчный в ушах...
Вон уж и смерть в этом каменном чреве:
Алые нимбы цветут на свечах.
Экклезиаст
Мы и не ждали праздника:
Вторая Стража иссякла,

Но кровью, огнем и казнями
Багрится начало цикла.

Голоса Синклита

— Мы расширяем вход в катакомбы,
Стража безумствует, боронясь.
— В чадных застенках жертв гекатомбы
Взору открылись, с мраком слились.

Экклезиаст

Годы, залитые черным горем,
Грозная перечеркнула заря,
Слышите — лязгают двери тюрем,
Гудом гудят лагеря,
В каждом бараке, каждом БУРе
Освобожденные плачут навзрыд;
Дух потрясен...

Голоса Синклита

...оглушающей бурей
Встретит вас опустошаемый град.
— Но не опасны ни ветры, ни море,
— Ни пламена, ни уран, ни иприт.
— Тот же, чья жизнь сократится —
в просторе
Вышней России
свой храм довершит.
Наши неугасимые зори
Встретят его у порога в Синклит.

Скрежет взламываемых дверей. Голос командира *одного из подразделений международной армии*

Лестница в затхлое это пространство
От крови еще влажна...

Ректор

Гость! твое боевое убранство
Огненным орденом освободителей
Расцвесть должно!

Другие

Не мстителями, не завоевателями —
Друзьями нам быть дано!

Командир

Рад вам помочь; но Цитадель
Не доконать ничем:
Конус ее, облеченный в сталь,
Стал совершенно нем.
Тигром зато
грозит и рычит
Маршал в Речном форту:

Мы полагаем, он замолчит
Только с землей во рту.
Каждый поэтому из катакомб
Может в наш легион.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Я отрицаю этику бомб!

К о м а н д и р
Ах, вы — пацифист... Пардон.

Р е к т о р
Позвольте представиться: доктор,
Член академии. В полк
Мне не к лицу. Руководство газетами,
Школами — вот мой долг.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Воздух горячими струями прыщет,
Пол из-под ног ускользает... Иду...
Вот она, воля! Боже, как блещут
Светочи смерти в этом аду...

Э к к л е з и а с т
Теперь разойдутся врозь
Дороги наши надолго.

Д е в у ш к а
О, нет! Вы — прочная ось
Общего дела и долга.
Сестрою, на фронт, в народ
Рвалась я совсем недавно;
Теперь же слышу: зовет
Освобожденная Навна —
Нести ее весть, как вы, —
Калекам, сиротам, детям...

Э к к л е з и а с т
Пусть так. Ущелья и рвы
Начальным лучом осветим.
Нам быть суждено мостом
В Небесную Русь.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Я с вами.

Р е к т о р
Прощайте, друзья. Потом
Сойдемся в будущем храме.

Э к к л е з и а с т
Хаос... Бушующий Шаданакар!
Схватка и вопли двух зол, двух кар...

Г о л о с Ж р у г р а
Рвусь на куски... сворачиваюсь...

Застит глаза кровь жертв...
Я ль не вочеловечиваюсь
В богатырей всех битв?
Я ли не оборачиваюсь...
Я не **могу** быть мертв!

Укурмия

Станешь!

Жругр

Пусть; но в Уппуме я
Окрепну для битв опять,
Потомков твоих, Укурмия,
Разгрызть... пожрать...
смять...

Демиург Северо-Запада, *парализуя последние силы Жругра*

В Уппум, исчадье!
Мощь твою поправ,
Тебя швырнем в твой собственный прорыв!

Жругр

Я жив... я тверд!
Саругги, в бой...
Я жив...
О, поддержите!..
Падаю стремглав...

Крик переходит в вой нечеловеческой тоски, ярости, в вопль сознания, внезапно постигшего нечто, более пугающее, чем любая смерть. Укурмия иссекает сердце Жругра. На мгновение вопль заглушает все, потом начинает стремительно гаснуть, судорожно вскидываясь на секунду: ааа! а! — и гаснет окончательно.

Голос Карны

Русские, слышите?
Крунами мрака,
Все уменьшаясь, кружится он
В жерла, откуда ни крика, ни знака
Не долетит до скончанья времен.
Мертвое море миров непробудных
Давит свинцом усыпальницу ту,
Милость и жалость богов добросудных
Снидить не властна за эту черту...

Стэбинг и Устр

— Мне это сердце! мне!
— Нет, мне!
— По очереди... — Нам — всем трем.

Укурмия

Ни мне, ни вам — никому.

Стэбинг

В огне
Заслуга моя!.. мой гром
Ударил в тот первый час,
Когда...

Демиург Северо-Запада

Но права и долг
Постиг лишь один из вас —
Укурмия: лев — не волк!

Демиург рассекает сердце Жругра на мелкие куски. Струи крови прожигают пласты насквозь. Вверху, в наземном городе, кажется, будто в почве образуется внезапно множество дыр, похожих на воронки от бомб, но лишенных дна. В то же мгновение тысячи человеческих и человекоподобных существ выволакиваются невидимою силой из подвалов и убежищ, выхватываются из уличной толпы, точно прикрепленные нитями к исчезнувшему гиганту, они против воли волокутся к воронкам.

Вопли уносимых

— Почему же — я?..
— Почему же — мы?..
— Дай задержаться...
— Хоть притулиться...
— Ой, ухватиться!..
— Ай, зацепиться!..

Укурмия

Потому что вас нет и не было:
Вы — только присоски того, кто жил.

Уносимые

— Выскальзывают углы...
— Выерзывают столбы...
— Отшатываются стволы!
— Откатываются дома!!

Холодные голоса демонов возмездия

— Градоправительствовавших.
— Мироводительствовавших.
— Вину принявших.
— Брато-тиранствовавших.
— Брато-предательствовавших.
— Брато-растливших.

Один из окружающих город холмов внезапно раскрывается и из него, сам собою, выезжает Автомат. Очевидно, он был переведен тайно из Цитадели в загородное убежище по засекреченным туннелям под землей.

Т о л п а, *оправившись от изумления*

— Э-э-э... Вот-т он где-е-е!
— А-а-а... Вот-т он куда-а-а...
— О-о-о!.. Вот-т он кто-о-о...

Сопротивляясь движению, Автомат пытается ухватиться за деревья, но его чудовищные руки вырывают деревья с корнем. Он цепляется за углы домов — дома сдвигаются с места, стены рушатся. Невидимая сила то и дело заставляет сворачивать к воронкам, чернеющим по сторонам шоссе; все они оказываются недостаточно вместительны.

Т о л п а, *сбегаясь со всех сторон*

Вот он, вурдалак! вот он!
Кровью наших душ питан!
Дьяволом самим сватан!
Ладаном, как бог, кутан!!

А в т о м а т

Детки, зачем — в раж?
Я вас спасал, вы ж...
Детки, я весь — ваш!
Я еще бодр... свеж...

Автомат натыкается на крутой подъем дороги и с оглушительным лязгом обрушивается на магистраль.

Т о л п а

— Бей, братва!
крой,
жмурь его!
— В потроха!
в фарш,
в варево!
— Выжимай
кровь —
сукровицу:
Вдруг вильнет,
вдруг
выкрутится!

А в т о м а т

Дзынь, всезакон в том,
Чтоб... изувер! хам!!
Втиснуть в один том,
Бряк, тарарам, бам...

Способствуя невидимой силе, толпа с ревом волочит Автомат вдоль улицы.

— Бей! ату!
В печь
доменную!

— Об плиту
хвать
каменную!
— Вон об тот брус
тресни-ка!
— Об углы
трасс
хрясни-ка!
— Пусть хлебнет
жизнь
сладкую...
— В говносток!
в мразь
жидкую!!

Автомат

Дзынь... всезакон в том...
Скот! Ренегат... гад!!
Дрыг... тарарам... ром...
З-звяк!!!

Механизм разламывается на части. Оттуда выюркивают несколько дымных образований, похожих на огромных насекомых. Ухватив подобиями рук тусклые, слабо светящиеся комки, схожие с пульсирующими сердцами, они пытаются забиться в щели руин.

Отдельные голоса

— Не то это, брат, не то...
— А крепости — хоть бы что!
— Целехонька, как гора!
— Броня — как из серебра!
— А дьявольский Речной форт
Стоит, подбочась, как ферт...
— Оттуда за залпом залп...
— Там маршал застрял, как столб!

Голос маршала

Приветствую! молодцы,
Что бросили в прах уродину:
Теперь вы и я — борцы
За родину!
Ко мщению кличет она,
Одна — надо всеми зонами;
Пусть щерится вся страна
На недругов — партизанами!

Говоры вполголоса по углам

— Народные достижения

Захватчик попрал.
— Убьем!
— Во имя освобождения
Хоть вилами! Хоть дубьем!
— Где наши сады, где лозы?
Торчит лишь голая жердь...
— Товарищи, новый лозунг:
Освободителям —
смерть!

Из города в Речной форт прокрадываются по задним дворам отдельные фигуры и целые отряды.

Молодой интеллигент, *Экклезиаст и Девушка, пробираясь из столицы*

Ждал я для Руси
горшие мытарства,
Но другой черед и добра и зла.
Рухнула в ничто глыба государства,
Армия же — здесь.
Партия — цела.

Экклезиаст

Это потому, что Верховный Игва
Держится еще
в капище своем.
Если бы ты знал, друг мой, что за битва
Сотрясает весь
нижний окоем!
Вот его обиталище! вот оно!
Покровами гор окутано,
Спиралями игв обмотано,
Парит, над бездной парит оно!

Сквозь дымные вихри различается опрокинутый острием вниз конус великого капища. Лиловый диск подземного солнца представляется мистической целью, к которой направлено его острие. Три луны в бурно несущихся тучах кажутся мчащимися с непостижимой быстротой.

Голос Великого Игвы

Гагтунгр! я гибну! безмерной массой
Могуч напор их!.. Истощено
Все, что ты дал мне... Враждебной расой
Наполнен город... Еще одно
Мне лишь осталось: священной ракой
Вот здесь хранящееся вино!

Голос Яросвета
Рати! вторгайтесь
лучами
без страха
К первосвященнику дьявольских месс!
Голоса Синклита
— Архистратиг наш к обителям мрака
Мчится с оружием наперевес.
— Токами света сдвинуто капище,
Сорваны пугала песьих личин.
— Хлопают по ветру пестрые рубища,
Строй потаенных машин обнажен.
— Силятся светом слепимые скопища
Скрыть в глубине тайны причин.
— Поздно! Жрецы волокутся по требищу,
Пастырь лжемифа
разоблачен!
Голос Великого Игвы
Разоблачен я?.. Что рядом с вашим,
Мой вышний ум,
Прозревший все — от райских башен
И вниз, в Уппум?!
Великий Игва *впадает в исступление*
Миг настает: моя трансформа.
Уж плоть — как дым;
К тебе, Гагтунгр, к тебе, Фокерма,
Взойду живым.
Погиб Друккарг, но будет новый
Подобный град,
Одет неслыханною славой
Тысячекрат.
Преображаясь, лью прощально
Вино-полынь
В Энроф — по стогнам ближним, дальним...
Аминь! Аминь!

Великий Игва появляется на острие конуса с двурогим сосудом в руках.

Сжав, берегла тебя колба;
рванись,
Пламя Гагтунгра!

Игва выплескивает сосуд в пространство. На вершине городской Цитадели, превратившейся в закругленный конус, появляется Жрец черного кристалла с факелом в руках.

Стань же, Энроф,
Обезжизнен и ржав,
Гол, точно тундра!

Жрец повергает факел вниз, сигнализируя этим Речному форту.

Эхо в войсках *Речного форта*
Эй вы, столицы держав!
Берегись!
Полундра! полундра!

С форта раздается рокочущий гул орудий — жерлами на все четыре стороны горизонта. Становится светло, как днем: по ту сторону разбитых гор со всех сторон встают фантастические зарева. Великие города чужеземных стран дематериализуются. Игва воздевает руки к подземному солнцу Антикосмоса. Материальный состав его тела вступает в великую трансформу. Как бы тая на глазах, он начинает свое вознесение заживо на диск подземного солнца.

Уицраор Устр

Проклятый! выродок миров!

Так пусть

Друккарг сгорит

и станет слой ваш пуст.

Устр распарывает свое туловище, вырывает сердце и, залив его кровью капище, поникает без жизни, подобно опустошенной оболочке воздушного шара. Инфрабазальт капища вспыхивает как солома. Огонь в мгновение ока охватывает Друккарг со всем его населением. Вой игв заглушается гудением огня и гулом разрушения.

В ту же секунду в городе на поверхности земли удар термоядерного оружия обрушивается на Речной форт. Форт и вся сосредоточенная там армия превращаются в зарево — иссиня-белое, малиновое и, наконец, фиолетовое. Земля расседается, Цитадель пошатывается, но удерживается, как монолит. Город прорезается из конца в конец трещиной. Из трещины поднимается нечто, отдаленно напоминающее исполинский туманный гриб; оно как бы раскачивается на своем стебле. С каждой секундой становится отчетливее подобие головы, увитой лилово-черным развевающимся покрывалом. Голова делает мотающиеся, маятникообразные движения, амплитуда их возрастает. Голова ширяет то в один, то в другой квартал, то припадает к земле, то взмывает выше небоскребов.

Голос Велги

Наконец-то хлестнет

в храм

кровь

бешеная!

Выхожу госпожой

к вам

в мир

прошеная.

Войска международной армии звереют

Громим предместья, рельсы гнем —

рвем

в скрежете

Цеха на части — топчем сад —
мнем
пажити, —
— Бей! A la guerre comme à la guerre... *
рушь в крошево,
— Напалмом жги — Brules la terre! **
— Жарь заживо!

Голос Укурмии
Не поглумимся
над погибающими
во брани!
Рабам развенчанного безумия не отомстим:
Тот, кто мечтал об ослепительнейшей короне,
Уже повергнут,
и тьма распластывается
над ним.

Голоса командиров
— Но он — тиран, он превзошел
всех
зверствами!
— Он сам заставил все сердца
стать
черствыми!
— Нерасторжимо здесь с добром
зло
спутано,
В один рыдающий комок
сплошь смотано...

Уцелевшие горожане стараются забиться в самые глубокие убежища.

Крики среди банд, *добивающих сторонников великого государства*
— Конец их игре скоморошьей!
— Весь мир довели до удушья...
— Всех гнали в утробу молошью.
— Пищите ж раздавленной мышью!

Возгласы в отряде изгнанников отечества, *влившихся в международную армию*
— А где ж знаменитый каналище?
— Боже, везде — зола...
— Пылают книгохранилища...
— Соборы, дворцы — дотла...

* На войне как на войне! *(фр.) — Ред.*
** Жги землю! *(фр.) — Ред.*

— Разваливаются заводы...
— С плавилен хлынула медь...
— Прости нас, Ангел Народа!
— Пойми, Пресвятая Мать!

Голос Карны

Больно, владыки судилища! больно!
Уж ни палат, ни садов, ни жилья...
Русь моя! край мой многострадальный!
Распятая надежда моя!
Я ли предчувствий не посевала
В мудрости лучших,
в тоске матерей,
Я ль не пророчила, не предвещала
Лютого мстителя из-за морей?

Голоса Синклита

— Кровь дохлестнула до стен Собора,
До пьедесталов священных лир.
— Горе! впервые — в бликах пожара
Храм Солнца Мира, алтарь, потир.
— Горе! до сердца Шаданакара
Вздрогнуло все бытие,
весь мир.

Голос Стэбинга

Но Цитадель — прочна, как твердь!
Враг
жив,
Пред ним робеет даже смерть,
град
сжав!
Кто вгрызся там в глубинный пласт,
как крот?
Кто там таится во весь рост?
кто скрыт?

Голос Укурмии

Оставь ее! Пусть броневой
тот холм,
Размыв, поглотят времена
в глубь волн...

Стэбинг

Нет! Пусть мне погибель,
муки,
вечный гнет,
Но жить с врагом в одной вселенной?
Нет.

Подобно Устру, Стэбинг вырывает свое сердце, бросая его в пылающий Друккарг. Пламя усиливается во много раз. Материальный четырехмерный слой, в котором пребывало античеловечество России, перестает быть. Кажется, точно диски подземных лун, сорванные с орбит, закатываются за горизонт.

В то же время молния сверхъестественной силы поражает Цитадель наземного города. Бронированный конус разламывается пополам, как ореховая скорлупа. На малую долю секунды внутри мелькает контур чудовищного червя, с подобием черт лица, вздыбившегося винтом. Кажется, что он готов, ища спасения, ринуться прямо на разоблачителей. Но воспламеняется все — его тело, земля, сам воздух.

Нестерпимую для глаз вспышку сменяет тьма, затапливающая весь Средний слой мистерии. Но в Нижнем — в том пустынном мире, где совершались битвы уицраоров, предстает демиург Яросвет. Ничего схожего с человеческим обликом нет в нем; единственное, о чем можно помыслить, это о белом блистании, как бы коронованном золотыми пламенами.

В Навне, видимой поодаль как голубое зарево, едва уловимо намечается абрис женского образа.

То, что говорит Яросвет, выразимо лишь средствами музыки. Это — невмещаемая в словах мука сознания своей вины: вины того, кому был вверен сверхнарод российский и кто, создав некогда род уицраоров как щит от внешнего врага, этим завязал узел великой исторической трагедии. Музыкальное звучание, которым отвечает Навна, говорит об идее искупления. Тогда демиург направляет световое оружие на себя. Совершается нечто, схожее с рассечением груди. Видится так, как если бы освобожденные светящиеся волны ринулись из медленно поникающего, погасающего их вместилища вниз и вверх, по всем измерениям пространства.

Космос метакультуры вздрагивает весь, сверху донизу, Навна склоняется, собирая часть этих кровавых струй в нечто, подобное эфирной чаше.

Видение обрывается. Во мраке слышны новые и новые судороги пластов, подобные землетрясению. Слабее и слабее, глуше и глуше. На фоне мрака возникают несколько слабых красноватых точек огня. Становятся различимы маячащие возле них человеческие тени и завихрения снега, опускающегося вокруг. Уясняется, наконец, что это — пепелище на месте великого города, и уцелевшие его обитатели у бездомных костров. Мрак становится менее густым: это отсвечивает снежный покров, укутывающий пепелище. Посвистывает ветер. Где-то поодаль, то приближаясь, то удаляясь, пиликает гармоника.

Негромкие разговоры у костров

— А не опасен ли этот запах
Из радиоактивных зон?
— Менее опасен, чем в лапах
Очнуться у партизан.
— Поменьше бы растабарывали,

Блюли б
свой долг...
— Пораньше бы капитулировали:
Тогда б
    был толк.

Голос пьяной женщины, *вдалеке*

Бусы мои чистые,
Кровь осатанелая,
    Стан молодой!
Пестовали красные,
Чествовали белые,
    Жмет
        любой.

Шпана, *слоняясь с гармошкой по пустырям*

Господа-товарищи,
    Не хнычь по теплу:
Вон — на пожарище
    Ляг в золу!
Стен больше нету,
    Любись, где лежишь:
Впоказ белу свету,
    Гол, как шиш.

Проститутка

Улица-обочина
Бомбой разворочена,
Да мне-то
        что?
В воронке обласкаю
Хоть — трех,
            хоть стаю,
Хоть —
      все
        сто.

Еще женщина *визгливым голосом*

Я милого-хорошего
Изрезала на крошево
Да в печь молодца.
Любил борщок с ветчинкою,
Да сам стал мертвечинкою,
Вкусней
      холодца.

Хохот, двухпалый свист.

Трое из катакомб, *быстро проходя*

— Чудовищно. — Да, но мелко.

— А я осуждать не берусь:
Они ли виновны, коль Велга
Взвихрила дурную Русь?

Приглушенные голоса мальчишек

— Братва! по сигналу — бунтом!
— Мост выгорел... Вброд, Серьга!
— Не видишь — вон капитан там?
— Уж я-то устерегу...
— И — треснем по оккупантам!
— За р-родину! месть врагу!

Отряд завоевателей, *маршируя среди времянок*

Великою кровью отстранены
От мира горшие беды:
Грозившие сделаться явью
                    сны
Лжеправды и лжесвободы.
Недаром преодолевали мы шквал
Атлантикой и Средиземьем,
И жертву принес, кто в битве не пал,
Душою,
        раной,
              безумьем.

Женщина-мать

Что мне до ваших посул и расплат?
   Что до бездушных держав?
Первенец, сын мой, отрада, мой плод,
   Мог бы и нынче быть жив!

Другая

Глянь-ка в обугленный этот сарай:
   Видишь? Молчишь?
Понял, Иуда, что всякий ваш рай —
   В крови до крыш?

Третья

Все по частям собрала, стерегу,
   Складываю на песочке:
Правую ножку найти не могу,
   В синем носочке.

Еще женщина

Был бы не лживой легендой Христос,
   Мой бы супруг не погиб:
Он бы впивал аромат моих кос,
   Дрожь моих губ...

Молодой архитектор

Рыдают о людях. Но люди бессмертны.
А вот гениальное зодчество?..
А фрески Рублева? Боже, безмерны
Отчаяние и одиночество.
Молиться — кому?..
О, проклясть бы грозы,
Лобзать бы неутолимо
Ту пыль, что вчера была каменной розой
Кремля... Акрополя... Рима...

Пожилой интеллигент

Над остывшим пеплом России
Лишь беснуются черти вскачь...
Упади на камни святые,
Если ты человек, и плачь.
Вспоминай легкокрылые зданья,
Холст шедевров и звон поэм,
Ты, кому в погибших созданьях
Брезжил Китеж, Олимп, Эдем.

Старый ученый

Удар был вычислен четко:
Да: прямо в душу страны.
С какой сатанинской чуткостью
Нашли ее с вышины!
В бесценные книгохранилища —
Мне свят даже этот звук —
В излюбленные обиталища
Культуры — искусств — наук.

Человек трезвых взглядов

О чем распустили нюни-то?
Не вашей наукой разве
Сто тысяч чертей переплюнуто?
Все человечество — в язве?

Ученый

Позвольте: виной — не народы ли?
Наука-то здесь при чем?
— При том, что вы ее продали,
Струсив перед палачом.

Ученого окружает группа беспризорных

— Дяденька, дай сухарик.
— К сожаленью, мой милый, нету...
— Врешь ты! Видать по харе,
Что утром сосал конфету!
— Ребятки, я голоден сам...
— А ну, пацаны, наляг-ка!

Полосни его по глазам!
— Отрежь ему зад. Вот мягко!

Ученого убивают. Некоторые части его организма идут в пищу.

Церковники, *подглядывая из-за угла*
— Господи, воля Твоя... Докатились!
Довоспитались
по лагерям!
— Вот уж и вправду — духовный сифилис
Этой безбожной морали... Срам.
— Но ведь и мы согрешили... В безверье,
В блуде ослепли... Вошли в соблазн...
— Недоглядели, как в блеске и буре
Зверь Велиала вышел из бездн!

Сектанты
Естественно. Ложное христианство.
Все вы — антихристовы рабы!
Смотрите на нас: не курим, не пьянствуем,
Не крестим лбы.

Другие
Именно в этом и грех! Необъятна
Пред человечеством наша вина.
Лишь покаяньем смоются пятна
С нашего праздничного полотна...

Возгласы в толпе
— Мало, оказывается, страдали.
— Мало томились в рабьей юдоли.
— Господу будто бы не порадели!
— Ироду будто бы не покадили!

Миссионеры
— С этими нужен новый язык:
Одичали, бедные нехристи.
— Ложь сатанинскую их владык
Как из сознаний выскрести?

Один из бывших посетителей крипты
А как все молились, Господи,
Там, в глухих катакомбах,
Когда на великом деспоте
Свет разливался в нимбах!
Неужто теперь нам кланяться
Демонам царств железных,
Чтобы хоть серая конница
Велгу втоптала в бездну!

Внутренний голос
А ты не предвидел? не знал?

Не ждал и войну, и смуту?
Из двух величайших зол
Не выбрал ли все-таки это?

Взвизги, истошный вой. Поножовщина.
Девушка и Молодой интеллигент из крипты — теперь Сотрудник Экклезиаста — пробираются между бараками.

Девушка

Он говорит, что сейчас — герой,
Кто нянчит детей и подростков.
Но ведь и у взрослых остался порой
От личности только остов.
Кто мог бы в ребят наследье веков
И правду внедрять, изведав
Кругом — визг женщин, мат стариков,
Стеклянный взор людоедов?
Нет, в самую гущу!
к подонкам!
в шпану!
Я только об этом стражду:
Внушать им отвращенье ко дну,
Будить духовную жажду!

Девушка убыстряет шаг.

Сотрудник Экклезиаста

Каждый по-своему чувствует долг.
Я — соберу ребят.
Но страшно за вас: щупальца Велг
Замучат вас, затеребят.

Девушка

Пускай. Моя путеводная нить
Не оборвется при спуске.
Волка бояться — в лес не ходить,
Любят говаривать русские.

Сотрудник Экклезиаста сворачивает к кострам, у которых греются бездомные дети, Девушка — к бараку: сквозь его закрытую дверь слышится треньканье балалайки. Когда Девушка распахивает ее, входя, вырывается пронзительный речитатив частушки.

...Мой миленок хоть не лает,
А устроен, как урод:
По-людски он не желает,
А желает только...

Дверь захлопывается.
На улице появляется процессия кающихся.

Идущий впереди, *прикрыв лицо руками*

...Наш преступный зов витийственный
К новым войнам, новым винам,
Клич борьбы братоубийственной —

Хор

Господи, прости нам!

Идущий впереди

День победы, тьму и блеск его,
Посвист вьюги по руинам,
Жар напалма в очи детские —

Хор

Господи! Прости нам!

В промежутках пения из барака, где скрылась Девушка, доносится ее голос, но слов разобрать невозможно.

Идущий впереди

Сил, — поднять наш искупительный
Крест забот о стане вражьем,
Свет и жар любви целительной —

Хор

Господи! Подаждь нам!

Процессия сворачивает к кострам.
Из барака доносится взрыв наглого, грубого хохота и — опять голос Девушки.

Ректор, *в регалиях Главного Судьи, показываясь на балконе почти совсем разрушенного дворца*

Пусть ни трибуны, ни аудитории,
Сгинул наш дом,
сад, —
Люди! Сама Немезида истории
Шлет нас творить
суд.
Но укрепленные твердою верою
В милость и в доброту,
Мы справедливость привносим скорую
В скорбную роль
ту.
Враг еще множит в подвалах заговоры,
Прячется в глубь толщ,
Но мягкосерд и гуманен наш приговор:
Лишь
восемьсот
тыщ.

Вскрики

— Мало! Он робок, он трус!
— Мало!
— Зев — краснобая, а мозг —
мула...
— Смело карай, депутат!
Смело!
— Чтобы воронье выше туч взмыло!

Возгласы из времянок

— Бросьте... довольно!.. Долой кровь!
— Взялся судить, так добром правь...
— Видно, опять норовит вкривь —
Тюрьмы заполнить битком вновь?

Еще голоса

— Срам, кто рычит на Судью псом:
Он при Тиране страдал сам.
— В тюрьмах свой суп отдавал всем...
— Вникните в суть! не в размер сумм!

Главный судья, *обращаясь к сопровождающим*

Горек удел хитрить и лавировать
Между Харибд и Сцилл.
Радость — в одном: неусыпно веровать,
Что идеал —
цел.

Главный Судья покидает балкон.
В бараке странная тишина.

Двое прохожих

— А видели у костров — юродивого?
— Видел. Чудно!
Осмеивают в народе его
И поделом.
— Но
Везде отыщутся женщины,
Чуткие до чудес...
— Им все равно, что — жемчуг,
Что глина,
что Бог,
что бес.
— Но он заставляет слушать
Всех нас другие слои...
— Э, бросьте. Заржала лошадь,
А вы уж, друзья мои,
Готовы поверить в демона,
Ревущего где-то в аду.

— Понятно: от этого гомона
И сам я точно в бреду.

Из барака крадучись выскальзывают несколько фигур. Девушки не видно.

Порыв ветра из радиоактивных пустынь медленно проносится над крышами.

Молодой архитектор, *присев на груду битого кирпича*

Где-то вот так же
заносят пепел и вьюга
Щебень Парижа, руины Святого Петра,
И не жаль никому их,
и нет задушевного друга,
С кем подумать о «завтра»,
понять и осмыслить «вчера»...

Двое из народной милиции, *входя в барак*

Запляшет любой хулиган,
Раз двум миллионам — помилование...

Долгая пауза.

Те же двое, *выходя на крыльцо*

Двенадцать ножевых ран
И, кажется, изнасилование.

Голос Укурмии

Уицраоры Запада, Юга,
Кто помог сокрушению ига!
Властью новою, данною свыше,
Назначаю вам сроки и ноши.

Голоса чужеземных уицраоров

Один

Невольным данником миротворствующего
Сам обуздал я свою судьбу.

Другой

Язвимый жалом страстей упорствующих
Свой зев кусаю — убить алчбу.

Третий

Влачусь, послушный приказу царствующего,
Не смея плетью вжечь знак рабу.

Укурмия

Вы — гонители Велг, вы — их стражи.
Едините ж усилия строже!
Каждый глыбу отломит от кряжа,
Обоймет ее крепче и туже.

Уицраоры

— Откалываю скалу незыблемую
Ох, тяжела.
Ох, высока!
— Поднимаю громаду вздыбленную —
Два шага,
Три шага.
— Опускаю ношу зазубренную
В щель врага,
В дом врага.

В трещину, пересекающую город, вдвигаются одна за другой циклопические плиты. На месте трещины — площадь и проспект, совершенно гладкие.

Крики в народе

— Песку бы! цемента! гравия!..
— Заклепана пасть Везувия...
— Но, Боже... какою кровию!
— Ценой какого бесславия!

Главный судья, теперь — Председатель учредительной комиссии, *открывая заседание в развалинах дворца*

Достопочтенные господа
Члены!
С разных концов страны
Съехались мы в эти стены
Доблестной старины.
Чтобы народ
в дни глада и мора
Глубже не смог
пасть,
С помощью освободителей мира
Нам вручена
власть.
Мы — представители разных партий,
Мнений, платформ, каст,
И небывалый узор на карте
Общий наш труд даст.

Фырканье в бараках

— Брехун без роду, без племени.
— Фантом переходного времени.
— Марионетка без знамени
В период всемирной темени!

Сотрудник Экклезиаста, теперь — Воспитатель *в крошечном училище, среди группы ребят*

Наш мир — это код. Все факты
Нельзя перечислить в речи ведь,
Но если делать вот так-то —
Материя станет просвечивать.

Один из ребят

Просвечивать? Точно стекла?

Воспитатель

Отчасти. Сначала блекло,
А дальше, с теченьем дней —
Торжественней и ясней.
Когда с души нашей сорвано
Безверье, слепое как мания, —
Раскроются новые органы
Духовного восприниманья.
Уже и теперь для некоторых
Мерцают в узкие щели
Иные просторы и недра,
И духи в светлейшем теле.
Среди природы — успешнее
Можно решить задачу,
И в первое ж утро вешнее
Мы переедем на дачу.

Ребята

— А тот учитель, которого
Вы сами зовете главным?

Воспитатель

— Наведаться очень скоро
Он обещал.

Один из мальчиков, *с несколько странным лицом*

Вот славно...
А то раз меж разговора
Произнес он имя: Навна.
Мне оно знакомо, дядя.
Надо в руки, точно в нишу,
Спрятать все лицо, не глядя;
Пять минут пройдет — и слышу
Ах, такой нездешний голос,
Вижу синеву такую,
Что потом без них мне — голой
Наша жизнь... и вот тоскую.

Ребята

— Он нам рассказывал часто

Про то, что будто бы видит...
— Вы — шляпы! Тут дело нечисто:
Он просто вас за нос водит.
— Какой там «за нос»: вся грудка
Теперь у него пунцовая *.
— А мне его слушать жутко,
Но не запоминаю ни слова я.
— Коль память у вас плохая,
Возьмите по карандашу.
— А кто его будет хаять,
Тому я нос откушу.

Одна из девочек

Знаешь, дядя, иногда я
Вижу с ним одно и то же.

Странный мальчик

Да, бывает. Подтверждаю.
Вот сначала вроде дрожи
Над глазами или в мозге,
Точно входишь в зал театра...

Воспитатель, *мысленно*

В старину б за это — розги,
А вчера бы — психиатра.
Истребляли драгоценный
Дар — росток Святого Духа...

Мальчик, *закрывая руками лицо*

Вот опять... Зазвенела блаженная
Синева, но печально и глухо.
Будто горькие струи багряные
Собирает в чашу Она...
Ах, какая угрюмая, странная,
Вся коричневая страна!

Пауза.

Сам не знаю... С наклонными штольнями
Схоже то, что вижу теперь;
Только сделалось трудно, больно мне, —
Не обманываю, дядя, верь!
Голос светится вроде инея;
В злых пещерах — ряды колонн,
И сияние,
синее-синее,
Тихо льющееся под уклон —
По уступам, где плачут, кружатся,

---

* Покраснение груди — физиологическое следствие, признак самадхи — одного из видов религиозного экстаза. — *Прим. авт.*

Где томятся... А там, внизу,
Что-то ухает, что-то рушится,
И дрожит, как небо в грозу.

Мальчик смолкает.

Становится видно, как едва колеблющийся среди голубого сияния женский образ сходит с кроваво-рдеющей чашей в руках вниз и вниз.

Мальчик

Вьются жадные, темные, мутные,
Отступают... не смеют, ползут...
А по-моему, чудища путают,
Если горя от Навны ждут. —
Ох ребятки!.. Мне открывается
Что-то огненное и без дна...
Знаю! Понял, как называется:
Укарвайр — говорит Она.

Соборная душа народа вступает на поверхность бушующих магм. Очевидно, хозяева этого страдалища пытаются преградить Ей путь с упорством отчаяния. Но рдеющая в Ее руках чаша создает непереступаемое для них кольцо сил вокруг источника голубого сияния. Средний слой мистерии отступает далеко вверх. Чувствуется, как Навна проходит один за другим пояса раскаленных сред — все глубже. Наконец, вокруг оплотневает Пропулк — магма сверхтяжелая, страдалище тех, кто был мучителем народных множеств, а еще глубже багровеют инфракрасные пещеры — посмертные обиталища растлителей духа. Навна высоко поднимает чашу и выливает ее всю. Но то, что было в ней заключено, распространяется вширь и вверх, превращаясь в светящийся туман — сперва розовый, потом золотой. Он заполняет все нижние слои метакультуры российской, от инфракрасных пещер до серых туннелей Шим-Бига. Не слышится ничего, только чувствуется громовой хор Синклита, Ангелов, всех иерархий Света.

Становится ясно, что золотой туман — это мириады живых искр, отделившихся от материальности страдалищ и начинающих медленный подъем вверх.

Голоса даймонов

Светлою манною
Новых рождений
Блещет туманная
Даль восхождений.
Славьте, разъемля
Древние узни,
Выход на землю —
В новые жизни!

Сердце Навны становится звездою. Не видно больше ничего, кроме необозримого множества золотых искр, роящихся в голубом свете, и сияющей звезды в его средоточии. Звезда тихо плывет выше и выше.

Голоса Синклита

Радость! Сквозь пламя
Вин и прощений
Вьется гирляндою
Цепь воплощений.
Узрите снова
Мягкие травы,
Милые кровы,
Мирные нивы...
К славе — от казни,
К жизни — от смерти,
К дружбе — от розни —
Верьте, о, верьте!

Голоса восходящих

Верим и видим:
Близится детство,
Игры и школа,
Зрелость и жатва, —
Верим и видим:
В Душу Соборную
Каждый вплетается
Нерукотворною
Солнечной лентою
К белой милоти,
Белой гирляндою
Жизней во плоти.

Подъем достигает слоя, где длились битвы уицраоров. Яросвет простерт у его порога. Некто, о Ком нельзя сказать ничего, кроме того, что Он — один из Великих Владык Света, влагает в грудь демиурга пылающую звезду. Яросвет и Навна восходят из глубины. Золотые туманы плывут следом, растекаясь и скрывая окрестность.

Голоса людей, *умерших недавно и еще пребывающих в слоях, близких к нашему*

Искры прохладные капель кочующих
Кружатся, реются,
В души рождаемых,
в лоно рождающих
Зыбко спускаются,

Голоса прозревающих *на земле*

А над туманами — видите? слышите?
Всходят по сумраку
Белые звезды, — шелка их колышутся, —
Двое...
рука об руку...

Видение скрывается.

В Среднем слое все кажется по-прежнему: те же бараки, та же ночь. Даже баян слышится где-то в отдалении. Только мелодия как будто изменилась: нет в ней ни заунывной тоски, ни сладострастия, ни удали: простая и человечная, она полна светлой печали и предчувствия чего-то большего, чем счастье.

Молодой архитектор, *в глубоком раздумии*

Сходил я в сумрак убежищ,
Дрожал у жалких костров;
Я слушал кривду судилищ,
Правду детей и вдов.
Им — форум даже в подвалах;
Плуг бед
провел борозду,
И нив, еще небывалых,
Я к новому утру жду.

Бесстрастный голос *с вышины*

Надежда усталым:
Четвертая Стража Ночи
Переходит черту.

Две взволнованные женщины, *быстро проходя*

— За всю мою жизнь... от самых пеленок...
Такого оратора никогда!
Я потрясена была, как ребенок,
Я плакала, веришь ли? да, да, да!
— Красив он? — Не знаю. — Но, все-таки, молод?
— Ах, милая, молодость тут ни при чем.
Но речь его бьет по душе, как молот,
Вторгается в совесть ярким лучом.

Двое прохожих

— Я слышал про сказочную работоспособность,
Про фантастическую быстроту...
— Могу, если хочешь, одну подробность:
Но ты осудишь нелепость ту.
— Какую?
— Он не признает ботинок.
— Что же, сандалии?
— Если б так...

Он ходит везде босиком, как инок.
— Даже зимой? Юродство. Чудак.
— Нет, почему же? это — лишь способ
Чувствовать, что в песке и в пыли
Брезжит, лучится, мерцает, как россыпь,
Слой
живоносных духов земли.
— Ха! ну, а в городе?
— Что ж, на Востоке
Ведь не боятся подобных идей;
Да: мостовая пронизана токами
Тысяч и миллионов людей.
И, как ни странно, вдоль каждой трассы
Этот флюид, расширяя круги,
В нас
От человеческой массы
Входит
через подошву ноги.

Молодой архитектор встретил знакомого. Оба присаживаются на лавочку.

Знакомый

...Утром он — здесь, ночью — в Детройте,
Завтра — в Бомбее, потом — в Шанхае, —
Попробуйте-ка: удвойте, утройте
Нормальные темпы!
Не отдыхая!
— И много последователей нашел он?
— Уж сотни готовы идти на риск.
Он прост, как Ганди, остер, как Шоу,
И всепрощающ, как сам Франциск.

На площади шум. Приближается группа людей, окружив Воспитателя.

Приятель архитектора

Видел и этого. Один из сотен
Последователей,
но о нем говорят.

Архитектор

Я знал его раньше. Из подворотен
Он извлекал чумазых ребят.

Насмешники в толпе

— Кто это шествует? —
Ба!
Тот, чья головка слаба.

— Он про богов
голытьбе
Плел у костра,
как бебе.

Воспитатель, *взойдя на возвышение*

Наследие самое грозное,
Оставленное нам, нищим, —
Не эта полночь морозная,
Не ветер над пепелищем,
Не вскормленная разрухою
За жизнь и за хлеб тревога,
Но пепелище духа
И тень Человеко-бога.

Пренебрежительные возгласы

— А, опять он в гнилую мистику!
— Мыслители старой масти...
— Словесная эквилибристика...
— Божок детворы в предместье...

Воспитатель

Отстроится город заново;
Отстроится все отечество;
Зажжет свое мирное зарево
Трудящееся человечество;
Но чем согреем мирок мы
Сердец, охлажденных с детства
Стужей безбожной догмы,
Гордыни и святотатства?

Говор

— Тьма сгинет в бою коротком
С раскрепощенным рассудком.
— Работа нескольким суткам...

Воспитатель

Ответственность давит на плечи нам.
Каким заниматься трудом,
Глядя в глаза искалеченным?
Невежественным? бездомным?
Взгляните на изуродованных
И школой и страшным детством,
Никем и ничем не порадованных...
Вот подвиг для вас!
Вот — крест вам!

Разговоры

— Вот куда гнет он... Глянь-ка:
Собрал ребятню, как нянька.
— Мордашки у всех, как дыньки...

— Деньги? Откуда деньги?
— Разве дождешься рублика
От наших родных разяв...
— А за морем есть республика:
Не там ли искать хозяев?

Голоса женщин

— Ваши издевки — не метод.
— И ваши ухмылки — пошлы.
— Когда б не такие, как этот —
Вовек ничего б не вышло!

Другие

— Правда. Разве негоже
Пятна позора вывесть?
— Правда. Разве не то же
Исподволь шепчет совесть?

Тот, кто был Ректором и Главным судьей, теперь — **Министр юстиции,** *спускаясь к воспитателю из зала кое-как отремонтированного дворца*

Здравствуйте. Очень рад вас увидеть.
И, конечно, вы правы. Но мы
Скоро забудем про все: и Овидия,
И Берлиова, и мудрость Фомы.
Помнишь ли о каких-либо ценностях,
Если все двадцать четыре часа
Кружишься, мечешься по современности
Белкой, бегущей внутри колеса?
Рок, громоздящий невзгоду к невзгоде —
Ксантиппа, ярящаяся на мудрецов!
И все же — глубоко продуманный кодекс,
Верите ли, скоро будет готов!

Воспитатель

Да: говорят, вы сильно захвачены
Творчеством процессуальных норм?

Министр юстиции

Этой фундаментальной проблеме в придачу
Вниманье мое привлекает и корм
Для детских садов; мы взываем, затронув
Лучшее в человечестве; но
Тридцать,
ведь тридцать,
тридцать мильонов
Брошены на социальное дно!

Воспитатель

Тем более. Пусть мудрейшие,
Ученейшие, достойные,

Такие, как вы, старейшины,
Кто честь не растратил в войнах,
Кто ныне блюдет отечество —
Труд отдадут и творчество
Выпестованию младенчества
И врачеванию
отрочества.

Недовольные голоса

— Зорче за этим смутьяном:
Не даст он, братцы, житья нам!
— Что лепит он из детворы?
— То — помогать крестьянам
Бегут в поля и дворы,
На молотилке, на жнейке
Пыхтят в трухе и в поту,
То строят в лесу на лужайке
«Храм Солнца», «Город-мечту»;
— То слушают, точно постники,
Симфонию, сагу, псалом...
— А вон уже носятся по снегу
С мячиками, босиком.
— Как босиком?! без валенок?!
А ревматизм?!. А грипп?!

Крики мальчишек

— Три года мы не обували ног,
А вот никто не охрип.
— Пари: если будет насморк —
Тогда отправляйте нас в морг.

Научные работники, *внезапно вмешиваясь*

Уже формулируется в лаборатории
(Меня вы, быть может, спугнете прочь)
Фактами вскормленная теория
Об излучениях разных почв.
Для организма, для нервных клеток,
Они благотворны, как кислород;
И весь — от взрослых до малолеток —
Должен разуться
наш народ.

Общий хохот

— Доехал! Договорился! Допер!..
— А может, нам жить
в воде, как бобер?
— Мало ученым дурням — ха-ха!
Детям морозить все потроха;

Нет! В покаяние за грехи
Сами разуться хотят! хи-хи!

Воспитатель

Да: с добрыми стихиалями
Общенье идет на лад:
Природа качает качелями
И холит теплей палат,
Кто будет простым, как голубь
И мудрым, как вещий змий,
Тому отчетливым голосом
Ответят духи стихий.
Вся педагогика будет
Поставлена кверху дном,
И дети по-новому судят
Уже не об этом одном;
Могучий космос истории
Не холоден им, не хмур,
Им внятно певучее море
Культур
и метакультур.
Они — поколенье воителей
На бранных полях души,
Весельчаки и строители,
Мечтатели-крепыши.

Разговоры

— А ручьи-то уже закипели...
— По ночам барабанят капели...
— Говорят, по оврагам в поле
Уже первые птицы запели!

Но не трели птиц, а мощный гул самолетов возникает внезапно над головой. По-видимому, они надвигаются в ковровом порядке. Кажется так, будто плотный покров туч начинает сдвигаться на восток, уступая место тысячам звезд, движущихся с запада. Возгласы изумления и тревоги тонут в рокоте, таком могучем, что в течение нескольких минут он не дал бы различить даже пушечного выстрела. Черные тени, похожие на зонты, появляются в вышине, медленно планируя. Один за другим о землю ударяются огромные ящики. Народ кидается вскрывать их. Небо все еще гудит; новые и новые сюрпризы падают на мостовую; очевидно, они сбрасываются десятками тысяч. Люди сбегаются опрометью. Восторженная, почти ликующая толпа плотнеет вокруг каждого ящика. Среди общего шума можно только разобрать:

— Шоколад! сыр! — креп-де-шин!
— В этом — сто
швейных машин!
— Пылесосы... — Ящик кальсон!!

— Братцы, это же сказка... сон...
— Кружевное белье для дам
(Чтобы не хаживали, как Адам).
— Книги детям: «Король Артур»...
— Целый мебельный гарнитур!..
— Быть не может: разборный дом!!
— Да, да, да, верится с трудом!
— Обстановка — морёный дуб...
— Боже, как я был раньше глуп!
Я ж ругал их, — о, идиот...
— Что за шерсть? — Какой шевиот?

Народная милиция пробует установить порядок. Ее прогоняют. Распотрошив ящики, люди волокут к себе что попало, но груды вещей почти не уменьшаются.

Голоса

— Теперь опериться можно...
— Теперь приналяжем дружно...
— Теперь разграфим прилежно.
— Город выстроим авантажно!

Другие

— И как тщательно: все — в брезент...
— Да, но чей же это презент?
— Неужели вот этот зонт
Подарил мне сам президент?..

Еще голоса

— Бомбят, а теперь — подачка...
— Не верь их сырам, дочка.
— Ох, будет опять стычка,
Чуть дружбу замглит тучка.

Люди в непривычных костюмах появляются среди толпы. Неоновые огни вспыхивают на верхушках бараков и руин.

Гортанный говор

— Хау-ду-ю-ду! — Вражда — капут!
— О, дружба — лучше оков и пут.
— Весьма охотно детя́м врага
Мы помогаем встать на нога́...
— Раса — с расой —
и с классом класс —
Кока-кола — и русский квас!
— ...Уиски, пиво, шато-икэм
Будут с нами —
или ни с кем.

Рекламы и вывески на иностранных языках протягиваются по фасадам сквозь покрапывающий дождик.

Ахи и охи

— Батюшки! любой цвет!
— Матушки! Все алфавиты...
— Вот-те и суверенитет.
— Вот и толкуй о праве ты...

Соображения суеверных

— Братцы, будто посмеиваются
Ветер и дождь над нами...
— Братцы, будто прозмеиваются
Чудища меж домами!

Гедонисты

— Брось ты, вечно с оглядкой!
Просит гулять душа ведь!
— Вот бы пройтись с двухрядкой...
— Или у баб пошарить...

Два частушечника, *пританцовывая*

— Русь, пляши-ка
С выв-вертом:
Гнус паршивый
Вым-мер там, —
Выбирай,
Товар ищи —
Сущий рай,
Товарищи!
— Не вари,
Варвара, щи:
Жалки
Твои чарыщи!
Тлей был, вдруг —
Да в козыри.
Буги-вуги
До зари...

Нескончаемые гудки судов.

Реплики

— Товарищи! Из Европы
Торопятся филантропы.
— Сто пять пароходов в порте!..
— Но... нужно ли столько партий?
— Да-да: приучайтесь, спорьте
Сыздетства, на школьной парте.
— Свобода именно в этом.

— Не то, что было в Москве там...
— Кто хочет в колхоз — в колхозы!
— Кто сердцем хунхуз — в хунхузы!
— А сект-то кругом, а сект-то...
Сто вывесок вдоль проспекта!
— Их больше, чем
всех машин-то...
— Буддисты!
папписты!
шинто!

Хороший знакомый архитектора, *поймав последнего за пуговицу*

А я теряюсь в догадках:
Еще кругом беднота;
Повсюду встречаешь
падких
Дать жизнь за обед; но та
Живая россыпь талантов,
Что блещет повсюду... кто б
Предвидел, что век гигантов
Забрезжит с кровавых троп?

Архитектор

Пока что мы одного лишь
Гиганта видим вблизи.
По правде, если позволишь, —
Мне жаль, что с этой стези
Насмешек, бравад, сомнений,
Ты не в состоянье понять,
Что он — величайший гений,
Наш светоч
и благодать.

Знакомый

Он — гений слова, не спорю.
Но он опоздал. Людей
Не взманят на подвиг
зори
Религиозных идей.
Мне слишком ясна единичность
Таких чудаков, как вы.
Вот в этом — его ограниченность
И — обреченность, увы!
Церковностью мир
сыт
вдоволь.
Нас ссылка на Бога злит.

Калеки ль, сироты ль, вдовы ль
Уверуют в ваш Синклит?
Не нужно фальшивых смет нам,
Где рядом с елеем — тол.
Сознанье стало предметным
И плотным, как этот стол.
Турбины, пластмасса, творог —
Все — четко, все — дважды два.
Кого ж увлекут
в ваш морок
Заумствующие слова?
Мы — те, чьему нраву близки
Туризм, парашют, слалом,
И мы ли,
вместо библейского,
Затянем новый псалом?
Век детских религий прожит...

Архитектор.

Прости: тебе сколько лет?

Знакомый

Мне? Сорок пять... Быть может,
Я выгляжу старше? сед?

Архитектор

О, нет; но я помню вздохи
Лет тридцать назад: точь-в-точь!
Ты — человек эпохи,
Скончавшейся
в эту ночь.

Экклезиаст *выступает с кафедры в большом лектории. Это человек средних лет; он худощав и необыкновенно легок в движениях*

Подобно лунам в новолуние
Переменился знак времен:
Уже готовы слиться в унию
Кто победил,
кто побежден.
Но с истиной несочетаемы
Основы косных государств:
В эпохи будущего
чаем мы
От них тиранств, тягот, мытарств.
В глазах от крови зарябит!
Тот или этот уицраор
Опять воздвигнет Моабит,
Бастилию, Бутырки, Тауэр...

Голоса в антракте

— Именно! Эти левиафаны железа...
— Но в них — оборона от катастроф!
Метафизическая антитеза
Ярости Велг, —
наш щит!
наш кров!
— Вовсе не кров: голова Медузы,
Если прозреть в глубину миров!

Экклезиаст

Неотвратим
от гордых прав
Наш спуск все ниже, ниже, в рабство,
Пока над принципом держав
Не торжествует принцип братства.
Друзья, наш долг преобразить
Сам государственный субстрат:
Ведь стон, мольбы,
все наши зовы ведь —
Лишь о великом слове — брат.
Предусмотреть! Предотвратить!
Предупреждать народ!.. Ответьте-ка:
Глубь государства просветлить
Что может ярче, как не этика?

Говор в фойе

— Но какова же цепочка вех?
— Где путь? в чем подступы к перемене?
— Учитель наметил — один из всех
Реформ последовательные ступени.
— Всеобнимающая
реформа школ...
— Смягченье законов...
— Без многословности —
Путь не Маратов
и Савонарол,
Но Вечной Женственности
и духовности.
— Громоздкое наименование...
— Но крепкое, как лекарство:
Лига преобразования
Сущности государства.

На площади шум. Во дворце открывается съезд депутаций различных стран. Фасад украшен флагами многих национальностей. Народ волнуется кругом, ломится в двери, влезает в окна.

— Ох, тронут старые склоки...
— Весь мир разобьют на блоки!
— Опять в бесконечных спорах
Заронится искра в порох...
— Теперь уж не до риторик
Урок-то был слишком горек...
— Сам наш депутат
о Лиге
Твердит, обещая сдвиги.
— А помнишь — тому лет десять —
Грозили друг друга повесить?
— Теперь-то уже не те там:
Пожертвуют суверенитетом.

Демонстрация, *организованная одной из партий, дефилирует мимо дворца*

Привет
братьям с Запада!
Борцам
тысяч троп!
Наш герб,
наша заповедь —
Союз
трех Европ.
Из душ
время вымести,
Как шлак,
боль обид:
Орел
дружбы вылетел
И туш
горн трубит.
Враги
станут ровнею,
Кто смерть
слал вчера:
Забыть
распрю древнюю
Пора,
друг, пора!

Одно шествие сменяется другим

Где стыл
прах пожарища,
Где жил
встарь тиран,

Дворец
строй, товарищи,
Дворец
Дружбы Стран!
Сверкай,
белый, сводами,
Блистай,
наш сверх-Рим,
Тремя
сверх-народами
Желан,
ждан, творим.

Над дворцом взлетают разноцветные ракеты. Тот, кто был Ректором, потом — Министром юстиции, теперь — Глава нового ареопага, — выходит на балкон в сопровождении своих коллег. Напряженная тишина.

Глава ареопага *голосом, вздрагивающим от волнения*

Нами подписано то, что мечталось
Лучшим умам
страны.
Что претворит наш бедственный хаос
В осуществленные сны.
Рок нам принес
кровавыми тропами
Свой золотой
дар:
Здравствуй, Единство! Нынче — Европа,
Завтра —
земной
шар.

Гул, ни одной реплики различить в котором невозможно, покрывает голос оратора. Народ затихает лишь потому, что Глава ареопага продолжает свою речь вопреки шуму.

Раненным львом —
европейская раса

Чуть зализала
кровь ран,
Встала, творит,
создает колосса —
Сплав
сорока стран.

Зоркость германства
                    и жар романства
        Слив с широтой славян,
Контуром тройственного христианства
        Мы окаймим
                    наш стан.
Грозной ответственностью пред миром
        Отягощен наш Союз:
Божьим теплом согревать
                    всех сирых,
        Рушить узлы
                    всех уз.
Имя высокое не опозорим,
        Не предадим святынь;
Тягу ко всечеловеческим зорям
        Вдвинем в сердца. Аминь!

Над шпилем дворца взвивается необыкновенный флаг — эмблема Соединенных Государств Европы. Крики покрываются громом оркестров, исполняющих новый государственный гимн.

Акт одиннадцатый. ВОЗМОЖНОСТИ

Ночь в исходе. В зените чуть светящегося неба стоит знак Льва. Ажурный каркас строящегося Дворца Христианских Народов усыпан огнями. Наново создается почти весь город. Отовсюду льется музыка.

Голоса энтузиастов *на строительстве Дворца*

— Построим! Построим! Построим!
Фундаменты глубже зароем,
Провалы пустот замуруем,
Подвальный этаж обогреем.
— Построим! Построим! Построим!
Узорами стены покроем,
Как солнышко купол надраим
И блеск зеркалами утроим.

Голоса с других строительств

— Огни запестрели над краем
По кранам, по мачтам и реям...
— Построим наш город, построим
Террасами к плещущим струям:
Цветами его зачаруем,
Чтоб мрамором он и барреем
Белел по широким устоям,
Как царский наряд — горностаем.

Еще голоса

— Построим! Построим! Построим!
Дорогу к творцам и героям,
Чтоб дети ликующим роем
Вселенную сделали раем.
Да станет мир раем на деле:
Без тюрем — и без Цитадели, —
Из рабской бесправной юдоли
Врата в безграничные дали.

Министр полиции, *захватив явочным порядком одну из отстроенных секций Дворца*

Пой гимны, пустая башка...

Пусть ведомство не в почете,
Но даже простого горшка
Без нас не устережете.

Из квартир новых домов — взрывы смеха, звон посуды

— Столица стольких наций...
Авто...
магазины...
Для Герды — комбинация,
Манто —
для Зины...
— Давайте в Лондон к завтраку?
— А нет —
как хотите:
Тогда — семь двадцать в Африку,
Обед в Антарктиде.

Воркование в комнатах

— А домик-то наш финский!
Домишечко... домуля...
— Не то, что прежний, свинский:
Ни мышки, ни — моли...
— Прощайте, домработницы!
Атомка — повсюду:
О щах позаботится,
Потом — про посуду...

Частушечник с балалайкой *на площади*

Маркса грыз да Сталина,
Бац — кругом развалина.
Коль не каплет из носу,
Приучайся к бизнесу.

Еще двое

— Польки,
европеечки —
Тольки три копеечки;
Не хватает
цыпочки
С речки
Миссисипочки.
— Эта негра —
сивая,
Очень некра-
сивая:
За зулуской пегою
Лучше
я побегаю.

Моралисты

— Нынче в мозгах у всякого ферта
Зудит лишь одно:
в пляс!
— Ох! тепловатым салом комфорта
Страну залило
до глаз.

Оптимисты

— Это — неважно. Это — наружное.
Такие были всегда.
— А то, что религия во всеоружии
Готова явиться, вот это — да!

Скептики

Живет какая-нибудь химера
В мозгу любого осла;
Но никакая, простите, вера
Мир еще не спасла.

На строительной площадке Дворца возникают ссоры

— Парижане-то... расфуфыры-то...
Кубометра за день не вырыто!
— А лакают два литра в сутки...
Видно, думают, стройка — шутки?
— А как это смеют испанцы
Во время погрузки — танцы?
— Прикинулся фриц придурком...
Катись за границу, к туркам!
— Лишь мы громоздим эти дамбы.
Зарплату всю — русакам бы!

Разговоры повсюду

— Ну что вот с такими болтать о праве?
Дрязги мелкие да смешки...
— А у нас даже запах крови
Выворачивает кишки.
— Да: с тех пор, как танк проутюжил
У меня на глазах детдом...
— О, конечно: молодчиков дюжих
Видеть хочется перед судом.
— Странно, знаешь, но мне вот тошно
Стало даже убить бычка...
— Вон — по лавкам-то сколько туш; но
Нам бы фруктиков...
молочка...

Молящиеся *по домам*

— О всенародной стезе бескровной!
— Без войн, без казней, без диктатур...

— Без жертв неистовых —
к равноправной
Семье народов! Церквей! Культур!

Глава ареопага *с террасы Дворца*

Трудно народ поднимается на ноги
После шальных
снов!
Давят и душат нас старые навыки:
Пошлость,
вражда,
гнев.
Все еще не умеем по-новому
Чувствовать связь стран,
Все еще многим туманит голову
Наш вековой
трон;
Все еще мы представляемся меньшими,
Кто не рожден
здесь;
Мщением, мировыми реваншами
Душу ярит
спесь.
На перекрестках торопятся риторы
Мысль нашу сбить в ком...
Вот, оглянитесь: разве оратор
Этот
вам не знаком?

Действительно, на площади, незаметно для всех, появились три вышки с тремя ораторами.

Первый

Ошибки рухнувшего мировластителя
роковые
Вполне простительны. Мы беспристрастны.
Я докажу...

Второй, *перебивая*

Для отомщения
за окровавленную
Россию
Ядро народное
подготавливайте к мятежу.

Третий

Нет: Юго-Западную
и Дальневосточную
тиранию —

Вот кого рушьте,
вооружаясь
по рубежу!
Ворчание в толпе
— Знаем вас: тюрем радетели...
— Военных клик благодетели...
— Наших отцов мучители!
Первый оратор
Мы — обездоленные
эксплуататорской
цивилизацией,
О коммунизме
припоминающие,
скорбя...
Второй
За мною — русская,
многострадальнейшая
из наций,
От иностранщины обороняющая себя...
Третий
За мной — Европа
военных подвигов,
а не иллюминаций:
Стальной пружиной
она раскрутится,
мир дробя!
Глава ареопага — *Воспитателю*
Друг, научил различать вас Учитель
Вредную спорынью
во ржи:
Чью ж вы нездешнюю ложь различите
В этой земной лжи?
Исчадья Гагтунгра погибли в пламени...
Воспитатель
Напрасно думаете, что все:
Сбежав на Запад, один из племени
Припал к питающей их росе.
Голос уицраора Укурмии
Он тщетно силится мыслью тощей
Сравняться с замыслами отца.
Первый оратор
Лишь кратковременное отступление!
Волной растущей
Уже наверстываем,
уж размножаемся у дворца...

Яркий свет охватывает вышку Первого оратора, пронизывая насквозь его самого. Вышка тает в пространстве. На месте оратора — пустота.

Возгласы

— Где ж он?!. Юркнул... — Пропал!
— Тень!.. Но куда? — Сквозь пол!
— А сладко-то как запел...
— Как будоражил пыл...

Второй оратор

Он привлекал вас
дискредитированною
доктриной,
Морочил ложью недовоздвигнутого.
А я —
Я в каждом русском живу и крепну
мечтой старинной,
Сердца народа в тысячелетиях
животворя!

Воспитатель

И на второго стремит Укурмия
Оружье, ведомое лишь ему.
Борьба короткая:
Путчи в армии...
Горсть заговорщиков... Шесть — в тюрьму.

Второй оратор

Эй, соотечественники!
Тут скоморошествуют
лжепророки,
Гнездятся
в выстуженных расщелинах
еретики,
Но с богом русским
законопатим мы
все прорехи
И восстановим...

Внезапное пламя охватывает вышку Второго оратора. Вспыхнув факелом, она исчезает из глаз. Огненный язык мгновенно гаснет. На месте Второго оратора — пустота.

Крики

— Они предсказывали! Они провидели!
— Вон тот, в подъезде...
и тот, в лектории...
— Они разумнее, чем правители!
— Они постигли, в чем соль истории!

Доктор социальных наук, теперь — Председатель Всемирной Лиги преобразования сущности государства *выступает в одном из лекториев Лиги на окраине города*

Наш первый пункт — (он жизнью дан
Не только чувству, но и ratio*):
Объединение всех стран
В Свободную конфедерацию.
Но и такой союз чреват
Тиранством горшим: слив отечества,
Замкнет народы в плотный ад
Великий демон человечества.
Мы не забыли, как, поймав
В судьбине стран минуту хмурую,
Зло под личиной высших прав
Растет и крепнет диктатурою.
Пока не застит чадный дым
Везде затепленные светики,
Конфедерации дадим
Контроль наивысочайшей этики.
Но государство — это плоть;
Как ей придать духовность, правильность?
Соблазны власти побороть
Способны те, чья сила — праведность.

Разговоры в антракте

— Учитель — во всяком случае,
Бездомен, для всех открыт;
— Ни отдыха, ни благополучия;
Мед, хлеб, молоко — и сыт.
— Виденьями высшей реальности
Пронизываются его дни...
— Торопятся юноши вдаль нести
Зажженные им огни.
— Его духовные органы
Пронзают любую тьму...
— Не странно ли: даже Морганы
Прислушиваются к нему!

Председатель Лиги

А кто боится наших норм,
Пускай поможет хоть безмолвностью:
Все —
за вторую из реформ:
Разоруженье мира
полностью!

---

* Рассудку *(лат.)*. — *Ред.*

Мы не хотим искать вину
Лишь в воле тех, кто алчет прибыли;
Но — танки — в море! Тол — ко дну!
В железолом — чудовищ гибели!
Не запятнаем синий флаг
Эмблемой низкой. Но естественно,
Распределенье внешних благ
Должно быть четко,
быстро,
действенно.

Чтоб ни один из тех, кто жив,
Не пожелал возврата прошлого,
Времен неистовств и нажив,
Времен господства духа пошлого.
Культурное жилище — всем!
Всем — матерьяльный щедрый минимум!
Пусть в этом зрит обманность схем
Привыкший к горестным пустыням ум;
Но согревает нам труды
Мечта — клянусь, не одинокая,
Когда плантации-сады
Провижу в дебрях Ориноко я! ...

Волнение в задних рядах

— Старо! — Коммунистический бред!
— Нам порошили сто лет
Ум
требухой подобных идей
красные
всех мастей!

Председатель Лиги, *стараясь покрыть шум*

Совсем не то! Совсем не так!..
Об ананасе, о лимоне я
Скажу потом...
Без жертв...
Наш флаг —
Лишь социальная гармония!

Голоса расходящихся *во всех направлениях после лекции*

— Полмиллиарда голов за полвека
Смял коммунизм в бою,
Мы же готовы кровь человека
Лить
только свою.
— Для коммунизма — внешнее благо

Было венцом...

всем!

— Для нас — лишь вехой первого шага,
Лишь формою теософем.

Во Дворце Христианских Народов — огромная аудитория, принадлежащая Лиге. Выступает

Президент *Международной Ассоциации Перевоспитания Преступников*

Для некоторых слишком крут
Подъем к добру. Их манит вольница,
Им нестерпим вседневный труд,
Цеха, комбайн... Душа-раскольница
Срывается в болото, вниз,
В разгул, в разбои... и далече ли
Эпоха та, когда их жизнь
По лагерям вконец калечили?
Усовершенствовать наш суд —
Задача поколенью новому.
Исправит грешника не труд,
Не наложенье тяжких ков ему.
По язвам психики хлестать
Трудом — грешней кровопролития!
Нет: срок взысканья должен стать
Прямою функцией развития.
Тут не поможет ремесло;
Лишь кругозор и ласка вылечат
Тех, кто не знал, что есть тепло,
И в чьем сознанье — только пыль и чад.
Его возвысить — не спеша —
Гуманитарным знаньем, верою,
Искусством, — чтоб сама душа
Пренебрегла трясиной серою!

На трибуну выходит Воспитатель, теперь — Министр культуры

Сдвигаем мир мы рычагом
Бескровно-мирным: только школою,
Трансмиф вводя, как свет и гром,
Как струи духа в душу полую.
Мы скрепы дружественных уз
Меж Джоном, Сингом и Василием
Куем лишь верой в наш союз,
Сотворчеством и ненасилием.
Схож с предзарей наш смутный век:
Темно, свежит стопу и лоб роса,
А дух скорбит: где Человек

Облагороженного Образа?
Где... там, в заре он! близко, тут!..
Кричат: «Доколе же, доколе ж?!» —
А он — в мальчишках, что растут
В любом гуманитарном колледже;
Чей спорт, купанье, бег, слалом,
Восторг пред высями и далями,
Все, все пронизано теплом
Общения со стихиалями...

Добродушные голоса в публике

— А, это он про молодежь...
— Самим старикам невтерпеж,
Когда вдоль шоссе и дорожек
Снует Союз Босоножек.
— Всемирный Союз, — да, да!..
— А что ж: превосходные юноши:
Не злобные, как овода,
А добрые, как гамаюныши.

Министр культуры, *продолжая*

...В чудесных девушках, чей дар —
Целенье скорби человеческой;
В чьи души весь Шаданакар
Глядит с улыбкою отеческой!
Они растут — сильней войны,
Всемирной сетью школ умножены,
Духовностью просветлены,
Искусствами облагорожены!
И создается строй души
С глубинной, внутренней безбурностью.
Его, психолог, опиши
И окрести мета-культурностью!

Наблюдатели — *вполголоса*

— Приставка модная — мета —
Теперь повсюду принята...
— Вплоть до абсурда. Посмотрите-ка:
«Мета-народ», «Мета-политика»;
— «Мета-сраженья», «мета-рас»...
Сплошное мета-наважденье!
— Клянусь, я слышал как-то раз
Про мета-босиком-хожденье...

На площади шум. Группы горожан окружают путешественника, возвратившегося с Дальнего Востока.

Путешественник

Граждане! За Памиром —
Не забывайте — крепнет

Мечта: опять диктатурою
Покрыть весь земной шар.

Реплики

— Они кичатся размером...
— Но это — пузырь, он лопнет...
— Кто ж верит в химеру старую
Теперь, когда нет
шор?

Другой путешественник

Граждане! К объединению
Под европейской эмблемой —
Бессмысленную преграду
Вздыбил Юго-Восток;
Там пестрокожие гады
Брезгают нашей системой;
Там — вопль о перенаселении
Взбесить бы святых
мог!

Сочувственные голоса *в группках на площади*

— Подсказывает эпоха
Сама нам, за что бороться:
— За мощный
Союз Наций
В пределах расы господ.
— Старейшины только охают...
— Ни фюрера, ни — полководца...
— Забыли, что значит драться!
— Простили кровавый пот!

Третий оратор, *улучив подходящую минуту*

Сраженья будущего
непредставимы
и сверхогромны,
Но застилают их
песни наши
и праздный крик;
Дух ненасилия,
к нам подсылающийся
вероломно,
Стремится выхолостить
и обезволить
наш материк.
Не проповедовать
и не кликушествовать
должны мы

Перед могуществом
гипер-урана
или свинца:
Противоставим же демагогам,
рабам наживы,
Готовность к подвигу,
воспламеняющую сердца!
Пусть христианское человечество
к ратоборству
Себя готовит,
не празднословя
и не шутя:
Виват — всемирному
Европейскому
Государству!
Вождя! Вождя!

Восклицания

— Ого! да этот — не в шутку!
— Хватил по тому, что шатко...
— Лишь бы не впасть в ошибку,
— Лучше б — кушак да шапку...

Чеканя шаг, приближается толпа с факелами.

Марш

В ногу! Подхватывай стих,
бритт,
росс, и германец, и галл!
К бою, наследники трех
вер,
росших у северных скал!
Прадедов наших взманил
вширь
гордый морской горизонт;
Мы бороздили земной
шар
с фьордов до знойных Голконд;
Каждый из наших камней
полн
подвигов, песен, легенд;
Каждый средь наших полей
холм —
памятник, гордый гигант!
В творчестве — русский размах
слит
с опытом, зревшим века;

Слышен в чеканных шагах
ритм
славного материка.

Марширующие окружают вышку с Третьим оратором. Крики «хайль!», «эль-виво!», «ура!», «виват!». Оратора подхватывают десятки рук. Озаренная факелами, фигура его плывет по улицам над толпой. Часть народа присоединяется к шествию.

Марширующие, *удаляясь*

В дикости разве не глох
Юг
раньше, до наших ветрил?
Разве не доблестный дух
наш
Азию плодотворил?
Но благодарности нет,
нет
в варварской мутной крови.
Будь же кровавым, ответ!
В бой,
Господи, благослови!
Пред нападающей тьмой
нет
нравственных «табу» ни в чем,
Только — с двуликой чумой
в бой
явным и тайным мечом!

Выкрики *в домах и на улицах*

— Долой... — Не хотим крови!..
— Мы сами решать вправе!
— Я ощущаю всем телом
Ужас перед металлом.
— Но самый глубокий ужас в том,
Что зверство зовется мужеством.
— А я бы от человечества
Сберег лишь конец: овечество.

Стоны *в домах*

Побороть эту буйную каинность,
Нераскаянность!
Мы хотим мягкосердия, авельности,
Правильности!

Издалека приближается веселое шествие, похожее на карнавальное. Разноцветные воздушные шары. Яркие одежды. Это проходит отряд Международного Союза Босоножек. Следом вприпрыжку бегут школьники и дошкольники.

Гимн

Пятки свои разувай!

С плеч
груз предрассудков вали!
Крепкою кожей вникай
в речь
Матери нашей — Земли!
Нам ненавистен тупой
стук,
пошлая дробь каблука.
Так же твердили Толстой,
Брукс,
Ганди, Франциск и Лука.
Это — наш символ, права,
стиль,
всюду, от Ганга до Альп.
Здравствуй, песочек, трава,
пыль,
лужицы, даже асфальт!

Школьники *с воздушными шарами*

Разувайтесь, деды, дяди!
Отгоняйте, тетки, страх:
Предрассудков глупых ради
Хватит преть вам в башмаках!
Бос бирманец, бос яванец,
Абиссинец, негр, индус,
Только вы — и в путь, и в танец —
На ногах влачите груз!

Молодежь, *продолжая гимн*

Дивные духи творят
стих
в играх земли и воды:
Мир и природа — наряд
их,
творчество их и труды.
Их благодатную мощь
хор
славить спешит на луга,
В зелень смеющихся рощ,
в бор,
в поле и на берега!..
В нас они радостно льют
ток
чудной своей ворожбы,
Животворят и поют
сквозь
зоркую чуткость стопы.

Не разрушать — украшать
мир
учит их мудрость сердца.
Эй, босоногая рать!
Вширь —
все просветлять до конца!

Люди средних лет

— Эта мода — как зараза...
— Ай, как колко!
— Ай, смешно!..
— Ой, щекотно же...
— Не сразу,
Постепенно надо.
— Но
Здесь не Дели ведь, не Агра,
Здесь бывает и зима...
— А мой грипп? Моя подагра?
— Нет, весь мир сошел с ума.

А филиалы Лиги размножились уже повсеместно. Лекторы, проповедники, пропагандисты, профессора, популяризаторы выступают во множестве аудиторий и прямо под открытым небом.

Первый

Цикл мировых реформ — в зарю
Манит широкой анфиладою:
В них — стимул жить, когда творю,
И очищенье, если падаю.
Зла — два. Одно — утес тиранств,
Другой — мальстрем войны невиданной;
Но крепнет по лицу пространств
Союз наш, недругу невыданный!

Второй

Все веры — только лепестки
Единого цветка духовности,
Пути познанья, жар тоски,
Аспекты высшей Безусловности.
Найден тот угол зренья, чьим
Могуществом руководимые,
Собратству вер мы облегчим
Безбольный переход в Единое.

Третий

Мы углубляем смысл идей.
И даже те преграды сроются,
Что искони сердца людей
Не допускали к тайне Троицы.

Великих духов славим мы —
Друзей, создателей, водителей,
Подъемы из плотской тюрьмы
До лучезарнейших обителей.
Затем, что смысл всего добра,
И крошечного, и огромного,
Еще неявственный вчера,
Есть воля к высветленью
темного.

Четвертый

С девизом «украшай и чисть!»
Пройдет, творя на благо множества,
По мировым ландшафтам кисть
В руках высокого художества.
От солнца пестр и полосат,
Шар должен стать нам раем климата.
Да здравствует планета-сад,
Любовью, а не кровью вымыта!

Проповедник *в обществе совершенствования животных*

Трупояденье до сих пор
Мясною пищей именуемо.
Но внук — как варварство, позор
Его оценит неминуемо!
Природу разворочав всю,
С ее рудой, икрой, корицею,
Теперь любому карасю
Мы отплатить должны сторицею.
Подход к животным станет нов,
Когда ключом любви и знания
Перевернется до основ
Наука зоовоспитания.
Членораздельнейшую речь
Развив для них усильем вдумчивым,
Цивилизацию стеречь
Поручим зайцам, зебрам, сумчатым.

В уединенной долине — дом и сад. Несколько девушек окружают ту, которая когда-то была ученицей Воспитателя, теперь — Основательницу женских обществ нового типа.

Основательница

От жестких формул экономики
До зверства с именем «война»
И во дворце, и в малом домике
Мужским началом жизнь полна.

Любовь была б давно развенчана,
Мир разорвался б на куски,
Когда б не расправляла женщина
Порой кровавые тиски.
Прощенье, ласка, нежность, жертвенность,
Самоотдача и тепло —
В одном священном слове
                    женственность —
Всё общий символ обрело.
С мужским рассудком, гневом, злобою
Соревноваться нам — не честь:
Другое, странное, особое
У нас посланничество есть!
Во дни науки, ставшей ужасом,
В дни революций, войн, расправ,
Чтоб человек не стыл наруже сам,
Согреем жизнь, уют ей дав.
На судьбы, буднями загубленные,
На распри, ненависть, борьбу,
Как жены, матери, возлюбленные
Прольем святую ворожбу!..
Терзает, рвет пласты вселенские
Мужское, мир разворотив.
Есть круг мужских прерогатив,
Но есть прерогативы женские.

Гул отдаленных взрывов за горизонтом.

Крики на улицах

— Опять проклятые опыты
С инфрапротонной силой!..
— А чем хужее Европа-то?
— Отсталостью,
                    мой милый.
— Шесть, семь...
                    — Это жутко.
                              — Восемь...
— Дают уже явный крен дома...
— Мы требуем,
                    волим,
                         просим
Всемирного референдума!!!

Голоса *по радио, телевидению, с кафедр, с трибун*

— Ты, женственность! Ты, материнство!
Залейте искры пожара!
Да здравствует все-единство —

Держава земного шара!
— Но чтобы Конфедерация
Не стала темницей грозной,
Привет тебе, реформация!
Культурная!
religиозная!
— Вы, жаждущие! Вы, тоскующие
По радости и духовности!
К нам — странники по песку еще
Угрюмых Сахар вседневности!

Опять раскаты взрывов.

Заседание ареопага
— Смета на вооруженье исчислена,
Но с ней мы пойдем ко дну.
— Придется сделать просто немыслимой
Четвертую мировую войну.
— Но мы избегнем всеобщей гибели
Лишь отступленьем вспять.
— Это не выход.
— Но сроки пробили:
Ни сесть —
Ни лечь —
Ни встать.
Глава ареопага *с балкона Дворца*
Граждане! Жерла невиданных пушек
Устремлены
в нас.
Кажутся перечнем детских игрушек
Тол,
водород,
газ,
Не безопасят магнитные волны,
Ни электронный шлем.
Вот почему мы дары, а не молнии
За океан
шлем.
Просим народ воздержаться от жалоб,
Смысл наших дел
вскрыв:
Лучше уступка в большом или малом,
Чем мировой
взрыв.
В толпе волнение.
Ныне завязываются переговоры

С Юго-Востоком. Цель —
Срыть между нами древние горы.
В море — взорвать мель.
Можно сказать и более точно,
С сухостью, как Тацит:
Цель — одновременный, всеобщий
Всемирнейший
плебисцит.

Гром ликования. Дворец окружают плотные толпы молодежи из Международного Союза Босоножек. Сторонники вооруженной борьбы, поодиночке выскакивая из домов, не могут пробиться к Дворцу.

Взвизги бешенства
— Предатели! Бабы! Трусы!
— Ублюдки великой расы!
— Какой сыскался философ!
— Какой нашелся пророк!
— А тоже ходил в «колоссах»...
— Учил бумажных марак...

Из боковой улицы вырывается вооруженный отряд. Работая кулаками, он старается пробиться к Дворцу.

— Прочь! не дурачь
наш народ чепухой
притч!
— Чья была речь?
— Кто пылил требухой?
прочь!
— Жалкий вожак
на балкон уже влез...
— Вниз,
эй, ты, божок!
мы тебя затолчем
в паз!
Фигляры, *паясничая поодаль*
— Этот мешок словесной трухи?
— Хи-хи.
— Этот непротивленец в дохе?
— Хе-хе.
— Эти куриные потроха?
— Ха-ха.
— Фью!

Мимо Главы ареопага пролетает камень.

Крики

— Тащи-ка его! Тащи-ка:
Не больно зубаста щука!
— Хватай-ка его! Хватай-ка:
В миг сиганет вся стайка!

Босоногие

Ни шага.
Степою ровной —
Всеобщий
отпор
бескровный.

Отчаявшись захватить Дворец, сторонники вооруженной борьбы удовлетворяются зданием на другой стороне площади. Перед ним собирается небольшая толпа. Лучи прожектора мечутся по фасаду и внезапно сосредоточиваются на балконе верхнего этажа. Скрестив руки на груди, там возвышается тот, кто был Третьим оратором. Его одежда в лучах кажется металлической, напоминая футляр Автомата.

Вожак

— Начинается
исполинское
тысячелетие,
Перед коим
все миновавшее
равно дню.
Не согласием,
не уговариванием —
так плетью
Наши принципы
на планету
распространю!

Барабанный бой. Красные и лиловые ракеты. Толпа у здания, как единое существо, пошатывается из стороны в сторону.

Шатнувшись вправо

Наконец-то есть чем потешиться!

Шатнувшись влево

Наконец-то есть кого слушаться.

Вправо

Наконец-то вождь! Качай ввысь его!

Влево

Наконец-то сплотимся в месиво.

Но разноцветные ракеты не производят прежнего эффекта: небо посветлело и кажется серовато-голубым.

Голос Карны

Еще борются призраки
на земле за господство,
А уж солнце торопится —
всеразящий Геракл,
И никто не догадывается,
что в тиши, без напутствий,
Уж Четвертая Стража Ночи
завершила свой цикл.

А улицы наполняются шумными толпами из Союза Босоножек. От здания к зданию протягиваются синие полотнища с золотыми надписями: «Срок всемирного плебисцита назначен. Кто за Всемирную Конфедерацию под контролем Лиги? Кто против?»

Глава ареопага — *к председателю Лиги и Министру культуры*

Где же Учитель? Скрылся?
Куда?..
Каждый миг на счету...

Председатель Лиги

Вы — о его руководительстве?

Глава ареопага

Да.
Все пересохло во рту.
Сколько филиппик говорено!..
Ясно, как день, одно:
Ничей ореол
и авторитет
Еще не бывал таков:
Верят миллиарды, что он —
свет
Для стран и материков.
Я вижу и сам: не являл еще рок
Нигде, никаким временам,
Чтоб гений, праведник и пророк
Так мощно слились в одном.
Но где ж он, где?.. Быть может, его
Спугнул этот злой самум...

Председатель

Он — на прибрежье.

Министр культуры

Слушает волны,
Вдумывается в их шум.

Глава ареопага

Ах... коли надо слушать прибой,
Можно б остаться тут:

Хищники разве смирятся? Любую
Из катастроф и смут
Он бы унял справедливым предстательством...
Прошу вас обоих: я —
Конфиденциальный посол правительства;
Лишь до его жилья
Путь укажите! Ныне дороже
Секунда — веков. В путь!

Председатель

Что ж, мы проводим. Но там бездорожьем
Надо брести верст пять.

Гомон волнующегося города начинает удаляться, сменяясь шорохом по гравию мчащейся легковой автомашины.

Глава ареопага

Кстати: если он новой религии
Хочет создать
храм,
Если на грудь возложил он вериги
Странника по мирам,
Ради чего же это вниканье
В сущность былых вер,
Дружество с теми, чья власть веками
Не исправляла мир?

Министр

В мифах религий, в любом иноверчестве
Ищет понять он реальность,
трансмиф,
Высшее, вольное бого-сотворчество
Краеугольной плитой утвердив.

Глава ареопага

Хочет он пребывать незапятнанным
Жгучей борьбой за власть...

Председатель

Власть его и сейчас необъятна.
Враг разъярен? Пусть.

Машина останавливается. Тихо нарастает и спадает мягкий шум: это дышит простор океана. Путники продолжают путь пешком, негромко переговариваясь.

— Вон его домик — у дальней бухты.
— Он здесь один?
— Да.
Только ракушки, волны да пихты,
Зимами — блеск льда.

Ритмы прибоя растворяются в однообразном гуле векового бора. Над светлеющим морским горизонтом слоятся пепельно-серые облака. Галька шуршит под ногами путников.

— Что за гранитный хаос на штранде!
Здесь не прошло б ни одно авто.
— Кажется, у него на веранде —
Несколько человек. Но кто?
— Это — из руководительства Лиги
Близкие ученики и друзья:
Быть у истоков интер-религий —
Это и их,
и наша стезя.

Министр культуры

Я с детства верил в этот час,
Молил в слезах об этом миге я,
Когда затеплится меж нас
Интер-культура, сверх-религия!

На веранде уединенного домика действительно несколько человек, в том числе — Архитектор, — теперь — Представитель Комитета по восстановлению разрушенных памятников; Индус — религиозный деятель из Бенареса; женщина — Основательница женских обществ нового типа; а также тот, кто в училище Воспитателю когда-то казался странным мальчиком. Экклезиаст пребывает совершенно молча в темной глубине веранды.

Индус *в состоянии глубокого созерцания*

Я вижу — трое. Они прошли
Сквозь стены дома. Их лики блещут.
Одежды, льющиеся до земли,
Струятся, светятся и трепещут.
На лоб Учителю пальцы рук
Они опускают теперь, все трое...
Они обступают его вокруг.
Они как братья ему
в том слое.

Молчание.

Облака на востоке становятся жемчужными. Тишина как бы слоится другами: слышно безмолвие моря, за ним — пояса других и еще других безмолвий.

Голоса трех Невидимых Гостей

— Укрываем шелками небесными
Тебя, наш брат.
— С нами — выше! Мирами безвестными
В Небесный Град.
— Небывалому знанью причастным
Придешь назад.

Телесный облик Экклезиаста делается невидимым. В темной глубине веранды никого нет.

Индус *глухо, в состоянии нирвикальпа-самадхи*

Я вижу — трое. Четвертый — он.
Одежды светят. Сквозь ток времен
Идут? Летят ли?.. не то, не так!
Перемещаются. Но ни шаг,
Ни взмах не нужен. Сама среда
Несется мимо... Но как? куда?..

Смутно слышный голос Экклезиаста

Теперь осязаю: потоки времен
По эту сторону ночи
Текут параллельно,
сквозь свет и звон
Друг с другом упруго граничa.
Как будто нас мчат
со склона на склон
Волны чьего-то
клича.

Голоса его вожатых

Тот, кто сначала был Прозревающим

То — клич наших братьев. Уж срок. —
Быстрей
К собору! Хвала запета
И скоро прольет свой ток Эмпирей
В брак Навны и Яросвета.
Оставшись в Энрофе, ты бы не смог
Прозреть даже силой чуда,
Какое Небо,
какой чертог
Нам станут видны отсюда.

Рыцарь-монах

Они восходили сквозь гимны народов
В синклитах всех стран земли;
Им вслед стихиали
до вышних сводов
Свой лучший хорал несли.
И Шаданакар
в любви и восторге
Запел и затрепетал,
Когда перед ними Край Демиургов
В божественном блеске встал.

Император-искупитель

Там будет то, что схоже с венчаньем:
Там примут в лоно они

Звенту-Свентану,
кому величаньем
Гремят грядущие дни.
Единственный из живых,
к небесам
Ты взят в этот миг
нашей долгой работою:
Приподнят, чтоб видеть таинство сам
И стать для народов
подобным глашатаю.
Ноши такой не дано никому,
Отблеска — ни на одном человеке...

Голос Экклезиаста

Понял. И радость и тяжесть. — Приму...
Принял навеки.

Пение гамаюнов и алконостов возвещает, что путники вступили в Небесную Россию. Над сошедшимся у Великого Собора множеством просветленных раскрывается как бы звуковой проем вверх, в слои несравненно более высокие. Голоса Демиургов — преломляясь трижды: в сознании Экклезиаста, в сознании Индуса, пребывающего в экстазе, и в сознании молча обступивших его и слушающих.

Первый

Силы, Господства гремят по мирам
в честь
воинства!
Вас ожидая, убрали мы храм
в час
таинства.

Второй

Брачных корон полукруги горят,
солнц
радостней...
Соткан для Навны венчальный наряд!
Ждем
брата с ней.

Третий

Ждем — проторившего в мраке ночей
путь
к дружеству,
Ждем — возвратившего кровью своей
дух
множеству.

Четвертый

Будем с тобой на вершинах миров
длить

творчество,
День ото дня возводя весь Энроф
в сан
жречества.

П я т ы й

Ибо свой плод принесла ваша боль
скорбь,
жертвенность;
Ибо нисходит сквозь брак ваших воль
в мир
Женственность!

Благовест всех колоколов Небесной России. Сквозь благовест, не смешиваясь, льется с запредельной вышины

Голос одной из Великих сестер, *преломляясь трижды, от ступени к ступени, от сознания к сознанию*

Навна! сестра моя! Памятью мудрой,
Памятью строгой
помнишь ли ту,
Первую, с кем в безначальное утро
Игры делила
в этом саду?

Голос Навны

Как я смогла бы не помнить? О, помню:
Вниз уходила ты... снег и ручьи
Горную сагу журчали по камню
И превращались в руки твои.
Ныне, в Энрофе, тобою согретый
Запад стал краем возвышенных прав,
Сольвейг,
Офелией
и Маргаритой
Блики твоих отражений назвав.

Голос второй сестры

Видела ль ты, как смягчала я кару,
Жизнь озаряла улыбкой мадонн,
Жанною д'Арк,
Беатриче
и Кларой
Блики роняя в полночь времен?

Голос третьей сестры

А узнаешь ли —
с дороги венчальной —
Солнцем увенчанный мой Гималай?

Голос Навны

Помню: тогда еще отблеск начальный
Красил вершины... Врачующий май
В засуху знойных равнин ты сводила,
Ливнем духовным кропила поля,
Радхой,
Сакунталой,
Ситою милой
Многонародную скорбь окрыля.

Голос четвертой сестры

Мир тебе, Навна, от той, кого чаял
Южный гигант, непреклонный в добре,
Души героев-борцов обручая
С Лейли,
Мумтаз-и-Махал,
Зохере.

Голос пятой сестры

Мир и от той, что, склонясь, рассыпала
С розовых арок заката росу
В рощи Ниппона,
в ущелья Непала,
В храмы Кваннон и
Аматерасу!

Экклезиаст и его провожатые вступают в храм Солнца Мира. А внизу, в трехмерно-пространственном мире — тишина. Облака становятся совершенно розовыми.

Архитектор, *погруженный в созерцание, не отнимая рук от лица*

Женственность Мира
из сердца вселенной
Льется в них волнами токов благих,
Плоть свою обретая нетленную
В Дочери их.

Женщина

Лотами логики в пламенный Логос
Ум не проникнет; но внутренним «я»
Слышу, вникаю в божественный голос
С непредставимых высот бытия!

Тот, кто был странным мальчиком

Слышу, как мыслит Учитель склоненный
В сонме Синклита, о том, что ему
Зримо сквозь храмы Руси просветленной,
Но ни созвучий, ни слов не пойму.

Министр культуры

В хор он вливает свое славословье

Той, что нисходит с верховных вершин
К ним, облекаясь плотью и кровью,
И многоярусный спуск довершив
Там новосельем...

Председатель Лиги

...да, в их святыне,
Как бы миллионами душ принята, —
О, не царица для них, не богиня, —
Радость! Божественная Красота!

Глава ареопага

В страдной, суровой, строгой работе
Мы ей созиждем здесь ореол:
Церковь грядущего — вот ей обитель!
Братства грядущего —
вот престол!

Тот, кто был странным мальчиком

Синею розой
Верховный Святитель
Нашему другу плащ заколол.

Волны невыразимого света распространяются вокруг первооснователей. Домик на морском берегу исчезает в сиянии. Вдали предстают святилища различных религий. Свет проникает в их глубину, способствуя раскрытию их мистической сущности.

Голоса *в глубине церквей*

На Северо-Западе

Обессилить старинную ненависть
Наступила пора!

На Юго-Западе

Новый свет лучезарная стенопись
Льет с порталов Петра!

На Юге

У Кааббы распахнута занавесь,
Глубь — белей серебра!

На Востоке

Вечный Образ в кумирне дряхлеющей
Просиял, точно жар!

На Юго-Востоке

В разум тысяч влучил Просветляющий
Смысл своих аватар!

На Севере

Раскрываем в любви окрыляющей
Обновленный наш дар!

ЗВУК, никогда раньше не слышанный, похожий на то, как если бы зазвучала одна из струн, натянутых между звездами Ориона, оглашает Шаданакар. За первой струной запевает вто-

рая, еще и еще, слагая симфонию, слышимую в других брамфатурах, как бы космическую. Это зазвучали золотые лиры вокруг храма в Небесном Кремле.

Едва доносящийся голос Экклезиаста

Лестница в выси — и в выси...
Вижу Тебя, Иисусе!

С благовестом в Небесной России сливается благовест в небесных обителях всех метакультур.

Рассвет над великим городом.
Благовест в храмах метакультур продолжает звучать в своих отражениях — в колокольном звоне всех церквей земли.
Плебисцит только что завершен. Площади и улицы залиты народом. Все расступаются перед процессией, направляющейся ко Дворцу. Окруженный руководителями Лиги, Экклезиаст двигается медленно, твердо и прямо. Его голова в сиянии, но он слеп.
В руках его — Голубая Роза.
По сторонам пути народ склоняется в приветствии.

Голоса *в окружении Экклезиаста*
— Боец
величайшего боя.
— Творец
высочайшего строя.
— Гонец
долгожданного рая...
— Слепец
от лучей Эмпирея.

Голоса *справа и слева*
— Не все еще нам понятно;
— Не все еще нами разгадано;
— Только — плывущие пятна
Солнца, крови и ладана.

— Да, неизведанным ритмом
Жгла его речь пламенеющая.
— Знаем одно: говорит он
Свыше,
как власть имеющие.

Процессия поднимается по широкой улице ко Дворцу. Однако самого Дворца не видно за пеленой утреннего тумана. Экклезиаст обращает слепое лицо к народу и поднимает Голубую Розу высоко вверх. Волны невыразимого Света начинают распространяться вокруг, объединяя все большие и большие круги народа.

Экклезиаст

В поколенья просачивается
Свет надмирной Истории
И сознанье просвечивается
Смыслом высшей мистерии.
Над Европой и Азией
Духи веют, как вайи...
Воплотилась Экклезия!
Мир мирам,
Аллилуйя!

Голоса *в окружении Экклезиаста*

— Древних вер выполнение;
— Верных общин братание;
— Дольних правд единение
Сферой горнего знания.
— В каждом сердце проросшие
Зерна радости мирной, —
— Так затеплилась высшая
Церковь веры всемирной.

Голоса

— Чем же мы возвеличим
Ее новое слово?
— В чем наш знак и отличие
От содружеств былого?

Экклезиаст

Негасимою радостью
Всем живущим со-празднование,
Неустанною бодростью
Всем сердцам со-болезнование!
Прозорливою мудростью
Всем народам со-верчество!
Целокупною щедростью
Солнцу мира со-творчество!
Непрощаемых милование,
Возведенье, встречанье;
Неутешимых радование
И в блаженство включенье;
Всем и вся предугадывание
Просветленного тела;
Всех погибших восследование
В полноту без предела!

Народ начинает подниматься к Экклезиасту. Завеса тумана уносится вверх. Не Дворец, но Белый Горный Конус обнажается в глубине. Слоистые облака перерезают его местами. Вершина

уже приняла на себя первые лучи солнца. По всей земле проносится то ли вздох потрясенного изумления, то ли содрогание благоговения и восторга.

— Господи!
— Вот оно.
— Фирнами
Гребень блестит сквозь тучи...
— Кажется — духами горными
Выкованы эти кручи!

В отдалении, на горизонте, выступают другие вершины. Верх конуса сияет все ярче, лучи поднимаются снопами. Каждый луч загибается радужной аркой, перекидываясь к одной из вершин у горизонта.

Тот, кто был Главой ареопага
Наконец-то веками, веками
Жданное объединенье!
Вот когда каждому камню
Отдам любое биенье,
Любую из капель крови,
Любое мгновенье жизни...
Вот когда петь мы вправе
Гимн мировой Отчизне!

Глубокий ропот охватывает народные множества, как если бы всеобщий порыв умягчался слезами счастья и неповторимой радости.

— Праздник! — Зажгите факелы!
— Мир! — Обнимайтесь, пойте!
— Не возвратятся войны...
— Не возвратятся казни...
— С нами ликуют ангелы!
— Вали границы! — Праздник!

Председатель Лиги
Есть в Розе Мира круг внутри —
Круг высочайших достижений:
Там — не магнаты, не цари,
Лишь праведник, наставник, гений.
Таким — бразды верховных прав!
Им не нужна ничья стихира;
Не исказится, власть приняв,
Собор старейшин Розы Мира!

Свет спускается по склонам конуса и воспламеняет облака. Конус кажется окруженным розовыми крыльями.

Экклезиаст

Мир наш отягощен урожаем.
Мы, как причастники этой зари,
Богосотворчеством преображаем
Камни народоустройств
изнутри.
Но да не будут они нашей целью:
Это — колосс и в добре и во зле;
Не просветляясь,
он сверхцитаделью
Стал бы для новых тиранств
на земле.

Голос умирающего Укурмии

Вот чем святится мой долгий, бессменный,
Противоречивый мой, горестный труд!
Вот что спасет государство вселенной
От превращения в темный сосуд!..
Смерть! Принимаю! В ней карма и кара.
Но уицраор впервые готов
Слить себя с хорами Шаданакара,
С вечным богослуженьем миров.

Видно, как, маршируя по всем городам, военные отряды вступают внутрь зданий, проходят насквозь и, появившись с другой стороны, уже в гражданском платье, расходятся веером, поодиночке и группами. Поддерживаемый Председателем Лиги и тем, кто был Главою ареопага, Экклезиаст вносит Голубую Розу внутрь Великого Конуса. Конус заливается сиянием весь; искрясь, он не дает различить — внутренний ли свет проникает его насквозь, озаряет ли его солнце, или оба света, внешний и внутренний, слились в нераздельное целое.

Голос демиурга Яросвета

В сан Экклезиаста
в старину
мной
венчанный,
Стань теперь наставником,
хвалой
стран
встреченный!

К тройственной короне
ты ведом
был
исстари;
Вот — венец, венчающий венцы:
сан
Пастыря.

К Экклезиасту обращается Индус — *теперь — Глава одной из пяти иерархий Розы Мира — Золотой*

Как символ и знак Триединства
Даю тебе это убранство.

Священнослужительница, *Глава голубой иерархии Розы Мира*

Пусть Женственность и Материнство
Блюдут твою власть от тиранства.

Председатель Лиги, *теперь глава Белой иерархии Розы Мира*

Отныне, пройдя христианство,
Ты — пастырь НАРОДОСВЯЩЕНСТВА!

На того, кто был когда-то Неизвестным Юношей, возлагается триединый венец Верховного Наставника.

На высоком берегу над морем деятели Розы Мира закладывают основание Верграда — огромного религиозно-культурного ансамбля.

Глава Золотой иерархии

Стал новый дух времен за пульт.
Он развернет у ног Экклезии
Широкий полнозвучный культ —
Шелка искусств, ковры поэзии.
Здесь, на скалистой полосе,
Над морем главный храм построится:
Мы храмом Солнца Мира все
Его зовем во имя Троицы.
Он первым вестником весны
Блеснет в глаза людей — не более —
Но в нем уже заключены
Взлет, белоснежность, мощь, раздолье.

Глава Голубой иерархии

Поодаль встанет над окрайнами,
Над ширью пенной, где прибой,
Лучась хоралами и тайнами,
Храм серебристо-голубой.
Уж он растет, — до трети вырос он, —
И служб лазурная волна

Пройдет, звуча, по темным клиросам,
Торжественна, просветлена.
И девушки пред вечной женственностью

. . . .

Ту, кому гимн я лью и лью.

Глава Белой иерархии

По лестнице ширококрылой,
Слоями шумными с высот,
Потоки воли, славы, силы
Нам Планетарный Логос льет.
Противобогом на Голгофе
Оборван труд земной Христа.
Но в мире вышнем — не в Энрофе —
Растет, как солнце, сила та.
Верграда третий храм
мы строим
Тому, кто был Христом земле,
Кто встал теперь за каждым слоем
Борцом за гибнущих во зле.

Тот, кто был Воспитателем, потом — Министром культуры, теперь — Глава Пурпуровой иерархии Розы Мира

Смотрите облик храмов тех,
Что звать привык я пантеонами:
Они взойдут, как гребни вех
Над многолюдными районами.
Да явится подобный храм,
Как ось культур, алтарь отечества,
Синклиты сверхнародов — вам!
Тебе, Синклит всечеловечества!
Чтоб культ был отразить готов
Миры до райской осиянности,
Изгоним с наших образов
Малейший знак трехмерной данности.
Любой из тех, кем благ Синклит,
В витраже пламенном отметится
Таким, каким он днесь парит
И там, в раю, творит и светится.
Иерархии, преклоня
Лицо на миг, к трехмерной плоскости,
Пройдут лишь отблеском огня,
Лишь предвареньем светоносности.

Пение *в глубинах Великого конуса*

Над прохладными плитами —

Фимиам и служенье;
С Мировыми Синклитами
Всех народов общенье;
Спор кровавый меж верами
Странен, в прошлое канув,
И горят полусферами
Купола пантеонов.

Ответный хор *под открытыми небесами*

Всем, кто ищет, кто молод,
Нами будет, как отсвет,
В бронзу, мрамор и золото
Опыт прошлого отлит,
В тело города вкрапленный,
Зримо явлен, изваян, —
В раме парков, ансамблями
Вознесен у окраин.

Тот, кто был Архитектором, теперь — Глава последней, Зеленой иерархии Розы Мира

В глубь зодчества разных стран и лет
Я долго вглядывался, стиль ища,
Хоть общих признаков, примет
Порученного мне святилища.
Но мир не знал еще террас,
Для игр и служб со стихиалями,
Спешащими к нам в первый раз,
Звеня незримыми сандалиями.
Оттуда с Солнцем станем мы
Общаться в танце, в действе радостном,
Беспечной детской кутерьмы
Не убоясь пред ликом благостным!

Хор *под открытыми небесами*

По садам, по лесничествам
И у водных ристалищ —
Звон и гомон строительства
Небывалых святилищ:
Там пронизан духовностью
Хмель старинный веселья;
Там ни ветхой греховности,
Ни вериг, ни насилья.

Молодые служители Зеленой иерархии

Играющие стихиали
От пляжа до школьных парт
Дух юношества зацеловали
Сквозь шустрый и шумный спорт.

В просвечивающие слои их
Глядится душа, смеясь,
И правда об иерархиях
Крепит золотую связь.

Пение молодых голосов *с лесных полян, садов и побережий*

Вокруг водоемов — храмы
Той связи посвящены:
Поем в них по вечерам мы
Лазурной
Душе Луны;
Отцу, Великому Солнцу,
Плетем хороводы дней,
Как пестрые протуберанцы,
Как танцы живых огней.
И радугу брызг лучистых
Меж нами и ним взметя,
Крылаты становимся, чисты,
Как ветер,
огонь,
дитя.

Режиссер главного театра мистерий

Проект мистериала. Но
Его устройств великолепие
Не может быть отражено
Ни тушью скудною, ни сепией.
Вращенье сцен, экранов, призм,
Мираклей планы многослойные —
Весь этот строгий механизм
Дадут понять макеты стройные.

Пение *в глубине Великого конуса*

Ни в празднествах, ни в работах
Не утоляемый ум
Пьет в тихих философиатах
Настой прозренья и дум;
И чтобы тиару и дискос
Принять от нас, иерей
Свершает высокий искус
В безмолвии монастырей.

Ответный хор *под открытыми небесами*

Когда ж в городах и селах
Утихнет полдневный голк —
Бьют гонги в мистериалах,
Шуршит, поднимаясь, шелк,

И блещущие обиталища
Молитв, искусств и труда
Являют народам зрелища,
Не виданные никогда.

Пение *в глубинах Великого конуса*

Дней насквозь просияние
Благостройным искусством;
Всех щедрот отдавание
Возвышаемым паствам;
Совершенства возвещивание,
Устью дней славословье!
Поколений возращивание
Неоскудной любовью!

Ответный хор *под открытыми небесами*

Всех стихий поднимание!
Всем познанья причастие!
Теплотой обнимание
Игр и детского счастья!
Помощь лаской дружественной
Дольним царствам природы —
Радость женственно-мужественная
В роды,
роды
и роды!

Экклезиаст — Верховный Наставник

Кроет сад убеленный
Новый Свет и Евразию.
О все-братство подлунной!
Роза Мира, Экклезия!

Голос Яросвета

Все, что завещал тебе я встарь,
в ночь
грозную,
Ты осуществил. Приди же, царь!
Жду!
Праздную!

Тот, кто был в преемственном ряду Верховных Наставников первым, покидает сферу видимой телесности навсегда.

Клиры синклита, *приветствующие его*

— Радуйся, —
в неувядающих
свето-радугах
успокаиваемый!

— Радуйся,
лицезрения
Экклезии
удостаиваемый!
— Радуйся,
неизреченное
боговодительство
продолжающий!
— Радуйся,
и в посмертии
все человечество
возвышающий!

Венец Верховного Наставника возлагается на Индуса — Главу Золотой иерархии. Почти неуловимо для глаз совершается долгожданная перемена: подножия Великого конуса становятся подобиями лестниц, крылья — широких колоннад. В глыбах утесов проступают очертания уступообразных золотых крыш. Горные пики вытягиваются белыми, сужающимися кверху башнями, башни увенчиваются куполами.

Верховный Наставник
Свершается!
Голос Лилит
Еще я слышу
в себе дыхание
богинь народных,
И слиты в пиршестве
моем по-прежнему
свет и тьма, —
Кто ж окрыляет
былую тяжесть
стихий свободных?
Не ты ль, Урания?
ЗВЕНТА-СВЕНТАНА ли?
иль я сама?
Верховный Наставник, *простирая руки вперед, в духовном веселии*
Вы, пламенеющие
в потоках солнца,
Стихии веющие!
Кружитесь в танце!
Голоса водных стихиалей
Озер мерцающих
и рек разливистых
Все просветленней
блаженный сонм,

Поет, журчит он, смеется, гривится
и серебрится
лунным сном.
О, прикасайся к нам поцелуями,
И зверь, и даймон,
и человек:
Мы омываем вам
тело — струями,
А души скорбные —
душою рек.

Другие стихиали

Кто нас полюбит —
поем метелями,
Постелим нивы, пески, луга,
По волнам воздуха
помчим качелями,
Как друг, товарищ, а не слуга.
И если истина дана пророчествам —
Соединимся
по всей земле
С преображаемым
все-человечеством
В игре и дружбе, —
любви, —
хвале.

Голос Юго-Западного демиурга

Рати разошлись, и дозвенел
звон
стремени,
Каждый из соперников склонил стяг
знамени,
Это — предреченный испокон
сдвиг
Времени:
Мир преобразует свой закон
в Lex Domini.

Громады города меняют свой облик: теперь их трудно отличить от парков и огромных куп. Иногда кажется, что город пересекается широкой рекой, сверкающей на солнце. Вдали представляются зеркальные озера, и в них — отражения еще других городов, белых и розовых, и горных отрогов, покрытых цветущими лесами. Объемы становятся туманно-сквозящими, как если бы за одно мгновение проносились многие годы.

Демиурги

В городе — мерцающий эфир
льнет
к зданиям,
Слышатся архангелы — весь мир
полн
пением,
Светится таинственный потир
сквозь
ярусы,
Солнечным веселием гремят
все
клиросы.

Сама материя Великого конуса становится прозрачной. Сквозь нее различаются Священные грады великих метакультур на предгорьях Мировой Сальватэрры.

Голоса трех демиургов прошедшего

Первый

Виден ли вам — семьдесят веков
мной
строимый
Город, сверхнароду моему
кров
чаемый?
В солнечной ладье к нему восплыл
цвет
племени,
Нил Небесный ласкою смирял
жар
пламени.

Второй

Жгучим тоскованием влеком
в зной
Имени,
Строил я Эанну — маяком
в злой
темени;
Тяжесть и возвышенность громад
слил
в прочности,
Конус семиярусный возвел
в синь
вечности.

Третий
В мраморе Олимпа моего
нет
бремени!
Вольным от обузы вещества,
мир,
зри меня!
Зданье, возведенное в эфир,
мной
кончено,
Гелиосом вечной красоты
днесь
венчано.

Демиург Севера
Вон, на небе радуги цветут,
вон, пазори,
Китежские благовесты льют
звон в озере.

Демиург Северо-Запада
Бронза Монсальвата в серебре
льдов
грянула,
Волны благостыни по снегам гор
ринула.

Демиург Юго-Запада
Пивших мою мудрость не томит
дух
ропота,
Нимбами Апостолов блестит
рай
Запада.

Демиург Юга
Духом — фимиамом у пустынь
край
курится,
Ангел ударяет в солнцекруг —
звон ширится.

Демиург Юго-Востока
Боги облекают весь народ
в шелк
ризовый,

В розах Гималаи — небосвод
весь
розовый.

Демиург Востока

Ветром у ресниц затрепетал
дух
дружества,
Тонкий хлад Нирваны пронизал
путь
множества.

Все демиурги

Кто из нас — работник? Кто — поэт?
Кто — зодчий?
Всеми и для всех уже цветет
Сад Отчий.

Над центральной башней всплывает Солнце Зенита. Три незнакомых светила окружают его.

Всемирный хор

— Слава! — Зажигается
созвездие
Трикирия!
— Слава! — истончается
и светится
материя!
— Это — в совершенстве
растворяется
История!
— Это — завершается
Железная
Мистерия.

Голос из Сальватэрры Мира

Невеста Агнца приготовила Себя,
Придите, званые, на брачную вечерю!

Шаданакар входит в новый эон. Привычность форм и очертаний ослабевает.

Хор

— Венчанные тиарами льда,
Горные пики гремят, как сполох:
— Бог!
— Мчащиеся за чередой череда,
Волны морей поднимают, как вздох:
— Бог!

— Неба не славившие никогда,
Магмы глубин оглашают чертог:
— Бог!
— Духом просвеченные города
Вторят из лона блаженных эпох:
— Бог!

Сквозь ткани Шаданакара становится различима Мировая Сальватэрра. Это — светящаяся Голубая Роза. Ее лепестки обнимают все сущее в планетной сфере.

Хор
— Будет!
И непредставимой хвалой
Камни, свинец и уран запоют:
— Свят!
— Будет!
Всемирный обстав аналой,
Лики звериные возопиют:
— Свят!
— Будет!
И, некогда преданные суду,
Ангелы сумрака заговорят:
— Свят!
— Будет, о, будет!
Возжаждет мучитель в аду,
И забушует хвалою сам ад:
— Свят!

Подобие формам предыдущего эона исчезает совершенно.

Голоса транскосмических сфер.
— К нам!
Через слои лучезарных времен —
К нам!
— К нам!
Сквозь Андромеду, Орел, Орион —
К нам!
— К нам!
Выше, все выше, в последний эон —
К нам!
Ответный хор
— К вам!
Ставших галактик летит караван —
К вам!
— К вам!

Зыблется весь Мировой океан —
К вам!
— К вам!
Вдаль, в эмпирей, за последний туман —
К вам!

Всемирный хор

— Благ!
Сущий в созвездьях, сердцах, голосах —
Благ!
— Благ!
В дивных законах, в живых чудесах —
Благ!
— Благ!
В неизреченных своих небесах —
Благ!

Роза начинает раскрываться в простор Духовной Вселенной. Ее дыхание поднимается к Солнцу Мира.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не знаю,
какой воскуривать Тебе ладан,
И какие Тебе
присваивать
имена.
Только сердцем благоговеющим Ты угадан,
Только встреча с Твоим сиянием предрешена.
В предварениях
Ты указывал мне на храмы
На вершинах
многонародных
метакультур,
Дал коснуться перводыхания Парабрамы
И блистанья
преображаемых
брамфатур.
И, ликующий
от всемирности
просветленья,
От знамений,
уж озаряющих небосклон,
Из возможностей
всенародного
становленья
Стих Мистерии
только
ЭТОЙ
заворожен.
Но все сумрачней, все отчетливей и другая,
Ту угрозу
уж Апокалипсис
различал, —
И предчувствую я, в тревоге изнемогая,

Мироправство
богоотступнических
начал.
Ибо явно уже распахнут Противобогом
Путь в грядущее —
до антихристова столпа,
И бесчисленна
поднимаемая
по дорогам
Человеческая обездушенная скорлупа:
Ибо выйдет
из трансфизического
горнила
Рать исчадий,
невоплощавшихся на
земле,
Чтобы дьяволо-человечество заменило
Нас, колеблющихся и мечущихся во мгле.
И невольно
я огибаю
повествованьем
Даль грядущего,
предназначенную огню;
Стих отравливать
этим горестнейшим
познаньем
Не осмеливаюсь —
отсрочиваю, —
времени.
Только ведаю,
что, подобные огневицам,
Грянут молнии в купол капища и хором.
Да исполнятся предреченные духовидцем
Письмена
о преображении
мировом.
И какую бы
мы ни пестовали
химеру,
Сквозь какой бы
ни прошествовали
пожар —
За огнем его различаем мы Сальватэрру
И осанною сотрясенный
Шаданакар.

Эту смену
мирохватывающих
эонов,
Новый космос, уже сиющий вдалеке,
Кто решился бы
перезвоном
гиперпеонов
Предвосхитить
на поэтическом
языке?
И предчувствую
в потрясающие
мгновенья,
Что за гранью,
и галактической,
и земной,
Ты нас примешь, как сопричастников
вдохновенья,
Для сотворчества
и сорадования
с Тобой.
Что пред этими просветлениями вселенных
Кратковременность
наших сумеречных
пустынь?
Да приидет же
Твое Царствие
совершенных,
Единящее
ныне борющихся. —
Аминь.

23.12.1950—2.5.1956.

ПРИМЕЧАНИЯ

В авторском предисловии к поэме «Железная мистерия» предполагается читатель, знакомый с книгой «Русские боги». Такое знакомство весьма желательно ввиду необыкновенной цельности всего творчества Даниила Андреева, отражающего те или иные аспекты уникального видения мира, присущего автору. Наиболее полно оно нашло отражение в трактате «Роза Мира» (М., Прометей, 1990), исходя из содержания которого и будет комментироваться текст.

В примечаниях мы постараемся дать взаимосвязь поэмы «Железная мистерия» с «Розой Мира», обозначая ссылки аббревиатурой «РМ», указывая номер книги и номер главы, содержание которой может способствовать раскрытию поэтических образов поэмы.

Было бы целесообразно дать аналогичные указания и для книги «Русские боги», но, к сожалению, авторский вариант текста пока не опубликован.

ОТ АВТОРА

Стр. 10. *Демиург Яросвет, Навна, демон великодержавной государственности Жругр.* — В концепции Андреева основное место принадлежит многослойной вселенной, соответственно представленной в многослойном космосе Земли. Человечество, обитающее в слое *Энроф,* состоит из *сверхнародов* (групп наций или народностей, объединенных делом создания общей культуры) и соответствующих им восходящих и нисходящих многомерностей, называемых *метакультурами.* Возглавляет метакультуру светлый народоводитель — *демиург,* замыкает — темный народоохранитель — *уицраор.* Имя уицраора российской метакультуры — Жругр. Дочь от будущего мистического брака российского демиурга Яросвета с Соборной Душой русского сверхнарода Навной — Звента-Свентана — позволит решить мистическую задачу человечества (см. также РМ VI).

Стр. 11. *...подобие некоторых миров инфрафизики, связанных со средним историческим слоем общностью протекающих там процессов.* — Один из важнейших элементов концепции Андреева — *метаистория* — учение о взаимосвязанности процессов, протекающих в разных слоях бытия. То, что принято называть историческим процессом в Энрофе — лишь следствие событий, происходящих в мирах Просветления и мирах возмездия (см. также РМ II, 3).

ВСТУПЛЕНИЕ

Стр. 12. *...эхо перводыхания Парабрамы.* — Перводыхание Парабрамы (точнее — Парабрахмы) в индуизме — первоначальный творческий импульс, давший возможность развития вселенной.

В столкновении мирозданий и брамфатур. — Брамфатура — совокупность разновременных, разноматериальных и разнопространственных слоев, образующих планетарный космос. Брамфатура Земли именуется *Шаданакар.*

Стр. 14. *Первенствующие спондей и гиперпеон.* — Спондей — в силлабо-тоническом стихосложении — условное название сверхсхемного ударения в стопе ямба или хорея. Гиперпеон — редко применяемый стихотворный метр, частный случай ямба или хорея.

Странной лексики обращающаяся праща. — Лексика, которой пользуется автор, заслуживает разбора в отдельной большой работе. Здесь необходимо сказать только, что новые слова, вводимые Андреевым, не являются неологизмами, а есть попытка с помощью привычного звукоряда передать звучание слов на языках *Синклита России* или *Синклита Мира.* Воспринять звучание этих слов помогло Андрееву редчайшее свойство яснослышания.

АКТ ПЕРВЫЙ. ВТОРЖЕНИЕ

Стр. 16. *Голос невидимого Даймона.* — Даймоны, по Андрееву, — крылатое человечество, значительно опередившее людей в развитии. Даймоны помогают вестникам, инициируя органы восприятия: ясновидение, яснослышание, яснопонимание, способность к созерцанию панорам иных миров. Известен «даймон Сократа» (см. например: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Сократические сочинения. М., Л. 1935).

Стр. 19. *Боже, скрой омофором небесным...* — Омофор — букв. часть архиерейского облачения, нарамник. Здесь — расширительно: защитный, благой покров.

Он претерпевает муку размножения. — Жругр размножается, как и другие уицраоры, почкованием. Детища стремятся пожрать родителя и занять его место. Появление на свет малых уицраоров, как правило, вызывает в Энрофе возникновение новых политических течений с разными программными устремлениями (см. также РМ IV, 3; XI, 1).

Стр. 21. *Голос Велги.* — Велга — демоническая сущность, олицетворяющая собой идею анархии, гибели и разрушения.

Стр. 22. *Запер сам твой глухой гром...* — Велга одинаково опасна и для демиурга, и для уицраора, так как ее инвольтации губят народ и государство.

Стр. 23. *Игвы! Раругги! На помощь!* — Игвы и раругги — две расы, составляющие население дьяволочеловечества. Первые используют вторых в качестве рабочей и военной силы. И те и другие подчиняются уицраору (см. также РМ IV, 3).

Корма не вижу... — Пища уицраоров (а также — игв) — *шемойя* — представляет собой трансфизическую эманацию человеческих переживаний, связанных с так назы-

ваемым «комплексом государственности» человека (см. также РМ IV, 3).

Стр. 24. *Голоса человекоузников.* — Человекоузники — государственные деятели, полководцы, вожди, чья участь в посмертии — поддерживать и достраивать трансфизические устои государства.

Здесь, в мрачном Друккарге... — Друккарг — столица дьяволочеловечества российской метакультуры.

Пахнуло черное дыхание господа... — Великий Игва поддерживает мистическую связь с триипостасным князем тьмы — Гагтунгром.

Стр. 25. *Голос человекоорудия Багрового Жругрита.* — Уицраоры воздействуют на события в Энрофе посредством человекоорудий — людей, чьи сознания удается подчинить инфернальным инвольтациям.

Стр. 28. *Голос Карны.* — Карна — вещая Дева-Обида. Образ восходит к «Слову о полку Игореве»: «И явилась Карна и в кручине // Смертный вопль исторгла...» — перевод Н. Заболоцкого. (Заболоцкий Н. Избранное в 2 тт. М., Художественная литература. 1972. Т. 2. С. 89).

Сбросить душу в Уппум. — Уппум — ад уицраоров.

АКТ ВТОРОЙ. ВОСШЕСТВИЕ

Стр. 45. *Тарнаба* — ст. русск. — балалайка.

Стр. 46. *Голос Афродиты Всенародной.* — Афродита Всенародная — *карóсса* — локальное метаструктурное проявление праматери человечества Лилит; иерархи́я, заботящаяся о приумножении народной плоти, воплощающая идею плотской любви. Имя кароссы российской метакультуры — Дингра (см. также РМ V, 2).

АКТ ТРЕТИЙ. ЦАРСТВОВАНИЕ

Стр. 66. *Похититель монады.* — Много столетий назад Гагтунгр похитил *монаду* (богорожденную или богосотворенную неуничтожимую сущность человека, постоянно пребывающую в одном из высоких миров Просветления) и со временем полностью демонизировал — заменил ее тонкоматериальное тело из *шайры* — просветленной материи, на *каррóх* — демонизированную материю. В будущем она предназначена антихристу, а пока проходит «пробные» воплощения в Энрофе (см. также РМ XI, 3).

Стр. 72. *Храни нас, блещущий Синклите Русский.* — Синклит — средоточие духовного опыта, создаваемое за время существования метакультуры (см. также РМ III, 2).

О, братство праведных в Кремле Небесном! — Небесный Кремль — столица Святой России — небесной страны Российской метакультуры. Место обитания синклита.

Стр. 79. *О Радонежском... Эхнатоне...* — Эхнатон (Аменхотеп IV) фараон — около 1400 г. до н. э. Религиозный реформатор, вводивший монотеизм (культ бога Атона).

Стр. 81. *Но в материнское лоно обманом следом проник сатана.* — Великая Стихиаль — Лилит (см. Афродита Всенародная)

несет в себе дьявольское семя с тех пор, как в незапамятные времена в состав ее сущности вторгся Гагтунгр. Андреев видит в этом событии истинный смысл грехопадения.

Демиургами сверхнародов порабощен. — В дьяволочеловечестве мир предстает опрокинутым. В соответствии с этим «опрокинуты» и понятия Добра и Зла. Игвы и раругги воспринимают Мирового Логоса как абсолютного тирана, а демиургов — как его приспешников.

Стр. 82. *Багровый Антарес льет свою силу.* — В системе мироздания Андреева Антарес (альфа Скорпиона) — средоточие богоборческих полчищ галактики, их обиталище в трехмерном мире, демонический полюс Млечного Пути, Антикосмос.

Стр. 83. *Мир стихиалей.* — Стихиали — души живой природы (см. также РМ V).

АКТ ПЯТЫЙ. УЩЕРБ

Стр. 114. *Черный корабль! Вновь эта тень!* — Таким странным, вызывающим в памяти ладью Харона, способом в мирах возмездия доставляются грешные души из слоя *Скрйвнус* в более глубокий слой — *Ладрéф.* В Скривнусе проходят искупительные страдания те, чье сознание в Энрофе отягощено заботой лишь о материальном. Ладреф — следствие маловерия, не дававшего силам духовности проникать в естество человека и облегчать его эфирное тело.

В поэме несколько смещена перспектива и Черный корабль забирает несчастных прямо из Энрофа, как бы становящегося неотличимым от Скривнуса — первого из чистилищ (см. также РМ IV, 2).

Стр. 122. *Нечто неуловимое, как нож гильотины, беззвучно обрушивается оттуда на высотную часть Цитадели.* — Удар, нанесенный демиургом, оборвал связь вождя с его инфернальным вдохновителем. Сразу вслед за этим последовала физическая смерть, так как жизнь в нем давно уже поддерживалась только силами ада (см. также РМ XI, 3).

Стр. 123. *Блюстительницы Кармы.* — Карма — одно из центральных понятий индийской философии — цепь причин и следствий — закон воздаяния. Блюстительницы кармы — контролирующие соблюдение закона.

Стр. 126. *Пройдут времена — и встанешь, как черное солнце в зените.* — Тому, кто был вторым вождем, в Энрофе уготовано новое рождение с неизмеримо более страшной миссией.

Стр. 133. *Туннели Шим-бига дрожат от погонь.* — Шим-биг — одно из трех последних чистилищ, над которым господствуют ангелы мрака (см. также РМ IV, 2).

Стр. 136. *Император-инок!* — Указание на того, кто был в Энрофе императором Александром I и после мнимой смерти в Таганроге был известен под именем старца Федора Кузьмича. Ныне он пребывает в Синклите России (см. также РМ IX, 4).

АКТ ШЕСТОЙ. КРИПТА

Стр. 148. *Плерома Вселенской Церкви.* — Плерома — «мистическое тело» всемирной общины верующих, дающее возможность образования единства из множества без потери индивидуальности составляющих частей последнего. Сложное понятие христианской мистики (см., например, Посл. к Колоссянам, 2, 9).

Стр. 150. *А в грядущем эоне станет как демиург!* — Эон — период существования планетарного космоса в определенном качестве. При смене эона мир меняется.

Стр. 154. *«Рыцарь-монах»!* — название статьи А. Блока, посвященной личности Вл. Соловьева. — А. Блок. Собр. соч. в 8 тт. — М.—Л., ГИХЛ. 1962. Т. 5. С. 446 (см. также РМ X, 2—4).

Стр. 159. *С Жругром и Лай-Джоем будет бой...* — Лай-Джой — уицраор китайской метакультуры.

Бросит мой Укурмия... — Укурмия — новогерманский уицраор, рожденный после крушения Третьей Империи, отпавший от тьмы и объединивший силы с демиургом Северо-Запада.

АКТ СЕДЬМОЙ. ГЕФСИМАНИЯ

Стр. 166. *О канувших нераскаянными, неоплаканными в шеол.* — Шеол другое название для слоев страдалищ.

Тихий голос из Мировой Сальватэрры. — Мировая Сальватэрра — три наивысших сферы, объемлющих весь планетарный космос Земли: сфера Планетарного Логоса, сфера Присподевы Марии и сфера великой женственной монады (см. также РМ VI, 1).

Стр. 169. *Мы Розой Мира зовем то зодчество.* — Роза Мира — будущее гармоничное мироустройство.

АКТ ВОСЬМОЙ. СПУСК

Стр. 182. *Готовы ли раругги соседних шрастр?* — Шрастры — страны метакультур в дьяволочеловечестве.

Стр. 190. *Пояс бушующих магм Укарвайр.* — Укарвайр — один из глубочайших слоев страдалищ, место посмертных искуплений тех, кто повинен в растлении сознаний народных множеств.

Стр. 193. *Глубже страдалищ, в тихий Суфэтх.* — Суфэтх — один из последних слоев страдалищ, кладбище Шаданакара, где пребывают покинутые монадами останки упорствовавших во зле.

АКТ ДЕВЯТЫЙ. НИЗВЕРЖЕНИЕ

Стр. 205. *Уицраор Стэбинг* — уицраор США, один из уицраоров династии Ваггаг, принадлежащей к Северо-Западной метакультуре.

Стр. 206. *Уицраор Устр* — уицраор Англии из той же династии.

Он здесь, в Мудгабре... — Мудгабр — столица германского дьяволочеловечества.

Стр. 213. *Оползнями осел архитрав.* — Архитрав — часть ар-

хитектурного сооружения в виде широкой балки, лежащей на капителях колонн.

Стр. 230. *Миг настает: моя трансформа...* — Трансформа — редкий способ перехода одной формы жизни в другую, минуя стадию смерти.

АКТ ДВЕНАДЦАТЫЙ. РОЗА МИРА

Стр. 296. *Он развернет у ног Экклезии...* — Экклезия (от греч. ekklesia) — в Древних Афинах — народное собрание. Здесь — в более высоком смысле — истинное всечеловечество — Вселенская Церковь.

Стр. 299. *Мираклей планы многослойные.* — Миракль (от лат. miraculum — чудо) — жанр западноевропейской средневековой религиозной стихотворной драмы, сюжет которой основан на чуде, свершаемом кем-либо из святых.

Стр. 303. *Нил Небесный* — эфирная река, текущая через небесную страну Древнеегипетской метакультуры Иалу.

Строил я Эанну... — Эанна — небесная страна древней Вавилоно-ассиро-ханаанской метакультуры.

Стр. 304. *В мраморе Олимпа моего...* — Олимп — небесная страна древней Греко-римской метакультуры.

Бронза Монсальвата в серебре льдов... — Монсальват — небесная страна Северо-Западной метакультуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреев Д. Л.
А 65 Железная мистерия : Поэма — М. : Мол. гвардия, 1990. — 315[5] с. / Предисл. и примеч. В. Грушецкого.

ISBN 5-235-01514-2

Поэма «Железная мистерия» принадлежит перу одного из крупнейших поэтов XX века Даниила Андреева (1906—1959) — сына известного русского писателя. Написанная в камере Владимирской тюрьмы в 1950—1956 годах, она вобрала в себя крестный путь России с начала века до дней завтрашних. Редчайший дар поэта-духовидца позволил Андрееву создать небывалую поэму-эпопею. Являясь полностью самостоятельным произведением, она в то же время представляет собой часть могучего триптиха, включающего в себя также книги «Русские боги» и «Роза Мира». Из полной безвестности к читателю приходит одно из самых значительных поэтических произведений русской поэзии.

А $\frac{4702010202-270}{078(02)-90}$ КБ—006—016—90 **ББК 84Р7**

ИБ № 7126

Андреев Даниил Леонидович

ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ

Заведующий редакцией **Г. Зайцев**
Редактор **С. Щербаков**
Художник **В. Потапов**
Художественный редактор **Т. Погудина**
Технический редактор **З. Ахметова**
Корректоры **Н. Овсяникова, Н. Самойлова, В. Назарова**

Сдано в набор 07.05.90. Подписано в печать 19.11.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Условн. кр.-отт. 16,8. Учетно-изд. л. 17,3. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 50 к. Заказ 1128.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01514-2

Уважаемые читатели!

В издательстве «Молодая гвардия» в 1991 году в уже полюбившейся Вам серии «Восхождение» выйдут поэтические книги Лидии **Григорьевой,** Владимира **Евпатова,** Александра **Казанцева,** Геннадия **Касмынина,** Александра **Медведева,** Владимира **Некляева,** Лады **Одинцовой,** Владимира **Урусова,** Виктора **Гаврилина,** Георгия **Зайцева,** Ивана **Жданова.**

